

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 4 (101) / 2019

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. Г. Задворная,
Т. П. Карпилович, Г. Ф. Лепесская, Ю. В. Овсейчик,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Абреу-Фамлюк В. Р.</i> Специфика функционирования интерпретирующих речевых актов в русскоязычном научном диалоге.....	7
<i>Аскари А. С.</i> Морфологические, семантические и синтаксические особенности звукоподражаний персидского языка	14
<i>Бетенья Е. П.</i> Идиоэтничность грамматических систем английского и белорусского языков	21
<i>Биюмена А. А.</i> Содержание медиатекстов как отражение ситуации в обществе	32
<i>Виноградов И. А.</i> Языковая репрезентация концепта «преступление».....	39
<i>Лебедевич Р. В.</i> Развернутый вербальный хезитатив как индикатор коммуникативного затруднения говорящего в разных типах диалога	46
<i>Лю Пэн. 上 Shang</i> ‘верх’ в системе китайского языка.....	53
<i>Чэнь Тин, Леуцёва Л. М.</i> Возможности интегрального подхода к описанию лексического значения слова	62
<i>Шуманская О. А.</i> Контент-анализ англоязычного медиадискурса белорусских ИТ-компаний	72

Романское и германское языкознание

<i>Борзенец С. Е.</i> Народная топонимика США: структура, семантика, прагматика	79
<i>Корбачёва Т. В.</i> Религиозные коннотации в семантике наименований дней недели в испанском языке	84
<i>Ключенович С. С.</i> Когезивные основы эллипсиса сквозь призму универбации (на материале экономических и правовых текстов)	92
<i>Кузьменко Н. В.</i> Супер-меронимия в системе многозначных имен существительных современного английского языка	99
<i>Курбаленко Н. В., Гирко Е. А.</i> Каузативные конструкции с глаголами волевого воздействия в немецком и белорусском языках	104

<i>Фурашова Н. В., Янкова В. Д.</i> Закономерности формирования значений конструкций-неологизмов [...] -ALDI и ALDI-[...]	112
---	-----

Исследования славянских языков

<i>Кохнович Н. А.</i> Отражение в языке Статута ВКЛ 1588 г. представлений белорусской шляхты о чести и достоинстве	118
--	-----

Литературоведение

<i>Любчанка А. А.</i> Раскрыццё праблемы экзістэнцыяльнай адзіноты ў кантэксце адказнасці за ўласны выбар (на прыкладзе рамана В. Казько «Неруш»)	126
<i>Первушина Л. В.</i> Жанровое своеобразие творчества Дойны Галич Барр	131
<i>Пятровіч А. Ю.</i> Праблема цялеснасці ў зборніку паэзіі «Трыумф Ахіла» Луізы Глюк	139
<i>Наши авторы</i>	146

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Abreu-Famliuk V. R.</i> Specifics of the Functioning of Interpretive Speech Acts in the Russian-Language Scientific Dialogue	7
<i>Askary, A. S.</i> Morphological, Semantic and Syntactic Features of Persian Onomatopoeias	14
<i>Betenya E. P.</i> Idio-Ethnics of Grammatical Systems in English and Belarusian ...	21
<i>Biyumena A. A.</i> Press Content as the Reflection of the Social Situation	32
<i>Vinogradov I. A.</i> Verbal Representation of the Concept of <i>Crime</i>	39
<i>Lebedevich R. V.</i> Extended Verbal Hesitation Placeholder as an Indicator of the Communicative Difficulty of the Speaker in Different Types of Dialogue	46
<i>Peng Liu.</i> 上 Shang ‘Top’ in the System of the Chinese Language	53
<i>Chen Ting, Liashchova L. M.</i> Potential of an Integrated Approach to the Description of the Lexical Meaning of the Word	62
<i>Choumanskaya O. A.</i> Content Analysis of English Language Media Texts of Belarusian IT Companies	72

Romance and Germanic Linguistics

<i>Borzenets S. E.</i> Popular American Toponymy: Structure, Semantics, Pragmatics.....	79
<i>Karbachova T. V.</i> Religious Connotations in the Semantics of the Names of the Days of the Week in the Spanish Language	84
<i>Klyuchenovich S. S.</i> Cohesive Foundations of Ellipsis through the Prism of Univerbation (on the Material of Economic and Law Texts)	92
<i>Kuzmenko N. V.</i> Super-Meronymy in the System of Modern English Polysemantic Nouns	99
<i>Kourbalenko N. V., Girko E. A.</i> Causative Constructions with the Verbs of Volitional action in German and Belarusian	104
<i>Furashova N. V., Yankova V. D.</i> Regularities of Formation of Values of New Constructions [...] -ALDI and ALDI- [...]	112

Slavonic Languages

Kakhnovich N. A. The Language of the 1588 GDL Statute
as the Reflection of the Belarusian Gentry's Ideas about Honor and Dignity.....118

Literary Studies

Liubchanka A. A. The Problem of Existential Loneliness
in the Context of Responsibility for One's Own Choice
(on the Example of the Novel *Nerush* by V. Kazko)..... 126

Pervushina L. V. Genre Peculiarities in the Fiction of Dojna Galich Barr 131

Piatrovich A. Y. The Problem of Corporality in Louise Glück's
The Triumph of Achilles 139

Our authors..... 146

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. Р. Абреу-Фамлюк

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В РУССКОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

В статье анализируется феномен интерпретирующих речевых актов в устном научном диалоге. Исследуются особенности их функционирования в качестве отдельной реплики и в составе сложной реплики, а также комбинации интерпретации с другими видами интенций, которые способны привести к значительному разнообразию в прагматическую составляющую научной коммуникации.

Устный научный диалог располагает широкой палитрой коммуникативных действий, направленных на регулирование понимания путем согласования когнитивных баз собеседников. Одной из важнейших разновидностей таких речевых действий являются *интерпретирующие речевые акты* (ИРА), ориентированные на выявление соответствия между тем, что вкладывалось адресантом в сообщение, и тем, как это сообщение было понято реципиентом. В научном дискурсе ИРА способствуют прояснению позиций собеседников в ходе обсуждения проблемы, позволяя избегать коммуникативных неудач, вызванных неправильностью или неточностью понимания [1], и таким образом повышая эффективность научной коммуникации.

Основываясь на исследовании, предпринятом И. М. Кобозевой и Н. И. Лауфер [2], под интерпретирующими речевыми актами мы будем понимать содержащиеся в реактивной реплике речевые акты, отражающие интерпретацию собеседником смысла предшествующего высказывания и имеющие как минимум один из возможных формальных показателей (*то есть, значит, получается, вы думаете/ считаете/ подразумеваете, из ваших слов следует, вы имеете в виду, насколько я понял, я так понимаю, у меня сложилось впечатление* и т. п.). В качестве главного критерия отнесения высказывания к числу ИРА выступает наличие в нем исходной пропозиции интерпретируемого высказывания.

В зависимости от особенностей реализации и функционирования в реплике, ИРА способны играть различную роль в диалогическом взаимодействии. Так, ИРА может быть представлен в виде *отдельной самостоятельной реплики* или функционировать как *компонент сложной реплики*¹, включающей несколько речевых актов. В обоих случаях возможно (а в случае нахождения ИРА в составе сложной реплики – обязательно) комбинирование интерпретативной иллокуции с другими видами иллокуций.

---

¹ Под репликой в данной работе понимается все, что сказано между менами коммуникативных ролей (Ч. Гудвин, М. Л. Макаров и др.)

Цель работы, таким образом, заключается в выявлении специфики иллокуций или их комбинаций в отдельной реплике или в составе сложной реплики. Материалом послужили русскоязычные стенограммы научных дискуссий, круглых столов и пленарных заседаний, из которых было отобрано 230 контекстов, включающих ИРА.

1. ИРА как отдельная самостоятельная реплика

В случаях, когда ИРА представлен отдельной репликой, интерпретация может являться как единственной иллокуцией (*неосложненные ИРА*), так и частью иллокутивной комбинации (*осложненные ИРА*). В обоих случаях интерпретация как запрос на правильность понимания воспринятой позиции является доминирующей интенцией говорящего.

1.1. Неосложненные ИРА

В неосложненных ИРА интерпретация выступает как единственная интенция, т.е. иллокуцией служит «желание сделать смысл исходной реплики более ясным» [2, с. 64] с помощью проверки правильности своей интерпретации. Такие ИРА, как правило, являются интеррогативами:

– *Правильно ли я понимаю, что речь идет о протесте против племенной солидарности, к которой апеллирует Саррацин, об апелляции к надэтнической и более универсальной солидарности?*

Преимущественно интеррогативный характер данного типа речевых актов связан с тем, что с помощью ИРА осуществляется запрос на правильность/ошибочность понимания слов собеседника (соответственно, ожидается реакция в виде подтверждения/опровержения интерпретативной гипотезы); а также с использованием в них формальных показателей, свойственных для вопросительных предложений (*правильно ли я понимаю, вы имеете в виду и т. д.*).

Тем не менее в научном диалоге намерения собеседников, как правило, не исчерпываются толкованием смысла того, что было сказано другими участниками, вследствие чего ИРА могут быть осложнены дополнительными интенциями.

1.2. Осложненные ИРА

Осложненные ИРА с компонентом *обобщения*

Одна из наиболее употребительных разновидностей ИРА, представляющих собой сложные иллокутивные образования, – это комбинация интерпретации и обобщения. Это объясняется тем, что научный дискурс в принципе требует частого применения логической операции обобщения в целях удаления нерелевантных деталей и сжатия информации [3, с. 9]. А учитывая, что большинство научных диалогов носят дискуссионный характер, формулирование четких результатов научного обсуждения представляется просто необходимым. Для ИРА обобщающего характера свойственно использование таких языковых маркеров, как *получается, что; (это) значит; я понял, что; из ваших слов следует, что; таким образом; то есть; иными словами; иначе говоря*. Данные формальные

показатели способны также условно дифференцировать наличие трех типов модусов в обобщающих ИРА: формулирование *вывода* (*значит, таким образом, то есть* и т.д.), *резюмирование* (*получается, что; я понял, что* и пр.) и *обобщающее повторение* (*иными словами, иначе говоря*) [3, с. 10].

Вывод представляет собой формулирование следствия из того, что было сказано предыдущим оратором, относящееся исключительно к предыдущей реплике:

– *Общаясь в чате, мы ведь не знаем точно, человек с нами говорит или машина. Поэтому если вы попробуете пообщаться с ботами на сайте, вы же будете это делать через интернет. И где они находятся, мы не знаем и никогда не узнаем.*

– *Это значит, что машина сможет пользоваться и помощью человека?*

Любопытно, что, несмотря на постулируемую строгость изложения, для научного дискурса характерно формулирование ироничного вывода как прием доведения какого-либо утверждения до крайности:

– *Мы сейчас противопоставляем поэтики классицистические и барочные, но он ничему не противостоит, он разрабатывает вот это свое поле, прибавляя к этой науке.*

– *То есть анализ – это хирургическая операция с необратимыми последствиями?*

Что касается резюмирующих ИРА, они представляют собой краткое подведение итога обсуждения или отдельных его частей и чаще всего являются дистантными, т.е. располагаются в удалении от иницирующей реплики:

– *А можно резюме? Извините, что я берусь за это. Получается, что преподавание литературы на любом уровне (от школы до университета) можно свести к комментированию как к методу и к интерпретации как к цели.*

Наконец, обобщающее повторение отражает стремление интерпретатора по-своему высказать сходную мысль, что иногда может проявляться в перефразировании приведенной предыдущим оратором формулировки. В данном случае автор реактивной реплики явно ждет от своего собеседника более четкой формулировки существующего положения дел:

– *Понимаем, что прикладных [специалистов] у нас меньше, но нужно принимать особые усилия, чтобы специалистов по инженерным и техническим наукам в такую систему включать, они для экспертной работы часто бывают нужны, но это текущий недостаток продукта.*

– *Иными словами, кроме пока не закрытой зоны социально-гуманитарной, которой вы не касались и каких-то недоделок на вашей традиционной поляне, есть ещё инженерный блок?*

Однако не всегда можно однозначно отнести высказывание к одному из видов ИРА обобщения, поэтому следует отметить определенную размытость границ между данными разновидностями речевых действий.

Осложненные ИРА с компонентом *полного согласия*

Среди осложненных ИРА, представляющих собой отдельную реплику, довольно распространены ИРА *полного согласия* (или «абсолютного подтверждения точки зрения» партнера по общению, «констатации правоты» [4, с. 7-8]). В полемическом научном диалоге случаи полного согласия с собеседником представляют собой скорее исключение, нежели правило. Тем не менее, если всё же ИРА сочетается с чисто позитивной оценкой, то это происходит

- посредством глагола *согласиться* или предикативного прилагательного *согласен\согласна*:

- *Спасибо. Вы продолжаете тему моего выступления. Я согласна с Вами, что мы подчас следуем американскому опыту, разрушая свои традиции, причем это касается именно образования и науки, общеполитический властный тренд – иной;*

- чаще с использованием наречий позитивной рациональной / интеллектуальной оценки (*правильно, разумно, верно* и пр.):

- *Валерия Сергеевна правильно сказала в своем выступлении, что большой вклад в знания о личности внесли работники религии. ...*

2. ИРА как компонент сложной реплики

Если в рамках ИРА как отдельной реплики интерпретация является генеральным речевым действием, то в пределах сложной реплики, включающей несколько РА, интерпретация выступает как вспомогательный, подготовительный ход для успешной реализации других интенций. В таком случае интерпретация является сопутствующей интенцией, сочетающейся с другими целями: выразить неполное согласие или несогласие, задать вопрос, развить обсуждаемую проблему.

2.1. ИРА в сочетании с неполным согласием¹

В диалоге дискуссионного характера регулярно возникают разногласия во мнениях, вследствие чего говорящий может использовать интерпретацию как основу для выражения несогласия. Для реализации неполного согласия в сочетании с интерпретацией интерпретатор располагает таким набором приемов, как

- выражение *частичного согласия* (или, в терминологии М. П. Чурикова, «частичного подтверждения» [4, с. 7]), соответствующее схеме «я согласен, что р, но q»:

---

¹ В ряде работ (М. П. Чуриков, М. К. Любимова, К. А. Оразалинова, В. В. Казаковская, Н. С. Павлюковская и др.) подробно описаны способы выражения полного и частичного согласия и несогласия и предложены типы соответствующих речевых актов в различных видах дискурса. В данной работе мы используем упрощенный вариант этих классификаций.

– Валерий Александрович **обращает наше внимание на то**, что сегодня многое изменилось, приобрело другой смысл, что многое из привычных ранее вещей ставится под вопрос, что сам смысл культуры стал иной и так далее. Все это верно. И тем не менее существуют некие совершенно бесспорные и общезначимые вещи, которые характеризуют сегодняшнее состояние отечественной (да и мировой тоже) культуры и позволяют говорить о ее кризисном состоянии ...;

- выражение *условного согласия* – если вы имеете в виду, что р, то я согласен» (т.н. «допущение правоты» [4, с. 8]):

– Когда Михаил Краснов **говорил о том**, что демократия для нас не так важна, как правовое государство, **он имел в виду**, мне кажется, только один признак демократии, а именно – честные выборы. И в таком случае, конечно, он прав: равноправие для нас важнее, чем голосование.

2.2. ИРА в сочетании с несогласием

Выражение несогласия является довольно распространенным спутником интерпретативных коммуникативных действий в устной научной дискуссии. Среди вариантов комбинаций данных интенций, где интерпретация служит для обоснования несогласия, можно отметить

- *альтернативное мнение* (языковыми индикаторами в таком случае выступают конструкции *я считаю, мне кажется, по моему мнению, по мне, на мой взгляд* и т. п.):

– Уважаемый Юрий Валерьевич, у меня есть небольшая реплика. Вы сказали, что если секта не наполнена негативным содержанием, то ее ученым, **как я поняла**, рассматривать не стоит. Мне кажется, что наоборот. Именно задача ученых рассмотреть этот термин и понять, как можно разграничить эти секты, задача ученых – исследовать;

- *мягкое предложение альтернативы* (которое в определенной степени соотносится с «вежливым несогласием» в концепции Н. С. Павлюковской [5, с. 296]):

– Пафос Михаила Александровича направлен, **насколько я понял**, против иллюзий насчет того, что власти могут прислушаться к нашим предложениям. Иллюзии – это, конечно, плохо. Но ведь отвергнутые или незамеченные предложения – это еще и основа для конкретной критики властей и, соответственно, для критики государственной системы, изменения отторгающей. И, следовательно, для более содержательных апелляций к обществу, которое сегодня осведомлено о либерально-демократических проектах лишь в предельно абстрактном их выражении;

- *апелляцию к фактам*, опровергающим точку зрения говорящего:

– **Вы высказали мнение**, что представительная власть должна нести на себе стратегическое видение, а исполнительная может мыслить более короткими сроками. Так ли это? Ведь представительная власть обычно избирается с определенной частотой – там все привязано к избирательному циклу;

• *акцентирование противоречивости* интерпретируемых высказываний:

– *Я переведу это на интеграцию. Такое впечатление, что **Вы** считаете, что это цель. А может быть, все-таки это процесс. Он идет и идет себе. И сравнивать нужно интеграцию Евросоюза с интеграцией в СНГ. **Вы** сказали, что это вполне сравнимо. А потом сказали, что нет никакой интеграции, потому что Россия не способна обеспечить эту интеграцию. Но без России вообще интеграции никакой не может быть.*

Такое многообразие способов выражения несогласия в сочетании с ИРА обусловлено полемической направленностью научного диалога, где борьба противостоящих позиций призвана служить цели достижения истины.

2.3. Комбинации ИРА и вопроса

С помощью ИРА происходит содержательностная фиксация основания вопроса, т.е. интерпретация обеспечивает успешность РА вопроса. Генеральная интенция в таких высказываниях – интеррогативная, однако ИРА способствует наиболее полному раскрытию мотива, причины и смысла РА вопроса, а также актуализирует содержательные аспекты рассматриваемой проблемы, особенно в тех случаях, когда обсуждение носит политематический характер.

Интерпретационный компонент, как правило, располагается в препозиции к вопросу:

– ***Вы** сказали, что нынешняя тенденция – вернуть государство в служебную позицию. Когда, по-вашему, оно было в этой служебной позиции и когда оно из нее вышло?*

Интерпретация может располагаться и в постпозиции по отношению к вопросу, в этом случае ИРА также используется как мотивировочный компонент:

– *Скажите, пожалуйста, есть ли реальные свидетельства того, что в нашем народе растет запрос на демократизацию? **У меня из вашего доклада** создалось впечатление, что налицо обратная тенденция: есть четко выраженный запрос на решение прагматических вопросов, а в рамках какой модели они будут решены, не важно. То есть к демократизации это прямого отношения не имеет. Спасибо.*

Сочетания интерпретации с вопросом позволяют интерпретатору сослаться на слова автора исходного высказывания и обосновать целесообразность постановки своего вопроса.

2.4. ИРА в сочетании с выражением мнения интерпретатора

В научной дискуссии периодически возникает необходимость регулирования степени охвата обсуждаемых проблем. Содержательная сложность и строгость научного диалога приводит к необходимости придерживаться определенной узкой тематики, однако в процессе дискуссии, как правило, выявляется ряд аспектов проблемы, требующих развития.

Как показывает анализ научного диалога, выражение точки зрения интерпретатора может осуществляться в виде *количественного и качественного развития* слов автора исходного высказывания.

- Количественное развитие предполагает добавление интерпретатором информации, указание на существование иных точек зрения, закономерностей, факторов, касающихся обсуждаемой проблемы:

- *Спасибо, Владимир Александрович. Прежде чем предоставить слово следующему выступающему, я хочу обратить внимание присутствующих на то, что, кроме тех моментов, о которых говорил Рыжков, существуют и другие. Он говорил о том, что действовать приходится во враждебной среде, т.е. о внешних условиях, ограничивающих возможности либералов. Но есть еще и вопрос о том, какова их собственная деятельность, каково ее позитивное содержание и насколько соответствует она ожиданиям общества.*

- Качественное развитие связано

- а) с углублением высказанных положений:

- *У меня короткий комментарий по поводу доклада Андрея Виленовича. Хотел бы солидаризироваться с основными идеями, которые прозвучали в нем. Но при этом мне кажется, что **Ваши тезис о том, что** основная проблема постсоветских государств – это дефицит развития, можно радикализовать и сказать, что проблема многих постсоветских государств – это не только отсутствие развития, но это архаизация, движение вспять;*

- б) с экстраполяцией темы в другую проблемную область:

- *Мне показалось, что **вы имеете в виду** под неопределенностью и такие свойства, как апатичность, инертность. Говорилось и про агрессивность. Мне кажется интересным перенести эти модели поведения на конкретный регион.*

Несомненно, подобные сложные реплики являются мощным инструментом тематического регулирования в диалоге, а сочетание с интерпретацией позволяет сделать переход к новым аспектам обсуждения более плавным и обоснованным.

Таким образом, проведенный анализ ИРА позволяет сделать следующие выводы. Интерпретация в составе интерпретирующих речевых актов – не всегда единственная и ведущая интенция говорящего; наиболее характерными и употребительными для научного диалога интенциями, комбинирующимися с интерпретацией, являются обобщение, согласие, несогласие, выражение собственного мнения, вопрос. Особенности использования ИРА обусловлены их функционированием в качестве отдельной реплики либо в комбинации с другими видами интенций в составе сложной реплики, при этом в первом случае интерпретация является доминирующей интенцией, а во втором – вспомогательной. Интерпретация в научной дискуссии обладает высоким коммуникативным и прагматическим потенциалом, а также может становиться платформой для решения различного рода задач,

проспективно подготавливая или ретроспективно обосновывая и мотивируя различные речевые действия, участвуя в тематическом регулировании и привнося разнообразие в полемическую составляющую научного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голетиани, Л.* Коммуникативная неудача в диалоге / Л. Голетиани. – Мюнхен, 2003. – 412 с.
2. *Кобозева, И. М.* Интерпретирующие речевые акты / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М. : Наука, 1994. – С. 63–71.
3. *Зиневич, Н. В.* Обобщающие высказывания выводного характера в научном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19 / Н. В. Зиневич. – Минск, 2015. – 25 с.
4. *Чуриков, М. П.* Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения: на материале текстов немецких политических интервью: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04 / М. П. Чуриков. – Пятигорск, 2005. – 18 с.
5. *Павлюковская, Н. С.* Коммуникативная ситуация несогласия: общие понятия / Н. С. Павлюковская // Вестн. ИрГТУ [Электронный ресурс]. – 2014. – № 2 (85). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-situatsiya-nesoglasiya-obschie-ponyatiya>. – Дата доступа : 11.06.2019.
6. *Задворная, Е. Г.* Виды научной дискуссии и их прагматические характеристики / Е. Г. Задворная // Стиль : междунар. науч. журн. – Белград, 2008. – № 8. – С. 213–224.

The article is devoted to the phenomenon of interpretive speech acts in the oral scientific dialogue. In particular, the features of their functioning as separate conversational turns within complex utterances and the combination of interpretation with other kinds of intentions are investigated.

Поступила в редакцию 01.07.2019

А. С. Аскари

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается история изучения таджикских и персидских звукоподражаний в СССР, на постсоветском пространстве и в Иране, представлен критический обзор работ М. Ф. Фазылова, М. Шукуровой, С. М. Нешата, Т. В. Камьяра, К. Мехраби, Г. С. Трасковской. Проанализированы морфологические, семантические и синтаксические особенности персидских звукоподражаний.

Звукоподражания персидского языка исследованы мало, хотя представляют значительный интерес, поскольку в отличие от многих других индоевропейских языков в фарси обнаруживаются не только звуковыражения (подражания звуку), но и звукообразы (подражание звуку и образу

с помощью звука) и звукоизображения (подражание образу с помощью звука). В СССР исследовались звукоподражания многих языков. К числу работ по иранским языкам можно отнести «Мимео-изобразительные слова в осетинском языке» В. И. Абаева [1] и «Изобразительные слова в таджикском языке» М. Ф. Фазылова [2]. Эту тему затрагивает и М. Шукурова в диссертации «Повторы в таджикском языке» [3].

Исследование М. Ф. Фазылова основано на данных литературного таджикского языка и канибадамского говора, приводятся примеры из других северных и южных говоров [2, с. 3], что весьма ценно, поскольку многие звукоподражания до сих пор не кодифицированы. Ученый критикует термин *звукоподражание* в узком смысле (как подражание звуку), отмечая, что он «не охватывает круга этих слов», вводит термин *изобразительное слово* и указывает на ошибочность трактовки подобных языковых единиц как междометий [2, с. 2]. Справедливо обращая внимание на то, что «всякая классификация является более или менее относительной» [2, с. 4], автор выделяет 4 группы изобразительных слов. К их числу относятся лексические единицы, выражающие звуки, движения, световые и физиологическо-эмоциональные явления [2, с. 4–7].

Исследователь приходит к выводу о том, что изобразительные слова могут быть любым членом предложения [2, с. 7–9]. К фонетическим особенностям подобных языковых единиц лингвист относит повторение корня, привносящее значение многократности, и явления, связанные с семантизацией звуков [2, с. 12–13], при этом термин *звукосимволизм* не употребляет. По утверждению ученого, гласные [а], [у] и [и] передают высшую, среднюю и меньшую «степень насыщенности явления» соответственно [2, с. 13]. Автор отмечает ритмичность изобразительных слов, возникающую благодаря основному и второстепенному ударению и повтору основы [2, с. 13–14].

Исходя из морфологических показателей, М. Ф. Фазылов причисляет большинство изобразительных слов к существительным [2, с. 9], хотя отмечает, что подобные лексемы в предложении «чаще выступают в роли сказуемого, косвенных дополнений и обстоятельств» [2, с. 10]. Часть подобных слов ученый относит к прилагательным, глаголам и наречиям [2, с. 10–11]. Особое значение для нашего исследования имеет идея М. Ф. Фазылова о том, что малочисленность изобразительных слов в русской лексике объясняется характерной для русского языка описательностью, в отличие от свойственной таджикскому языку изобразительности [2, с. 15]. Ценность работы также заключается в предложенных автором правилах описания звукоподражаний, применимых к любому языку. Основным недостатком данного исследования, не умаляющим всех его достоинств, мы считаем попытку отнести большинство изобразительных слов к определенной части речи. Способность звукоподражаний играть различные синтаксические роли в предложении свидетельствует о том, что это отдельная языковая категория, являющаяся реликтом глоттогенеза.

По мнению М. Шукуровой, звукоподражания и изобразительные слова также относятся к существительным на основании синтаксического критерия [3, с. 6]. Автор отмечает, что компоненты некоторых звукоподражательных повторов могут использоваться как отдельные слова, в то же время часть звукоподражаний – это устойчивые неделимые парные лексические единицы [3, с. 6]. Звукоподражательные и изобразительные повторы употребляются в предложении с вспомогательными глаголами [3, с. 14].

Таким образом, исследования по персидским звукоподражаниям в СССР не проводились. Мы считаем, что отсутствие подобных работ связано с тем, что, в основном, внимание уделялось таджикскому языку в рамках специальности «10.02.02 – Языки народов СССР». Тем не менее в работах Ю. А. Рубинчика [4, с. 837–838; 5, с. 343] содержатся краткие сведения о персидских звукоподражаниях.

Хронологически первым исследованием на фарси стала статья С. М. Нешата «Звукоподражания и их использование в персидском языке» (1977) [6]. Автор отмечает, что на момент ее написания в грамматиках персидского языка звукоподражания не упоминались вовсе или рассматривались кратко и включались в междометия [6, s. 283–284]. Чтобы убедиться в достоверности слов ученого, мы обратились к двум грамматикам персидского языка, изданным в Иране. Так, П. Натель Ханлари (первое издание – 1972 г.) [7] ни междометия, ни звукоподражания не рассматривает. А. Ахмади Бирджанди (1973) выделяет класс, именуемый «звуки» (междометия, звукоподражания и междометные слова) [8, s. 182–184].

В своей статье С. М. Нешат говорит об ошибочности включения звукоподражаний в класс междометий и об их принципиальной разнице, выражающейся в воспроизведении в звукоподражаниях звуков окружающего мира и природы. Автор рассматривает синтаксические роли персидских звукоподражаний, словообразовательные особенности, изменение семантики в подобных словах вследствие утраты мотивировки, их роль в процессе номинации и приводит список звукоподражаний с толкованием их значений [6, s. 284–298].

Во введении к своему «Словарю звукоподражаний в персидском языке» (1996) Т. Вахидиана Камьяр также отмечает недостаточную изученность звукоподражаний: «К сожалению, звукоподражания персидского языка не только не собраны должным образом и не внесены в словари, но и всё, что написано по данной теме, сводится к упоминаниям в нескольких строчках либо к одной-двум статьям объемом две-три страницы, в которых даже не раскрыта сущность понятия *звукоподражание*»¹ [9, s. 14]. В словарь включены звукоподражания, слова звукоподражательного происхождения, междометия и междометные слова. В части словарных статей приводятся примеры из художественной литературы. Вместе с тем в работе есть спорные моменты касательно звукоподражательного происхождения некоторых слов,

---

¹ Перевод с персидского языка наш. – А. А.

например, آرد ([ārd] ‘мука’) [9, s. 50]. По данным «Этимологического словаря иранских языков» это слово восходит к праиранскому корню *ar- и к индоевропейскому корню *al- ‘молот, растирать, размельчать’ [10, с. 200].

В последние годы появились работы на русском [11] и украинском [12] языках. В статье «Сопоставительный анализ междометий и звукоподражаний русского и персидского языков» К. Мехраби кратко рассматривает словообразование звукоподражаний [11, с. 177], фокусируясь на сравнении междометий.

Вслед за представителями Санкт-Петербургской школы фоносемантики Г. С. Трасковская делит звукоизобразительную лексику на звукоподражательную и звукосимволическую [12, с. 4]. Автор анализирует 254 звукоизобразительных корней и выделяет всего три структурных типа (хотя их больше): ГС, СГ и СГС (СГСС, СГСГС), где Г – это гласный, а С – это согласный [12, с. 4]. Исследователь указывает на возможность семантических сдвигов, которые происходят при чередовании некоторых пар согласных [12, с. 5], выделяет несколько подклассов звукоподражаний (например, звуки стука, прерывистые звуки) и звукосимволических слов (например, выражающих хватание, икоту) [12, с. 7–10]. К сожалению, автор не дает четких определений понятиям *звукоподражание* и *звукосимволизм*, что приводит к противоречиям, а спорность некоторых его суждений является следствием узкой трактовки звукоподражания (как подражания звуку), поэтому многие из приводимых ученым корней, например, обозначающие хрип или икоту, должны быть отнесены не к звукосимволическим словам (звукоизображениям в предлагаемой нами терминологии), а к звукообразам с доминированием звука (разновидность звукоподражаний, в которых звуковая составляющая доминирует над образной). Кроме того, не ясно, на каком основании ученый считает слова کپ [kap] ‘спорт. кубок’¹ [12, с. 9] и قورباغه [ghurbāgheh] ‘жаба’² [12, с. 6] проявлениями звукосимволизма в фарси. Таким образом, в литературе на русском языке освещены не все аспекты персидских звукоподражаний.

Рассмотрим их морфологические, семантические и синтаксические особенности. В зависимости от количества слогов в базовых словообразовательных моделях могут быть выделены три подтипа: одно-, двух- и трехсложные. Односложная базовая модель представляет собой основу, состоящую из одного слога. Условно обозначим ее A^{сгс}, где сгс – структура слога, состоящего из согласного-гласного-согласного: پف [pof] ‘1) однократный / внезапный звук потока воздуха, исходящего изо рта, звук дуновения человека; 2) образ вздувания, опухания’ [VY].

¹ Фонетическая калька от англ. *cup* ‘кубок’.

² Стоило рассмотреть исконно иранское слово звукоподражательного происхождения وک [vak] ‘лягушка’, поскольку قورباغه ‘жаба’ является заимствованием из османского языка.

Двухсложную базовую модель обозначим как $A^{c^g}B^{c^g}$, где A^{c^g} – это первый слог, состоящий из согласного и гласного, а B^{c^g} – второй, состоящий из согласного-гласного-согласного: $ترق$ [ta-rahg] ‘звук однократного негромкого выстрела, взрыва, треска’ [VY].

Модели с повтором основы, представляющие собой повтор базовой модели, можно подразделить на две разновидности, каждая из которых имеет два подтипа. Первая представляет простой повтор основы и включает две модели: 1) на базе A^{c^g} образована двухсложная модель $A^{c^g}-A^{c^g}$; 2) на базе $A^{c^g}B^{c^g}$ образована четырехсложная модель $A^{c^g}B^{c^g}-A^{c^g}B^{c^g}$.

Модель $A^{c^g}-A^{c^g}$. На основе $پف$ [rof] образовано $پف پف$ [rof-rof] ‘звук постоянного сопения во время сна’. Модель $A^{c^g}B^{c^g}-A^{c^g}B^{c^g}$. На основе $ترق$ [ta-rahg] образовано $ترق ترق$ [taragh-taragh] ‘звук многократных негромких выстрелов, взрывов, повторяющегося треска’ [VY].

Вторая разновидность модели является специфической чертой персидских звукоподражаний. Она представляет собой повтор базовой модели, в котором используется союз $و$ [va/o] ‘и’ в роли интерфикса, однако их семантика не отличается от форм без союза. Мы считаем, что повтор основы с союзом – более позднее явление, связанное с фонетическими изменениями. Дело в том, что для современного фарси нетипично использование сочетания нескольких согласных звуков, поэтому часто между ними появляются гласные. Поскольку стык двух базовых моделей часто представляет собой сочетание согласных, то союз $و$ [va/o] (используется именно чтение [o]) призван облегчить произнесение звукоподражания с повтором основы. Учитывая вышесказанное, можно выделить следующие две модели: 1) на базе A^{c^g} образована трехсложная модель с союзом $A^{c^g}-و-A^{c^g}$; 2) на базе $A^{c^g}B^{c^g}$ образована пятисложная модель с союзом $A^{c^g}B^{c^g}-و-A^{c^g}B^{c^g}$.

Модель $A^{c^g}-و-A^{c^g}$. На основе $تق$ [tagh] образовано $تق و تق$ [tagh-o-tagh] ‘звук повторяющихся негромких ударов, постукиваний молотком, пальцем о деревянную поверхность и т.д.’ [VY]. Модель $A^{c^g}B^{c^g}-و-A^{c^g}B^{c^g}$. На основе $شلپ$ [she-lep] (‘1) звук однократной пощечины; 2) звук поцелуя; 3) звук однократного падения некоего предмета в воду; 4) звук от однократного удара руками о поверхность воды’) образовано $شلپ و شلپ$ [shelep-o-shelep] ‘1) постоянный звук ходьбы по грязи; 2) звук многократных ударов руками о поверхность воды; 3) звук и/или образ постоянного перемешивания руками жирной пищи’ [VY].

Нам удалось установить несколько моделей с частичной редупликацией, где редуплицированный корень представляет собой производную форму от базовой модели с чередованием звуков. Кроме того, в таких случаях между двумя корнями часто используется союз $و$ [va/o]. В первой модели (с союзом или без него) происходит чередование корневых гласных. Общая схема: $A^{c^{[r]c}}(-و)-B^{c^{[r]c}}$, где A и B – это слоги, ^{c} – согласный, $^{[r]}$ – чередующийся гласный. Например: $خش و خوش$ [khash-o-khush] ([e]/[u]) ‘звук постоянного относительно громкого шуршания листьев, бумаги и т.д.’ [VY].

Для второй модели характерно чередование корневых гласных (с союзом или без него). Общая схема: $A^{c[r1]}B^{c[r2]c}(-و)-C^{c[r1]}D^{c[r2]c}$, где A, B, C, D – это слоги, c – согласный, $[r1]$ – пара чередующихся гласных в слогах A и C, $[r2]$ – пара чередующихся гласных в слогах B и D: *تلق تلوٰق* [talagh-tolugh] ([a]//[o], [a]//[u]) ‘звук постоянной работы мотора старого и изношенного автомобиля’; *شلپ شلوپ* [shelep-sholop] ([e]//[o], [e]//[o]): ‘1) постоянный звук ходьбы по грязи; 2) звук от многократных ударов руками о поверхность воды; 3) звук и/или образ постоянного перемешивания руками жирной пищи’ [VY].

В основе третьей модели (с союзом) лежит двусложная базовая модель. Для нее характерно чередование начальных согласных. Общая схема: $A^{c[r]B^{erc}-و-C^{c[r]D^{erc}}$, где A, B, C, D – это слоги, c – согласный, r – гласный, $[c]$ – чередующийся согласный: *جلز و ولز* [jelez-o-velez] ([j]//[v]) ‘звук жарящегося в масле мяса’, имеет также значение ‘жалобная просьба, стон, плач’ [VY].

Кроме того, нами были установлены еще две модели, однако их продуктивность нуждается в уточнении из-за малочисленности примеров. Модель с чередованием корневых гласных и интерфиксом $\bar{a}$ на стыке (общий вид: $A^{c[r]c}-ا-B^{c[r]c}$): *چاک چاک* [chak-a-chāk] ([a]//[ā]) ‘звук лязганья мечей, звук от ударов иных металлических предметов друг о друга’. Модель с чередованием корневых гласных [i]//[ā] без интерфикса (общий вид: $A^{c[r]c}-B^{c[r]c}$): *تیک تاک* [tik-tāk] ([a]//[ā]) ‘постоянный однообразный звук, издаваемый механизмом (например, звук тиканья часов)’ [VY].

Частичная редупликация персидских звукоподражаний напоминает повтор основы, однако в дублированном корне происходит чередование гласных или согласных звуков. Подобные изменения должны исследоваться в контексте семантизации звуков, т.е. как проявления звукосимволизма, а не в контексте словообразовательных особенностей, так как вторая часть (с частичной редупликацией) самостоятельно не употребляется, представляя собой асемантичный с точки зрения современного языка элемент.

Морфологическим признаком, отражающим изменения в семантике, является повтор основы (ПО), который приводит к экстенсификации семантики по следующей схеме: однократность/внезапность (звукоподражание без ПО) → многократность/постоянность (звукоподражание с ПО). Например: *پف* [rof] ‘однократный/внезапный звук потока воздуха, исходящего изо рта, звук дуновения человека; образ вздувания, опухания’ → *پف پف* [rof-rof] ‘звук постоянного сопения (т.е. постоянного/многократного выдыхания воздуха) во время сна’ [VY].

В персидском языке, как и в таджикском, звукоподражание может играть различные синтаксические роли.

- Подлежащее:

[zerzer-esh ma rā khaste kard]

زرزرش مرا خسته کرد.

‘Его/её пустая болтовня (букв. бу-бу) меня утомила’.

- Дополнение:

[sar-e sobh Hasan taghtagh-i rā shenid]

سر صبح حسن تقی تقی را شنید.

‘Рано утром Хасан услышал какой-то стук (букв. тук-тук)’.

• Определение, выраженное изафетной конструкцией:
[kolfate ghorghoru be dard nemi khorad] کلفت غر غرو به درد نمی خورد.
‘От ворчливой (букв. гхор-гхору) служанки нет толку’.

• Обстоятельство образа действия:
[hor-hor az damāshash khun mi rikht] هرهر از دماغش خون می ریخت.
‘Кровь из его носа сильно (букв. хор-хор) текла’.

• Сказуемое:
[az bas ke rāh raftam pāyam pof kard] از بس که راه رفتم پایم پف کرد.
‘Я так находился, что у меня нога отекла (букв. сделала поф)’.

В фарси звукоподражания в роли сказуемого редко используются в предложении самостоятельно. Обычно к ним присоединяются вспомогательные ёгены-полузнаки алфавита синтаксиса¹ کردن [kardan] ‘делать’, زدن [zadan] ‘бить, ударять’, دادن [dādan] ‘давать’.

Таким образом, персидские звукоподражания ввиду близкого родства имеют много сходств с таджикскими. В персидском языке обнаружены звуковыражения (передающие звучание объектов), звукообразы (подражание звуку и образу с помощью звука) и звукоизображения (подражание образу с помощью звука), для которых характерны устойчивые слово-образовательные модели и ритмичность как следствие частичной редупликации и повтора основы. Повтор основы в подобных словах приводит к экстенсификации их семантики. Звукоподражания могут играть различные синтаксические роли в предложении. Это свидетельствует о том, что современные звукоподражания являются переходным этапом от древних слов-предложений к лексике современных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев, В. И.* Мимео-изобразительные слова в осетинском языке / В. И. Абаев // Труды Ин-та языкознания АН СССР. – М., 1956. – Т. 6. – С. 409–427.
2. *Фазылов, М. Ф.* Изобразительные слова в современном таджикском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Ф. Фазылов. – Л., 1950. – 15 с.
3. *Шукурова, М.* Повторы в таджикском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / М. Шукурова. – Душанбе, 1978. – 28 с.
4. *Рубинчик, Ю. А.* Грамматический очерк персидского языка / Ю. А. Рубинчик // Персидско-русский словарь : в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. – М. : Сов. энцикл., 1970. – Т. 2. – С. 791–847.
5. *Рубинчик, Ю. А.* Грамматика современного персидского литературного языка / Ю. А. Рубинчик. – М. : Издат. фирма «Восточная литература», 2001. – 600 с.
6. *Neshāt, S. M.* Esm-e sout va kārbord-e ān dar zabān-e fārsi / S. M. Neshāt // Majalle-ye dāneshgāh-e adabiāt va olum-e ensāni dāneshgāh-e Tehrān. – 1357. – № 97 va 98. – S. 283–298.

¹ Термин предложен А. Н. Гордеем [13].

7. *Nātel Khānlāri, P.* Dastur zabān-e fārsi / P. Nātel Khānlāri. – Chāp-e dovom bā tajdid-e nazar. – Tehrān : Enteshārāt-e Tus, 1359. – 367 s.
8. *Ahmadi Birjandi, A.* Dastur zabān-e fārsi / A. Ahmadi Birjandi. – Chāp-e panjom. – Mashhad : Enteshārāt-e Ketābforushi-ye bāstān, 1352. – 319 s.
9. *Vahidiān Kāmyār, T.* Farhang-e nām āvā dar zabān-e fārsi / T. Vahidiān Kāmyār. – Mashhad : Enteshārāt-e dāneshgāh-e Ferdowsi-e Mashhad, 1375. – 276 s.
10. *Расторгуева, В. С.* Этимологический словарь иранских языков. / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – Т. 1 : А – Ā. – 327 с.
11. *Мехраби, К.* Сопоставительный анализ междометий и звукоподражаний в русском и персидском языках / К. Мехраби // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2015. – №3. – С. 173–182.
12. *Трасковська, Г. С.* Звукозображальна лексика перської мови : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.13 / Г. С. Трасковська ; Нац. акад. наук України, Ін-т сходознавства ім. Ю. А. Кримського. – Київ, 2014. – 19 с.
13. *Гордей, А. Н.* Теоретическая грамматика восточных языков [Электронный ресурс] : лекц. курс / А. Н. Гордей. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

СЛОВАРИ

[VY] واژه یاب = Vajehyab [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.vajehyab.com/>. – Date of access: 17.03.2019.

The article deals with the history of the study of Tajik and Persian onomatopoeias in the USSR, post-Soviet states and Iran. The author presents a critical review of the works of M. F. Fazylov, M. Shukurova, Y. A. Rubinchik, S. M. Neshat, T. V. Kamyar, Q. Mehrabi, G. S. Traskovskaya; analyzes morphological, semantic and syntactic features of Persian onomatopoeias.

Поступила в редакцию 10.04.2019

Е. П. Бетенья

ИДИОЭТНИЧНОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ СИСТЕМ АНГЛИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

В статье на основе контрастивного подхода выявляются и подвергаются анализу глагольные формы, составляющие специфику грамматических систем английского и белорусского языков. В английском языке это формы континууса и перфекта, а в белорусском языке – формы плюсквамперфекта и будущего сложного II. В ходе анализа данных грамматик двух языков обобщаются семантические характеристики указанных форм – как прототипические значения, так и производные от них, которые свидетельствуют о сложной и неоднозначной корреляции семантики глагольных форм английского и белорусского языков.

Идиоэтничность – это характеристика, эксплицирующая специфику и алломорфизм языковых единиц или категорий. Как правило, в научных исследованиях она противопоставляется или является частью дихотомии «универсальное – идиоэтничное». Данная характеристика наиболее ярко вскрывается на основе контрастивного подхода к изучению языковых явлений и фактов.

Говоря о контрастивном, или сопоставительном подходе к описанию языков, прежде всего указывают на тот факт, что он базируется на постулате о том, что за бесконечным поражающим многообразием языков мира скрываются общие для всех них свойства, то есть «языки созданы как бы по единому образцу» [1, с. 118]. Фактически эту же мысль подтверждает В. Н. Ярцева, отмечая, что в ходе контрастивного исследования мы исходим из предположения о существовании некоего базового сходства между языками при наличии дифференцирующих данные языки различий [2, с. 29–30]. В. Скаличка утверждал, что языки отличаются лишь различными способами выражения внешнего мира [3, с. 29]. Таким образом, акцент смещается на выявление в конечном итоге – при всем различии между отдельными языками – имеющегося глубокого внутреннего сходства между языками. Так, И. И. Мещанинов отмечал, что это общее для всех языков является основой контрастивных сопоставлений именно потому, что грамматическая форма его выявления на конкретном языковом материале не дает единой схемы [4, с. 5].

Однако упомянутые выше «дифференцирующие различия», «различные способы выражения внешнего мира» сами по себе также могут стать результатом контрастивного исследования языков. Таким образом, сопоставление может представлять интерес не только с точки зрения выявления общего базового сходства сопоставляемых языков или их систем и подсистем, но и с точки зрения обнаружения их идиоэтничности. То есть сопоставительное изучение языков позволяет лучше определить особенности каждого из сопоставляемых языков, которые могут ускользнуть от внимания исследователя при одном лишь «внутреннем» изучении языка [5, с. 9]. Тем самым оно позволяет уяснить суть какого-либо языкового явления, которая часто может резко проясниться при сопоставлении его с другим – хотя бы и не во всем аналогичным – языком [6, с. 197].

В исследованиях подобного рода, вне всякого сомнения, имеется много общего с проблемой изучения понятийных категорий и способов их языкового выражения, ибо именно понятийные категории, являясь универсальными для всего человечества, лежат в основании многих языковых подсистем, которые не носят универсального характера, а очень часто получают разное формальное выражение в различных языках. Так, по мнению А. В. Бондарко, во многих случаях мы получаем сведения о понятийных категориях в результате сопоставления, в частности, грамматических описаний разных языков [7, с. 58]. Сопоставительная проблематика, таким образом, является важным компонентом вопроса о роли языка в процессах познания, так как

«пределы межъязыкового варьирования в конечном итоге обуславливаются особенностями человеческого интеллекта и коммуникации, т.е. когнитивной способностью человека» [8, с. 157]. А значит, сопоставление языков помимо решения сугубо лингвистических проблем дает возможность понять основания «естественной категоризации мира, а также уточнить принципы его когнитивного моделирования, приводящие в каждом языке к формированию неповторимых, уникальных языковых картин мира» [9, с. 17]. Таким образом, существует определенная взаимосвязь и взаимозависимость между сопоставительной или сопоставительно-типологической парадигмой и когнитивистикой.

Следует отметить также еще одно направление сопоставительно-типологических исследований. Если раньше акцент делался на описании формальной структуры языков, то сейчас все большую актуальность приобретает изучение содержания, стоящего за той или иной формой и структурой. Еще Э. Бенвенист подчеркивал, что нельзя ограничиваться только материальными формами, т.е. нельзя ограничивать всю лингвистику описанием языковых форм [10, с. 58]. Аналогичные идеи прослеживаются у Дж. Байби, Дж. Лакофа, А. Ченки, которые отстаивают точку зрения о том, что анализ грамматической формы должен основываться на содержании [11; 12; 13]. Это значит, что современная сопоставительная типология имеет контентивную (функционально-семантическую) природу, поскольку изучает типы значений, выражаемые теми или иными формами (в отличие от формально-структурной сопоставительной типологии).

Соединяя же эти два направления сопоставительно-типологических исследований, можно выявить соотношение универсальных и идиоэтнических черт в строении языков, выделить диапазон языковых средств, «используемых при вербализации тождественных концептов» [9, с. 17]. При этом доскональное изучение основополагающих грамматик и монографий является необходимым условием для работы с текстами, так как, во-первых, с их помощью можно получить исходные данные о структуре исследуемых явлений и, во-вторых, только с помощью этих данных возможен направленный выбор материала и его анализ. Более того, анализ адекватно отобранных текстов может внести поправки в данные грамматики исходного языка [14, с. 176].

Следует отметить, что сопоставительные исследования значительно расширяют границы лингвистических исследований, выводя их за рамки близкородственных языков, что дает возможность привлечь широкий круг разноструктурных языков. По словам М. И. Конюшкевич, привлечение к сопоставлению каждого нового языка расширяет наше знание о выразительных возможностях языка вообще [15, с. 6]. Примером такого рода исследований может служить сопоставительное изучение славянских (белорусского) и германских (английского) языков.

Даже беглый взгляд на фрагменты грамматик английского языка свидетельствует о наличии по меньшей мере двух грамматических кате-

горий, представленных формами континууса и перфекта, которые представляют собой идиоэтнический компонент грамматического строя английского языка (в сравнении с белорусским языком). На основе анализа нормативных грамматик, а также контекстов употребления в речи были выявлены и систематизированы следующие не только количественные различия в грамматических формах, но и семантические различия в значениях данных форм английского языка.

Так, форма *континууса*, входящая в состав грамматической категории вида, или аспекта английского языка, представляет собой аналитическую структуру типа *to be + Verb-ing*, в которой первый элемент формальный (т.е. имеет лишь грамматическое значение), а второй несет основную смысловую нагрузку. По способу образования и выражения грамматического значения данная конструкция представляет собой явление *морфологического аналитизма*.

Существуют различные интерпретации и трактовки значения континууса в английском языке в силу специфики данной категории и разнообразия выражаемых ею значений. Обобщая существующие суждения по поводу «прототипического ядерного значения»¹ форм континууса в английском языке, мы заключаем, что таковым является значение *длительности*.

На основе анализа различных теорий, а также данных теоретических и коммуникативных грамматик представляется возможным выделить основные характеристики данного прототипического значения континууса [17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35, р. 243; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42]. Значение длительности может быть пояснено или подвергнуто дальнейшей конкретизации как:

- процессуальность, длящийся процесс, продолженная непрерывность;
- конкретность протекания действия;
- временная конкретность, приуроченность к определенному моменту/периоду времени;
- одновременность с отмеченным моментом, а это значит
- внимание на середине действия, срединной фазе, что подразумевает
- незаконченность и
- ограниченную длительность, временный характер действия.

Данные дополнительные оттенки значений представляют собой результат взаимодействия грамматической формы с лексико-грамматическими разрядами и лексическими особенностями глаголов. Так, грамматическая оппозиция *длительность/недлительность* тесно связана с лексико-грамматической оппозицией *предельность/непредельность*. Кроме того, возможность или невозможность глаголов употребляться в форме континууса во многом предопределяется лексическим содержанием глагола. Это содержание может трактоваться по-разному. Так, широко распространено семантическое деление глаголов (классификация) на *действия* (события), *процессы* и *состояния* [43; 44; 45; 34]. Достаточно часто используется концепция З. Вендлера,

---

¹Термин А. Вежбицкой [16, с. 45].

который выделяет четыре лексических класса глаголов: 1) *деятельность* (глаголы типа *run, walk, live, study*), 2) *выполнение* (*run a mile, paint a picture, grow up*), 3) *достижение* (глаголы имеют *точечный* характер: *win the race, reach the top*), 4) *состояние* [46; см. также: 47, с. 44–46; 32, р. 119–120]. Деятельность и выполнение являются длительными и обозначают процессы. Выполнение и достижение характеризуются наличием предела, но достижение не обладает длительностью во времени, оно точно по своей природе. Состояние противопоставлено всем группам.

Кроме того, описание значений, выражаемых континуумом в английском языке, а также объяснение ограничений по его употреблению можно осуществить в рамках традиционного разграничения *стативных* и *динамических (акциональных)* глаголов, которые в свою очередь подразделяются на *дуративные* (длительные во времени, они включают глаголы, обозначающие деятельность и процесс) и *точечные* (однократные, мгновенные). И та, и другая подгруппа охватывает как предельные, так и непредельные глаголы [см. детальную классификацию в: 37, р. 365–368; 47, р. 201].

Все описанные выше классификации единодушны в выделении глаголов состояния и противопоставлении их другим глагольным группам. Впрочем, группировки нестативных глаголов во многом пересекаются (хотя здесь и нет полного совпадения).

В качестве обобщения типов классификаций глаголов напомним, что типичные значения континуума характерны прежде всего для длительных форм непредельных динамических глаголов. Известно, что глаголы состояния, как правило, не сочетаются с формами прогрессива, а среди динамических глаголов такая способность присуща непредельным глаголам. Однако также общеизвестно, что подобное соотношение континуума, предельности и семантики глагола не является абсолютным и незыблемым, как не является незыблемым статус предельности/непредельности для того или иного глагола. Так, стативный глагол можно превратить в динамичный, «добавив ему значение действительного или возможного изменения», а убрав это значение, мы совершаем противоположный переход – из динамического в стативный глагол, тем самым лишая его возможности принимать форму континуума [33, р. 215–216]. При употреблении в данной форме предельных глаголов «возникает значение отсроченного предела» [20, с. 58], а акцент делается на длительности, протяженности фазы процесса, предшествующей пределу [37, р. 370].

Иными словами, прототипическое значение длительности в совокупности с дополнительными оттенками есть результат взаимодействия грамматической формы континуума с лексико-грамматической категорией предельности/непредельности и собственно лексическими разновидностями глаголов.

Перфект, выражающийся морфолого-аналитической конструкцией типа *have + Verb-ed*, входит в состав грамматической категории временной отнесенности, определяющей специфику грамматического строя английского языка (наряду с формами континуума).

Как мы уже отмечали ранее, единого мнения относительно сущности перфекта в лингвистической литературе нет. Хотя разные авторы различно интерпретируют основное значение перфектных форм английского языка, тем не менее представляется возможным выделить некоторое общее основание в таких интерпретациях. Большинство грамматистов характеризуют перфектные формы как формы, обозначающие *предшествование* действия отмеченному моменту [17; 18; 19; 20; 22; 48; 49; 24; 25; 50; 26; 51; 52; 53; 54; 29; 55; 2; 31; 32; 34; 56; 57; 36; 37; 40; 41; 42]. Однако предшествование есть лишь «минимальный общий знаменатель для всех типов перфекта» [53, с. 458]. В речевых реализациях данное основное значение «обрастает» различными «естественными коннотациями» в результате взаимодействия грамматической формы с лексическими особенностями глагола и контекстными показателями [25, с. 80]. Такими семантическими оттенками перфекта являются:

- целостность действия (даже будучи многократным, действие целиком располагается на линии времени до отмеченного момента и не рассекается им на части);
- завершенность;
- соотнесенность с отмеченным моментом/периодом во времени (протекание в течение периода, предшествование моменту – *exclusive perfect*);
- преемственность и релевантность действия, т.е. сообщаемое репрезентируется не только в предшествующем периоде, но и как связанное с чем-то последующим и существенное для него;
- результативность, т.е. актуальность последствий предшествующего действия для более позднего временного плана (*perfect of result*);
- прошлый опыт, обобщенность факта, т.е. имевшее место действие вообще, при этом предшествующее время неопределенное (*experiential perfect*);
- свежая новость, недавнее прошлое, т.е. действие только что закончившееся (*perfect of recent past*);
- ситуация, начавшаяся в прошлом и продолжающаяся сейчас, возможно будет продолжаться и дальше (*inclusive perfect* или *perfect of persistent situation*).

Еще раз отметим, что вышеперечисленные варианты значений перфекта являются производными от прототипического значения предшествования и, кроме того, проявляются в определенных контекстах при взаимодействии с семантическим потенциалом глагола (прежде всего предельностью/непредельностью).

Отметим в качестве обобщения, что значения *длительности* и *предшествования* действия в сопоставляемых языках получают неодинаковое, т.е. идиоэтническое выражение на грамматическом уровне языка, точнее данные значения в белорусском языке не передаются собственно грамматическими средствами.

При более пристальном взгляде на временные формы белорусского языка выявляются довольно противоречивые тенденции (за их кажущейся внешней простотой), указывающие на наличие неоднородных элементов

среди этих форм. Так, спорным является вопрос о самостоятельности так называемого *сложного прошедшего* времени (другие термины: давнопрошедшее, предпрошедшее, плюсквамперфект) ввиду его сравнительно небольшой степени употребляемости, ограниченной в основном средой разговорной речи и жанром художественной литературы. На этом основании эта форма часто включается в состав прошедшего времени как одна из разновидностей форм данного времени – сложная форма прошедшего времени со значением давнопрошедшего времени, которая показывает, что действие произошло ранее другого прошедшего действия [58, с. 217; 59, с. 371; 60, с. 176; 61, с. 609]. Однако, если провести параллель с английским языком и признать за этой формой существование независимого значения – плюсквамперфектного, то оказывается вполне правомерным выделение этой формы как четвертого типа временных конструкций¹ в белорусском языке.

При анализе конструкций данного типа четко вырисовывается еще одна аналогия с английским языком. Сложные формы прошедшего времени в белорусском языке характеризуются релятивным, т.е. относительным значением. Они обозначают прошлое завершённое действие, которое соотносится не с планом настоящего, а с другим прошлым действием или с определенным периодом времени в прошлом. Хотя лингвисты называют эти глагольные формы сложными формами прошедшего времени, тем не менее они подчеркивают, что такие формы являются живой грамматической категорией белорусских говоров, разговорной речи, а также художественной литературы [63, с. 131; 64, с. 230].

Традиционно грамматики описывают два типа форм будущего времени – *будущее простое* и *будущее сложное*. Однако следует указать также на факт выделения так называемого *будущего сложного II* (*будзе прапала, будзем як пад лёд праваліся*), «остатки» которого можно обнаружить в некоторых белорусских говорах [63, с. 132]. Упоминание об этих формах находим и в грамматике Б. А. Тарашкевича, который называет их *предбудущим временем* (*прадбудучы час*) [65, с. 97].

Таким образом, идиоэтнические грамматические формы континууса и перфекта в английском языке и формы плюсквамперфекта и предбудущего времени в белорусском языке свидетельствуют о том, что складывается сложная и неоднозначная корреляция семантики форм английского и белорусского языков.

Постулирование и описание идиоэтничности языковых систем и подсистем неизбежно влечет за собой вопрос о механизмах, компенсирующих формальную лакунарность белорусского языка (в сравнении с английским языком) при передаче данных значений, а также механизма, регулирующего соотношение формально-грамматических и иных средств выражения указан-

---

¹Мы вслед за В. С. Храковским определяем термин *конструкция* как «последовательность заданных классов слов, связанных функциональными отношениями» [62, с. 210].

ных значений в английском языке. Кроме того, в результате изучения этих «иных» языковых средств может выявиться функционирование скрытых категорий, а также могут установиться вторичные (скрытограмматические, т.е. семантико-синтаксические) функции у ряда лексем в двух сопоставляемых языках. В целом ответы на поставленные выше вопросы приведут к уточнению и конкретизации ряда центральных вопросов общей темпоральности и общей аспектологии, а именно: понятия времени и вида в языках мира; того, какой фрагмент объективной действительности они концептуализуют и каков уровень грамматикализации средств выражения данных категорий в каждом конкретном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гринберг, Д.* Меморандум о языковых универсалиях / Д. Гринберг, Ч. Осгуд, Д. Дженкинс // Зарубежная лингвистика. II: пер. с англ. / общ. ред. В. А. Звегинцева, Б. А. Успенского, Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1999. – С. 118–151.
2. *Ярцева, В. Н.* Контрастивная грамматика / В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 109 с.
3. *Скаличка, В.* Типология и сопоставительная лингвистика / В. Скаличка // Новое в лингвистике / под общ. ред. В. Г. Гака. – М.: Прогресс, 1989. – Вып. 25. – С. 27–31.
4. *Мещанинов, И. И.* Типологические сопоставления и типология систем (в связи с докладами, заслушанными на VIII Междунар. конгрессе лингвистов) / И. И. Мещанинов // Науч. докл. высш. школы. Филологические науки. – 1958. – № 3. – С. 3–13.
5. *Гак, В. Г.* О контрастивной лингвистике / В. Г. Гак // Новое в лингвистике / под общ. ред. В. Г. Гака. – М.: Прогресс, 1989. – Вып. 25. – С. 5–26.
6. *Падучева, Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
7. *Бондарко, А. В.* Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике / А. В. Бондарко // Универсалии и типологические исследования (Мещаниновские чтения): сб. ст. / отв. ред. В. Н. Ярцева – М.: Наука, 1974. – 144 с.
8. *Кибрик, А. Е.* Когнитивно ориентированная типология / А. Е. Кибрик // Вестн. Российск. гуманитар. науч. фонда. – 1998. – № 3. – С. 156–160.
9. *Кубрякова, Е. С.* В поисках параметров сопоставления языков / Е. С. Кубрякова // Сопоставительная лингвистика: теоретические и прикладные проблемы: тезисы докладов на совещ. / Ин-т языкознания АН СССР. Ужгородск. гос. ун-т; отв. ред. Т. М. Шахнарович, Ф. А. Циткина. – Москва-Ужгород, 1991. – С. 16–17.
10. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист // Новое в лингвистике / под ред. В. А. Звегинцева. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – Вып. III. – С. 36–59.

11. Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сб. обзоров / под. ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. – М : Изд-во МГУ, 1997. – Гл. 10. – С. 340–369.
12. Bybee, J. L. The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world / J. L. Bybee, R. Perkins, W. Padliuca. – Chicago: University of Chicago press, 1994. – 398 p.
13. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things: What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago: London: The University of Chicago Press, s.a. 1988. – 614 p. – [Ксерокопия].
14. Штернеманн, Р. Введение в контрастивную лингвистику / Р. Штернеманн // Новое в лингвистике / под общ. ред. В. Г. Гака. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. 25. – С. 144–178.
15. Конюшкевич, М. И. Синтаксис близкородственных языков: тождество, сходства, различия / науч. ред. П. П. Шуба. – Мн. : Университетское, 1989. – 157 с.
16. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 1999. – I–XII. – 780 с.
17. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка: учеб. (на англ. языке) / М. Я. Блох. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 2000. – 381 с.
18. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис: учеб. пособие для студентов педагогических институтов и университетов (на англ. языке) // Сер. «Изучаем иностранные языки» / Н. А. Кобрин, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. – СПб. : Союз, Лениздат, 2000. – 496 с.
19. Гуревич, В. В. Видовая семантика в русском и английском языках / В. В. Гуревич // Типология вида: Проблемы, поиски, решения: материалы Междунар. науч. конф., МГУ им. М. В. Ломоносова, 16–19 сентября 1997 г. / отв. ред. М. Ю. Черткова. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 145–150.
20. Иванова И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М. : Высш. шк., 1981. – 285 с.
21. Кириленко, Е. И. Сопоставление видовых форм русского и английского языков / Е. И. Кириленко // Методы сопоставительного изучения языков / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1988. – С. 76–82.
22. Кошечкина, М. И. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / М. И. Кошечкина, Ю. А. Дубовский. – Минск : Выш. шк., 1980. – 272 с.
23. Мурясов, Р. З. Некоторые проблемы контрастивной аспектологии / Р. З. Мурясов // Вопросы языкознания. – 2001. – № 5. – С. 86–112.
24. Нехай, О. А. Сравнительная типология английского и белорусского языков / О. А. Нехай, Т. В. Поплавская. – Минск : Высш. шк., 1983. – 173 с.
25. Плоткин, В. Я. Грамматические системы в английском языке / В. Я. Плоткин. – Кишинев : Изд-во «Штиинца», 1975. – 127 с.

26. *Резник, Р. В.* Практическая грамматика английского языка: учеб. (на англ. языке) / Р. В. Резник, Т.С. Сорокина, Т. А. Казарицкая. – 5-е изд. – М. : Флинта: Наука, 2000. – 688 с.
27. *Сенюк, И. С.* К вопросу выражения категории аспектуальности в английском языке / И. С. Сенюк // Иностраный язык для специалистов. Психологические, методические, лингвистические аспекты: сб. ст. / отв. ред. М. Я. Цвиллинг. – М. : Наука, 1990. – С. 178–187.
28. *Телин, Н. Б.* Познание, перспектива и метафора времени / Н. Б. Телин // Типология вида: Проблемы, поиски, решения: материалы Междунар. науч. конф., МГУ им. М. В. Ломоносова, 16–19 сентября 1997 г. / отв. ред. М. Ю. Черткова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 430–443.
29. *Хлебникова, И. Б.* Основы английской морфологии: учеб. пособие (на англ. языке). – 2-е изд., стереотип. – М. : ЧеРо, 2001. – 128 с.
30. *Широкова, А. В.* Сопоставительная типология разноструктурных языков (фонетика, морфология) / А. В. Широкова. – М. : Добросвет, 2000. – 200 с.
31. *Carter, R.* Cambridge Grammar of English / R. Carter, M. McCarthy. – Cambridge University Press, 2007. – 973.
32. *Celce-Murcia, M.* The grammar book. An ESL/EFL Teacher's Course / M. Celce-Murcia, D. Lareen-Freeman. – Heinle and Heinle Publishers, 1999. – 855 p.
33. *Chung, S.* Tense, aspect, mood / S. Chung, A. Timberlake // Language Typology and Syntactic Description. – Vol. 3. Grammatical Categories and the Lexicon / ed. by T. Chopen. – Cambridge University Press, 1985. – Ch. 4. – P. 202–258.
34. *Comrie, B.* Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems / B. Comrie. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1976. – 142 p.
35. *Dahl, O.* Aspect / O. Dahl // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Editor-in-chief R. E. Asher. – Oxford, New York, Seoul, Tokyo: Pergamon Press, 1994. – V. 1. – P. 240–247.
36. *Diver, W.* The Chronological System of the English Verb / W. Diver, // Linguistic Circle of New York. – P. 141–179. – s.a.e.l. – [Фотоконпия, отд. оттиск из кн.].
37. *Downing, A.* A University Course in English Grammar / A. Downing, Ph. Locke. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall Macmillan, 1995. – 652 p.
38. *Halliday M. A. K.* An Introduction to Functional Grammar. – Edward Arnold, 1987. – 387 p.
39. *Leech, G.* A communicative grammar of English / G. Leech, J. Svartvik. – 2nd ed. – Longman Publishing, New York, 1996. – 423 p.
40. Longman Grammar of Spoken and Written English / Douglas Biber... [et al]; foreworded by R. Quirk. – Pearson Education Ltd., 2000. – 1204 p.
41. *Quirk, R.* A comprehensive grammar of the English language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – Longman Inc., New York, 1992. – 1779 p.
42. *Twaddell, W. F.* The English Verb Auxiliaries / W. F. Twaddell. – 2nd ed. rev. – Providence, Brown University Press, 1963. – 26 p.

43. Зализняк, А. А. Введение в русскую аспектологию / А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
44. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / под ред. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1978. – 544 с.
45. Чейф, У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – М. : Прогресс, 1975. – 432 с.
46. Vendler, Z. Verbs and Times / Z. Vendler // Der Englische Aspekt / ed. by A. Schopf. – Darmstadt, 1974. – P. 217–234.
47. Комарова, О. А. О функционально-семантической категории аспектуальности в английском языке / О. А. Комарова // Спорные вопросы английской грамматики / Б. Е. Зернов, А. И. Варшавская, Л. П. Чахоян и др.; отв. ред. В. В. Бурлакова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – Гл. 1. Морфология. § 4. – С. 40–53.
48. Маслов, Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании / Ю. С. Маслов // Вопросы глагольного вида. – Л. : Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 7–32.
49. Миллер, Дж. Э. Типология и варианты языка: английский перфект / Дж. Э. Миллер // Типология вида: Проблемы, поиски, решения: материалы Междунар. науч. конф., МГУ им. М. В. Ломоносова, 16–19 сентября 1997 г. / отв. ред. М. Ю. Черткова. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 304–315.
50. Плоткин, В. Я. Строй английского языка: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Я. Плоткин – М. : Высш. шк., 1989. – 239 с.
51. Сильницкий, Г. Г. Соотношение категорий вида и перфекта/имперфекта в русском и английском языках / Г. Г. Сильницкий // Типология грамматических категорий: тезисы докладов Всесоюзной науч. конф. / под ред. Л. А. Бирюлина, В. С. Храковского. – Ленинград, 1991. – С. 44–46.
52. Смирницкий, А. И. Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 440 с.
53. Тирофф, Р. Вид и его взаимосвязь с временем / Р. Тирофф // Типология вида: Проблемы, поиски, решения: материалы Междунар. науч. конф., МГУ им. М. В. Ломоносова, 16–19 сентября 1997 г. / отв. ред. М. Ю. Черткова. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 454–465.
54. Тураева, З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка): учеб. пособие. – М. : Высш. шк., 1979. – 219 с.
55. Штеллинг, Д. А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке: учеб. пособие / отв. ред. Л. И. Кравцова. – М. : МГИМО, ЧеРо, 1996. – 254 с.
56. Comrie, B. Tense / B. Comrie. – Cambridge University Press, 1993. – 139 p.
57. Dahl, O. Tense and Aspect Systems / O. Dahl. – Oxford; New York, NY : B. Blackwell, 1985. – 213 p.
58. Беларуская мова: вучэб. дапам. / Э. Д. Блінава, Н. В. Гаўрош, М. Ц. Кавалёва і інш.; пад рэд. М. С. Яўневіча. – Мінск : Выш. шк., 1991. – 351 с.

59. Граматыка беларускай мовы: У 2 т. / АН БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; рэд. К. К. Атраховіч, М. Г. Булахаў. – Мінск : Выд. АН БССР, 1962. – Том I. Марфалогія. – 540 с.
60. Сучасная беларуская літаратурная мова: Марфалогія: вучэб. дапам. / Н. В. Гаўрош, М. Ц. Кавалёва, Н. М. Нямковіч і інш.; пад агульн. рэд. М. С. Яўневіча. – Мінск : Выд. Ул. М. Скакун, 1997. – 288 с.
61. *Шуба, П. П.* Час дзеяслова / П. П. Шуба // Беларуская мова: энцыкл. / пад рэд. А. Я. Міхневіча. – Мінск : БелЭн, 1994. – С. 609–610.
62. *Храковский, В. С.* Аналитическая конструкция, аналитическая словоформа, аналитическое слово / В. С. Храковский // Аналитические конструкции в языках различных типов / отв. ред. В. М. Жирмунский, О. П. Суник. – М.-Л. : Наука, 1965. – С. 209–221.
63. *Абабурка, М. В.* Параўнальная граматыка беларускай і рускай моў: вучэб. дапам. для ВНУ / М. В. Абабурка. – Мінск : Выш. шк., 1992. – 224 с.
64. *Мацкевіч, Ю. Ф.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове / пад рэд. Р. І. Аванесава. – Мінск : Выд. АН БССР, 1959. – 294 с.
65. *Тарашкевіч, Б. А.* Беларуская граматыка для школ / Б. А. Тарашкевіч. – Мінск : Нар. асвета, 1991. – 132 с.

In the article, verb-forms contributing to the specificity of the grammatical systems in English and Belarusian are identified on the basis of the contrastive approach, and further analysed. These are Continuous Tense forms and Perfect Tense forms in English, and Plusquamperfect forms and forms of Complex Future II in Belarusian. In the course of the analysis of the grammar data of the two languages, the semantic characteristics of these forms are summarized – both prototypical meanings and meanings derived from them, which indicate a complex and ambiguous correlation of the semantics of the verb-forms in English and Belarusian.

Поступила в редакцию 16.07.2019

А. А. Биюмена

СОДЕРЖАНИЕ МЕДИАТЕКСТОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ СИТУАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ

В статье исследуется явление речевой агрессии в белорусских газетах в прессе 30-х, 40-х, 90-х гг. XX века. Установлено, что в сложные для общества исторические периоды (война, политический и экономический кризис и т.д.) агональность медийного текста резко возрастает, при этом объект речевой агрессии зависит от конкретного социально-исторического контекста. Описаны агрессивные речевые тактики и средства выражения агрессии в указанные периоды (использование специфических номинаций, синтаксических конструкций, прецедентных текстов и др.).

Информационная картина мира, конструируемая средствами массовой информации, отличается неизбежной субъективностью [1; 2], которая обусловлена условиями жизни общества в конкретную историческую эпоху и существующими идеологическими и культурными установками. Среди

факторов, оказывающих влияние на форму и содержание газетных материалов, И. П. Лысакова выделяет, в первую очередь, типологические признаки издания, социально-психологические особенности читательской аудитории и социально-исторические условия функционирования государства (политическая, экономическая, социально-классовая характеристика общества) [3, с. 27].

Можно предположить, что газеты, издающиеся в кризисные для развития общества периоды, могут иметь высокий уровень агрессивности. Проанализировав материалы центральной белорусской газеты «Советская Белоруссия» за весь период ее существования (газета издается с 1927 г., до 1931 г. она носила название «Рабочий»), мы обнаружили, что наибольшей степенью речевой агрессии отличаются номера, выпущенные в 30–40-е, а также в первой половине 90-х годов минувшего столетия. Под речевой агрессией, вслед за К. Ф. Седовым, мы понимаем «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т.п.) у объекта речевого воздействия [4, с. 90].

Тридцатые годы XX в. вошли в историю как время политических репрессий, направленных на выявление «врагов народа», занимающихся «вредительством» [5, с. 265]. Также в указанный период продолжается начатая в первые послереволюционные годы пропаганда коммунистической идеологии и формирование в печати образа советской власти как «власти народа, от имени которой выступает партия коммунистов» [6, с. 8].

Содержание газет в данное время отличается высокой степенью политизации, рассматриваемой исследователями в качестве специфики советского строя, который «наряду с командно-административной системой управления должен был создать систему своей идеологической защиты» [3, с. 166]. Так, например, из сорока статей, размещенных в газете «Советская Белоруссия» 20 ноября 1937 г., треть материалов освещает тему предстоящих выборов депутатов Верховного Совета СССР. Половина из них носит официально-деловой характер, отличается положительной идеологической модальностью и написана казенным клишированным языком: «*Советский город во главе избирательной кампании*»; «*Тов. Белов на предвыборном совещании в Смолевичах*» и т.п. Другая часть материалов, посвященных теме выборов, – это статьи негативного характера, описывающие различные недостатки на местах при проведении избирательной кампании: «*Нерадивые строители*»; «*Подозрительная небрежность*»; «*Там, где отсутствует бдительность*».

Большое внимание в газете уделяется письмам, поступившим в редакцию, преимущественно негативного характера. В них обычно критикуют руководителей и должностных лиц различных организаций: «*Вредная отсебятина*»; «*Недопустимое издевательство*»; «*Удивительная беззаботность*». Как в представленных заголовках, так и в основном тексте статей можно наблюдать обилие негативно оценочных слов, например, *издева-*

тельность, небрежность, ошибка, волокита, враг, нарушение, плохой, головопаянский, недопустимый, варварский, безответственный, бездеятельный, бездушный, бюрократический, грубейший, мариновать, вредительский, преступный, заклятый, нет, не удосужиться, недооценивать, срывать, разбазаривать: **Бюрократия, волокита, нечувствительность** к людям, к их жалобам и нуждам по-прежнему процветают в наркомате; *Спрашивается, долго ли еще на Главном почтамте в Минске будут мириться с такими безобразиями?*; *В списках избирателей Гричанского сельсовета, Минского района, допущены грубейшие нарушения и ошибки; Не руководят важнейшей работой; Нет борьбы с сорняками; Срывают отгрузки крепежа Донбассу; Разбазаривают колхозное сено.* Отметим, что указанные лексические единицы, несущие сильный негативнооценочный заряд, обычно подвергаются десемантизации в газетном тексте, в результате чего в значениях этих слов остается лишь резкая отрицательная оценка, остальные семантические компоненты нейтрализуются. В проанализированных статьях данные единицы регулярно употребляются, в том числе в заголовках, для описания недочетов в работе людей любой профессии, преимущественно руководителей местного уровня. В 30-е, так же, как и в 20-е годы XX века, обсуждение в прессе негативных действий местной власти считалось «проявлением народовластия – партия и народ совместными усилиями формируют аппарат власти, привлекая к управлению тех, кто этого заслуживает, и порицая тех, кто злоупотребляет властью» [6, с. 9]. Кроме того, негативный образ местной власти использовался в пропагандистских целях для контраста при создании мифического положительного образа центральной советской власти [6, с. 13].

В каждом номере газеты «Советская Белоруссия» в анализируемый исторический период уделяется внимание международной тематике. В подавляющем большинстве зарубежных материалов также освещаются негативные события – военные действия, борьба, забастовки, кризисы: *«Правительственный кризис в Германии еще более обострился»*; *«Военные действия в Китае»*; *«Цветные войска у мятежников»*; *«К раскрытию широкого фашистского заговора во Франции»*, *«Забастовочное движение во Франции»*; *«Список японских злодеяний»*; *«Чехословакия готовится к отпору агрессору»*.

Второй период высокой агрессивности белорусской прессы отмечен в первой половине сороковых годов – во время Великой Отечественной войны, когда все силы пропагандистов были направлены на обеспечение идеологической поддержки людей, воюющих на фронтах и работающих в тылу.

Основной мотив материалов газеты, которая в годы войны издавалась на белорусском языке и в соответствии с принятой в то время орфографической нормой называлась «Советская Беларусь», – призыв к борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Соответственно, в каждом номере анализируемого издания присутствуют призывы к мести и уничтожению врагов.

Приведем примеры частотных заголовков газеты: «*Радзіма кліча да бязлітаснай помсты*» (5.01.1942); «*Хочаш жыць – забі немца!*» (7.08.1942); «*Партызаны, біце немцаў іх-жа зброяй!*» (17.03.1943); «*Ярчэй распальвайце партызанскую вайну!*» (10.03.1943); «*Помсціць жорстка, бязлітасна!*» (20.03.1943); «*Наперад, на разгром ворага!*» (7.11.1943); «*Не хлеб, а штык у фашысцкае горла!*» (9.10.1943); «*На вілы ірада, ў агонь!*» (23.10.1943). Как видно из приведенных примеров, поскольку материалы издания призваны выполнять мобилизующую функцию, многие заголовки оформлены в виде лозунгов, представляющих собой восклицательные предложения.

Довольно часто в газете встречаются и заголовки, содержащие угрозы и проклятия: «*Не жыць акупантам!*» (7.08.1942); «*Немцам няма жыцця*» (20.03.1943); «*Катам не ўцячы ад расправы!*» (4.11.1943); «*Пракляце і смерць фашысцкім душагубам!*» (19.05.1943). Отметим, что до войны тактика злопожелания в материалах газеты «Советская Белоруссия» практически не встречается.

Большую группу негативных материалов составляют статьи, повествующие о зверствах оккупантов: «*Крывавы разгул фашыстаў*» (7.08.1942); «*Гітлераўцы бамбяць беларускія вёскі*» (8.03.1943); «*Стогны і слёзы*» (10.03.1943); «*Смерць ходзіць па Беларусі*» (19.05.1943); «*Зверствы гітлераўцаў у Рудзенскім раёне*» (11.02.1944).

В то же время заметки, рассказывающие о действиях Красной Армии и населения Беларуси по отношению к врагам, напротив, апеллируют к положительным эмоциям: «*Знішчылі чатырох афіцэраў*», «*Паўлікава помста*» (5.01.1942); «*Эшалоны ворага – пад адкос!*» (8.03.1943); «*На рахунку – 30 забітых фрыцаў*» (8.03.1943); «*Моладзь помсціць акупантам*» (11.02.1944).

Для обозначения захватчиков и совершенных ими преступлений в газете используется большое количество инвективных номинаций: «*Поўны правал планаў людоеда Гітлера*» (28.06.1942); «*Жывадзёры*» (7.08.1942); «*Кулю ў лоб, вілы ў чэрава – вось наш адказ нямецкім забойцам, гвалтаўнікам і грабежнікам!*» (7.08.1942); «*Немец – нелюдь, звер!*» (20.03.1943); «*Немцы не вернуцца ў сваю сабакарню!*» (20.03.1943); «*У воўчым логаве*» (19.05.1943); «*Пракляце і смерць фашысцкім душагубам!*» (19.05.1943); «*Чарговая правакацыя фашысцкіх людоедаў*» (14.08.1943); «*Ваўкі ратуюць скуру*» (6.10.1943). Данные номинации, во-первых, указывают на людей, совершивших преступление (*забойца, душагуб, жывадзёр* и под.). Во-вторых, для наименования врагов широко используются зооморфные метафоры, имеющие ярко выраженную отрицательную оценочность (*ваўкі, сабакарня, звер*). Их популярность в медиатексте можно проследить с первого дня войны, когда «Советская Беларусь» опубликовала стихотворение Я. Коласа «*На цепь – кровожадного пса!*»

Анализ содержания материалов, опубликованных в анализируемом издании в годы войны, выявил преобладание таких прямых агрессивных тактик, как призыв, оскорбление, угроза, проклятие, обвинение.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что наивысший градус агональности наблюдается в материалах газеты в 1941–1943 гг., когда территория республики была полностью оккупирована вражескими войсками. Начиная с конца августа 1943 г., незадолго до начала освобождения Беларуси, в прессе постепенно увеличивается удельный вес позитивно-оценочных статей, в фокусе внимания которых – восстановление экономики страны и устранение причиненного войной ущерба. Данная тенденция наблюдается сразу же после опубликования в газете 25 августа 1943 г. постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 21.08.1943 «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации».

Первая половина девяностых годов (1991–1995) отмечается историками как период экономического кризиса, предпосылками которого послужили смена условий государственного существования республики (провозглашение независимости и начало ее развития как самостоятельного государства) и последовавшая за этим смена условий хозяйствования (спад производства, рост инфляции и безработицы, резкое падение уровня жизни людей) [5, с. 421]. Это время дефицита и начала открытой политической борьбы. Исследователи отмечают демократизацию публицистического стиля на постсоветском пространстве, вызванную провозглашенной в конце 80-х свободой слова, отход от черно-белой интерпретации действительности, одноплановости и императивности [7; 8]. В то же время в газетном тексте усиливается субъективизация, содержание прессы становится более персонализированным. В данный период характерной особенностью СМИ снова становится обилие негативных материалов и использование лексики, заряженной преимущественно отрицательными эмоциями, которые соотносятся со сложившейся ситуацией в обществе.

Важнейшими темами газетных статей этого времени становятся повышение цен, снижение покупательной способности населения и тотальный дефицит потребительских товаров. В любом номере газеты можно найти статьи соответствующей тематики: *«Цены новые, прилавки пустые»* (3.04.1991); *«Выживут ли газеты?»* (2.04.1991); *«День икс. Товара нет, но торговля надеется, что будет»* (5.04.1991); *«А зарплата прежняя»* (4.04.1991); *«Обираловка»* (24.01.1992); *«Заработал, но не получил»* (13.02.1992); *«И “районки” дорожают»* (11.03.1992); *«“Сладкой жизни” никто не обещал»* (7.11.1992); *«Билеты на транспорт катастрофически растут»* (7.11.1992); *«Право есть – “зайчиков” нет»* (5.01.1993); *«Мнение покупателей опровергает оптимизм финансистов»* (12.01.1993); *«Общение – дорогое удовольствие»* (2.02.1993); *«Дефицит увеличивается – курс растет»* (3.02.1993); *«Не “ахайте”, скоро “ойкнете”», «Цены обещаниями не заморозить»* (22.09.1994).

В газете также публикуются материалы и о других событиях, способных вызвать отрицательные эмоции аудитории: *«О детях не подумали»* (3.04.1991); *«Двуногие взрывают землю»* (13.02.1992); *«Трагедия на*

теплотрассе» (2.02.1993); *«Лес рубят, а суд безмолвствует»* (18.03.1993); *«Отцы-беглецы да дети страдальцы»* (25.03.1993); *«Холера! Объявлено чрезвычайное положение»* (о ЧП в Украине) (22.09.1994); *«Грибники-вандалы»* (о людях, использующих при сборе грибов тяпки и грабли) (22.09.1994); *«Каждый девятый травит»* (об автомобилях, загрязняющих атмосферу выхлопными газами) (22.09.1994). По нашим наблюдениям, максимальная концентрация отрицательных статей наблюдается в период с 1991 по 1993 год, в последующие годы количество негативных и агрессивных материалов снижается, что, вероятно, связано с постепенной стабилизацией экономической ситуации в стране.

Как видно из приведенных примеров, журналисты «Советской Белоруссии» в указанный период, в отличие от 30–40-х гг., используют преимущественно косвенные агрессивные речевые тактики (насмешка, колкость, упрек, возмущение). Одним из способов вербализации данных тактик является использование прецедентных текстов, не характерное для прессы советского времени: *«Против лома нет приема»* (4.04.1991); *«О синице в руке и журавле в небе. Конфликтная ситуация на киностудии “Беларусьфильм”»* (4.04.1991); *«Финансы поют романсы»* (1.02.1992); *«Нам не страшен “серый волк”»?* (1.02.1992); *«... А в Зельве тряпками кидали»* (8.02.1992); *«Кушай Тюрю, Яша...»* (8.02.1992); *«Кот Леопольд и национальное согласие»* (6.03.1992); *«Шереше ля ... примус»* (14.03.1992); *«Опиум для народа: популярность растет»* (результаты социологического опроса в России свидетельствуют о том, что общество стало более верующим) (7.11.1992); *«Периклы» для бани КГБ»* (откровения бывшего сотрудника КГБ) (7.11.1992); *«И в трех соснах можно заблудиться»* (7.11.1992); *«Ехали мы ехали, а иногда и летели»* (7.11.1992); *«Все ниже и ниже»* (о падении курса рубля) (7.11.1992); *«Начали за упокой, закончили за здравие»* (5.01.1993); *«Пир во время чумы»* (12.01.1993); *«Хочешь жить – умей путешествовать»* (25.03.1993); *«“Айболиты” в окопах»* (22.09.1994); *«Каждому Сергею – по “серге”»* (22.09.1994). Интертекстуальность как «один из видов вторичной языковой интерпретации, в основе которой лежит процесс порождения новых знаний, возникающих на основе уже существующих концептов ... двух взаимодействующих текстов» [9, с. 11], выполняет в газетном тексте того времени функции привлечения внимания, воздействия на читателя путем навязывания ему оценок, создания экспрессии и комического эффекта. Кроме того, как отмечает А. В. Кремнева, фрагменты прецедентных текстов вносят вклад в реализацию принципа когнитивной экономии, действуя как своеобразные «смысловые триггеры», активирующие в памяти читателя все цитируемое произведение и способствуя лучшему пониманию смысла, который стремится донести до него автор [9, с. 12].

Как специфическую характеристику публицистики начала девяностых, не встречающуюся в прессе предыдущих десятилетий, следует отметить частое использование негативной информации и, соответственно, лексики с отрицательным оценочным зарядом даже в материалах, которые сообщают

о положительных событиях и ситуациях. Приведем примеры лишь из одного номера газеты за 7 ноября 1992 года: *Индия успешно развеяла миф о своей бедности и отсталости. Еще одно подтверждение тому – выставка в Минске, на которую предоставили свою продукцию 13 фирм этой страны* (статья «И, конечно же, чай» о выставке индийских товаров»); *«Дешевле только убивать»* (заголовок статьи об удешевлении охоты в России); *«Не лучшее время переживают высшие учебные заведения. Рассчитывать на полное государственное обеспечение в нынешних экономических условиях не приходится»* (статья «“Брест-ОПТИМ”: Оптимистический взгляд в завтра» о созданном на базе Брестского политехнического института коммерческом научно-производственном предприятии); *Солигорск – город белорусских шахтеров – неприятно поражает серой, даже летом, природой, горбатыми терриконами. Внести мажорную нотку в унылый городской пейзаж взялся художник Владимир Кривоблоцкий* («“Древо жизни” Владимира Кривоблоцкого» – статья о том, что в Солигорске появится новое панно).

Таким образом, результаты проведенного исследования выявили зависимость содержания и языкового наполнения газетных статей от социальной, политической, экономической ситуации в стране. Агональность медиатекстов усиливается во время войн и кризисов в обществе, однако объект речевой агрессии в публицистическом дискурсе варьируется исходя из конкретного исторического периода: неудовлетворительная деятельность властей на местах в 1930-годы, борьба с фашистами во время Великой Отечественной войны, экономический кризис в первой половине 1990-х.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добросклонская, Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиасеть / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 263 с.
2. *Кормилицына, М. А.* Язык СМИ : учеб. пособие / М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротина. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2015. – 92 с.
3. *Лысакова, И. П.* Язык газеты и типология прессы. Социалингвистическое исследование / И. П. Лысакова. – СПб : Филол. факультет СПбГУ, 2005. – 256 с.
4. *Седов, К. Ф.* Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 89–105.
5. *История Беларуси: в контексте мировых цивилизаций : учеб-метод. пособие.* / В. И. Голубович [и др.]; под ред. В. И. Голубовича, Ю. Н. Бохана. – 2-е изд. – Минск : Экоперспектива, 2010. – 464 с.
6. *Сарычева, А. М.* Образ советской власти в центральных партийных изданиях в 1917 – 1927 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / А. М. Сарычева. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019. – 17 с.

7. Сиротинина, О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски / О. Б. Сиротинина. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2013. – 116 с.
8. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ : средства речевой агрессии : учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 160 с.
9. Кремнева, А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия: когнитивно-семиотический аспект (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / А. В. Кремнева; Алт. гос. техн. ун-т им. И. И. Ползунова. – Барнаул, 2019. – 42 с.

The article discusses aggressiveness in the Belarusian press in the 1930s, 1940s, 1990s and outlines the dependence of the press content on the social, political and economic situation in the country. Various means of expressing aggression in the media texts are described.

Поступила в редакцию 24.06.2019

И. А. Виноградов

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ»

Концепт «преступление» – один из ключевых концептов правовой картины мира. В статье анализируются языковые средства, которые используются для описания номинативного поля этого концепта в англоязычном художественном, русскоязычном художественном, юридическом и публицистическом дискурсах. Определяются образные признаки, информационное поле и интерпретационное содержание (энциклопедическая, утилитарная, регулятивная, социально-культурная зоны). Все языковые репрезентации концепта «преступление» могут быть разделены в зависимости от объекта, против которого совершены преступные действия, на следующие группы: преступления против человека, преступления против государства и общества, преступления против человечества.

Ключевым концептом правовой картины мира является концепт «преступление». Изучение языковых средств выражения смыслового объема культурологически значимых концептов важно для понимания специфических особенностей каждой национальной культуры и для успешного взаимодействия культур. Актуальность исследования концепта «преступление» объясняется тем, что оценка преступления в том или ином юридическом, художественном, публицистическом тексте позволяет сделать выводы об актуальности определенных норм в лингвокультуре и отношении к ним с точки зрения законодательства, морали и т.п. Моральная оценка часто может совпадать с правовой, когда поведение или поступок оцениваются как должные, запрещенные, дозволенные, опасные для общества, влекущие или не влекущие санкции. Цель статьи – определение структуры концепта «преступление» и языковых средств его репрезентации.

Согласно Уголовному кодексу Республики Беларусь: «Преступление – совершенное виновное общественно опасное деяние (действие или бездействие, характеризующиеся признаками, предусмотренными настоящим Кодексом (Уголовным кодексом Республики Беларусь)), и запрещенное под угрозой наказания» [1, с. 11]. В Словаре русского языка С. И. Ожегова исследуемый нами термин определен следующим образом: «Преступление – действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности» [2, с. 756].

В результате анализа словарных дефиниций мы можем определить понятие преступление как «любое действие (бездействие) или поступок, запрещенные уголовным правом». Для концепта «преступление» характерна конкретизация содержательного минимума в трех направлениях: совершение незаконного действия; уклонение от служебных обязанностей; отказ от выполнения правил поведения, установленных в социуме.

Концепт «преступление» может быть отнесен к типу *фрейм*, так как он имеет составные части, которые в своей совокупности формируют объемное представление о явлении. Этот концепт может включать в себя следующие компоненты: ‘жертва’, ‘преступник’, ‘заказчик преступления’, ‘охраняемые законом ценности и блага, которым нанесен ущерб (например, жизнь, движимое и недвижимое имущество, общественный порядок и т.п.)’; ‘мотив, цель, интенция преступника, связанные с понятием вины (умышленно, совершено по неосторожности: *не задумываясь о последствиях, очертя голову, надеяться на авось да небось, кривая вывезет*)’; ‘определенный уровень развития и состояния психики преступника’, ‘моральный ущерб’, ‘место и время совершения’, ‘орудие’, ‘спасатели’, ‘неизбежность наказания’, ‘ответственность, соотносимая с наказанием, указанным в соответствующей статье Уголовного кодекса’ и др.

Концепт «преступление» может быть отнесен к типу *сценарий*, так как он представляет собой действие, происходящее в определенный период времени на определенном пространстве (подготовка преступления, его совершение, расследование).

Стандартные ассоциативные реакции свидетельствуют о наличии протативных образов: для концепта «терроризм» – это *задымленный Манхэттен; горящие небоскребы; падающие самолеты; небоскребы, объятые черным дымом; башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке* и др. Для концепта «преступление» характерны образные признаки, формирующиеся в результате метафорического переосмысления определенного явления (когнитивный образ): *преступление – кулак, нож, пистолет, watery grave – водяная могила*.

В информационное содержание концепта «преступление» входят наиболее важные когнитивные признаки, характеризующие его наиболее существенные черты, составные части, функции, определяющие сущность концепта. Информационное содержание его близко к содержанию словарной

статьи, в которой определяется ключевое слово концепта: *преступление – совершенное виновное опасное деяние; действие, нарушающее закон; действие, подлежащее уголовной ответственности.*

З. Д. Попова выделяет в интерпретационном поле концепта следующие зоны: оценочную, энциклопедическую, утилитарную, регулятивную, социокультурную и паремиологическую [3, с. 110–113].

Энциклопедическая зона концепта «терроризм» включает такие признаки, как *11 сентября 2001 года, Соединенные Штаты Америки, Усама бен Ладен, Аль-Каида, небоскребы, самолеты, Беслан, школа, 1 сентября 2004 года, Басаев* и др. У юридических концептов обычно много энциклопедических признаков, которые имеют групповой и индивидуальный характер. Утилитарная зона концепта «грабеж» – это *потеря денег, ценных вещей*, концепта «терроризм» – *жертвы, взрыв, кровь* и др. Регулятивная зона концепта «преступление» – *следует наказывать преступников по закону*. Социально-культурная зона концепта «преступление» – это *бедность, трудное материальное положение, тяжелое детство, Достоевский, Раскольников* и др.

Юридические концепты представляют собой незамкнутые пространства, которые могут проникать друг в друга. В области наложения концептов «преступление» и «грех» актуализируются такие виды преступлений, как *надругательство над трупом или могилой*; в области пересечения концептов «преступление» и «бизнес» – *организованное преступление*; «преступление» и «государство» – *шпионаж*; «преступление» и «мир» – *пропаганда войны*; «преступление» и «жизнь» – *убийство*; «преступление» и «собственность» – *мошенничество*; «преступление» и «общество» – *терроризм, бандитизм*.

Концепт «преступление» связан не только с концептом «наказание» (за каждым преступлением должно неотвратимо следовать наказание), но и с концептом «закон» (лиц, совершивших преступления, судят по закону). Такая взаимосвязь характерна для всех культур, где право регулирует отношения в социуме.

Мы проанализировали языковые репрезентации концепта «преступление» и считаем, что лексемы, используемые для обозначения преступлений в Уголовном кодексе Республики Беларусь, могут быть разделены на три группы:

1) лексемы для обозначения преступлений против человека: *убийство, торговля людьми, похищение человека*;

2) лексемы для обозначения преступлений против государства и общества: а) лексемы для обозначения преступлений против собственности и порядка осуществления экономической деятельности: *контрабанда, коммерческий шпионаж*; б) против экологической безопасности и природной среды: *порча земель, загрязнение леса*; в) против общественной безопасности и здоровья населения: *акт терроризма, умышленное блокирование транспортных коммуникаций*; г) против общественного порядка и общественной нравственности: *хулиганство, заведомо ложное сообщение об*

опасности; д) против информационной безопасности: *компьютерный саботаж, модификация компьютерной информации*; е) против государства и порядка осуществления власти и управления: *диверсия, организация незаконной миграции*; ж) против порядка исполнения воинской обязанности: *неисполнение приказа, дезертирство*;

3) лексемы для обозначения преступлений против человечества: *геноцид, экоцид, наемничество*.

Объект, пострадавший от преступных действий – это основополагающий признак предложенной нами классификации. Все языковые репрезентации концепта «преступление» могут быть разделены на три группы в зависимости от объекта, против которого совершены преступные действия: преступления против человека, преступления против государства и общества, преступления против человечества. Преступления могут принадлежать к разным категориям, границы которых четко не определены.

Лексема *убийство* может быть отнесена к любой из трех групп в зависимости от цели и мотива преступника, количества жертв, обстоятельств совершения преступления и др. факторов. Все преступления в той или иной степени направлены на нарушение существующего в обществе порядка. С этой точки зрения группа «преступления против человека» может быть приравнена по статусу к группе «преступления против государства и общества».

В романе Теодора Драйзера «An American Tragedy» («Американская трагедия») используются следующие языковые средства для выражения концепта «преступление»: *crime* – преступление; *death* – смерть; *betray unto death* – довести до гибели; *killed* – убил; *life was so cruelty blotted out beneath the waters of Big Bittern* – жизнь так жестоко оборвалась в водах озера Большой Выпи; *loss* – утрата; *murder* – убийство; *seal Roberta Alden's lips forever* – навсегда положить печать молчания на уста Роберты Олден; *slayer* – убийца; *snuff out the life* – погасить жизнь, как свечу; *slept still and nameless in her watery grave* – бездыханная, безыменная, уснула вечным сном в своей водяной могиле; *solution of all his problems* – разрешение всех своих затруднений; *had thrown her, perhaps unconscious, into the water* – может быть, когда она потеряла сознание, бросил за борт; *tragedy* – трагедия; *trouble* – несчастье и др.

В романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» употребляются следующие лексические средства для выражения концепта «преступление»: *возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп; возьми ее деньги; грязь; дело; задуманное злодейство; крови между тем натекла уже целая лужа; мертва; он вынул топор совсем, взмахнул его обеими руками, едва себя чувствуя, почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом; передумал их кто; предприятие; проскользнуть; смерть; убежать; убил и ограбил; ударил раз и другой, все обухом и все по темени; удар пришелся прямо по черепу, острием, и сразу прорубил всю верхнюю часть лба, почти до темени; ужас; умрет; череп был раздроблен и даже сворочен чуть-чуть на сторону и др.*

В материалах газеты «СБ. Беларусь сегодня» используются следующие языковые репрезентации для выражения концепта «преступление»: *атаки в учебных заведениях; бойня в Керчи; бандитизм; взорвавшаяся бомба; взрывы; вымогательство; выстрел; гибель рядового; грабеж; солдата довели до самоубийства; нелегальные захваты предприятий; хладнокровно избавиться; резонансная история; печальный исход; казнь; кошмар; кража; мошенничество; обман; отмывание денег; неуставные отношения в армии; подобное; недостойный поступок; преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта; произошедшее; происшествие; работа; разбой; расстрел однокурсников; смерть; трагические события; стрельба; тело было обнаружено; терроризм; торговля людьми; трагедия; убийство двух и более лиц общеопасным способом; убийство, совершенное из корыстных побуждений либо по найму; угон транспортного средства и др.*

Лексическая система – это сложная и противоречивая система, строго классифицировать лексические единицы нелегко. Основные языковые средства, которые используются для описания номинативного поля этого концепта, следующие:

- прямые номинации концепта (слово, которое исследователь выбирает в качестве имени концепта и его системные синонимы: роман «An American Tragedy» Теодора Драйзера: *kill – murder – slay, murderer* (убийца) – *villain* (злодей); Уголовный кодекс Республики Беларусь: *война – военные действия; похищение – захват; разбой – бандитизм; убийство – уничтожение – казнь*; газета «СБ. Беларусь сегодня» *воровать – похищать – красть – тырить – чистить – грабить – тянуть то, что плохо лежит; кража – хищение; преступление – злодеяние – злодейство – нарушение закона – нарушение законодательства; преступник – злоумышленник; причинение смерти по неосторожности – гибель; противоправное деяние – противоправная деятельность – преступная деятельность – преступное посягательство; убийство – ликвидация – смерть – гибель – смертельное ранение*);

- однокоренные слова, словообразовательно связанные с именем концепта (*убить – бить – избить, вор – воровать, кража – украли*);

- контекстуальные синонимы (*преступление – правонарушение*; роман «An American Tragedy» Теодора Драйзера: *crime* (преступление) – *accident* (несчастный случай) – *business* (дело) – *case* (происшествие) – *offence* (проступок); Уголовный кодекс Республики Беларусь: *клевета – дискредитация деловой репутации конкурента; кража – грабеж; преступление – деяние – действие – бездействие – правонарушение*; газета «СБ. Беларусь сегодня»: *воровать – брать – угонять; кража – исчезновение денег – отчуждение – имущественное преступление; поджог – умышленное уничтожение или повреждение имущества; преступление – происшествие – случай – история – инцидент – деятельность – посягательство на имущество, здоровье и жизнь; теракт – взрыв – смерть – подрыв; убийство – нейтрализация – исчезновение – стрельба – огонь на поражение*);

- словарные статьи в словарях, энциклопедиях, справочниках: *разбой – вооруженное нападение с целью ограбления, убийства* [2, с. 555];

- определения, закрепленные в нормативно-правовых актах различных государств: *Самовольное осуществление своего действительного или предполагаемого права, совершенное с нарушением установленного правовым актом порядка и причинившее ущерб в крупном размере либо существенный вред правам и законным интересам граждан или государственным и общественным интересам (самоуправство), – наказывается общественными работами или штрафом или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом на срок до шести месяцев* [1, с. 220];

- индивидуально-авторские номинативные средства (роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: *преступление – ужас, грязь, предприятие*; роман «An American Tragedy» Теодора Драйзера: *crime* (преступление) – *affair* (история) – *combination of circumstances* (стечение обстоятельств) – *story* (история) – *thing* (вещь) – *tragedy* (трагедия) – *wretchedness* (несчастье) – *trouble* (несчастье); *murder* (убийство) – *loss* (утрата) – *destruction* – (гибель) – *matter* (дело) – *end* (гибель) – *life was blotted out* (жизнь оборвалась); газета «СБ. Беларусь сегодня»: *массовый расстрел – трагедия; преступление – попрание закона – факт – трагедия – уголовный проступок; теракт – ужас – кровавое ралли – вселенский апокалипсис – трагедия; убийство – страшное событие – старое; убийства и нападения – кровавое сафари на людей*);

- метафоры (*нераскрытое убийство – «глухарь»*);

Одно и то же действие может являться и преступлением, и наказанием в зависимости от того, в отношении кого совершено данное действие (*наказание – ликвидация террориста, преступление – убийство человека*).

Такие преступления, как *государственная измена (treason), убийство (murder, homicide), грабеж (burglary)* считались самыми серьезными и подлежали жестокому наказанию с древности до наших дней. В романе Теодора Драйзера «Американская трагедия» Клайд Гриффитс за убийство был приговорен к смертной казни: *He, himself the Reverend Mc Millan had all but fainted beside him as that cap was adjusted to his head – that current turned on – and he had had to be assisted, sick and trembling, from the room – he upon whom Clyde had relied* [4, p. 930–931] – Преподобный Мак-Миллан и сам едва не упал без чувств подле Клайда, когда тому надели на голову шлем ... и дан был ток ... он весь дрожал, его мутило... кое-как, с чьей-то помощью он выбрался из этой комнаты – он, на кого так надеялся Клайд [5, с. 428]. В романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» Родион Раскольников был приговорен к каторжной работе на восемь лет, отбывая наказание за совершенное преступление:

Сибирь. На берегу широкой, пустынной реки стоит город, один из административных центров России; в городе крепость, в крепости острог. В остроге уже девять месяцев заключен ссыльно-каторжный второго разряда, Родион Раскольников [6, с. 569].

Концепт «преступление» представляет собой сложную когнитивную структуру, не имеющую четко обозначенных границ, является потенциально бесконечным континуумом, как и язык. Стабильность основных характеристик концепта «преступление» обусловлено устойчивостью ценностных ориентиров социума, схем поведения, передающихся из поколения в поколение в соответствующей культуре на протяжении ее развития. Интерпретация разных когнитивных признаков ядра концепта «преступление» происходила в разные периоды развития человечества, среди разных групп носителей языка, в различных условиях. Все эти факторы объясняют существование противоречивых признаков в интерпретационном поле концепта. Языковые средства репрезентации концепта «преступление» в Уголовном кодексе Республики Беларусь отличаются от языковых средств в романах «Преступление и наказание», «Американская трагедия» и газете «СБ Беларусь сегодня». С одной стороны, в кодексе практически не используются стилистически окрашенные лексемы, с другой – появляются новые лексические презентации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп. от 30 июня 2014 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь, 2014. – 304 с.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: около 53 000 слов / С. И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – М. : Оникс; Мир и образование, 2006. – 1200 с.
3. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ; Восток-Запад, 2010. – 314 с.
4. Dreiser, Theodore. An American Tragedy / Theodore Dreiser. – Puntnam Inc, 2003. – 972 p.
5. Драйзер, Теодор. Американская трагедия: роман: в 2 ч. Ч. 2. / Теодор Драйзер; пер. с англ. З. Вершининой, Н. Галь; вступ. ст. Я. Засурского. – Минск : Беларусь, 1985. – 432 с.
6. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание: роман / Ф. М. Достоевский. – М. : Эксмо, 2015. – 608 с.

The concept of *crime* is a complex, stable, cognitive structure with no clearly defined boundaries. The concept of *crime* can be attributed to the type the frame and to the type the script. (Концепт «преступление» может быть отнесен и к типу «фрейм» и к типу «сценарий»). The stability of the main characteristics of the concept of *crime* is due to the stability of the value orientations of society, the patterns of behavior transmitted from generation to generation in the corresponding culture during its development. Cognitive signs of the concept of crime are dynamic and are determined by the type of consciousness.

Поступила в редакцию 10.07.2019

Р. В. Лебедев

РАЗВЕРНУТЫЙ ВЕРБАЛЬНЫЙ ХЕЗИТАТИВ КАК ИНДИКАТОР КОММУНИКАТИВНОГО ЗАТРУДНЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИАЛОГА

В статье рассматриваются прагматические и функциональные особенности развернутых вербальных хезитативов в разных типах диалога: естественном устном, художественном, публицистическом и интернет-диалоге. Автором приводится перечень характерных для развернутых вербальных хезитативов черт, описываются причины возникновения коммуникативных затруднений говорящего и рассматривается функционирование исследуемых речевых элементов в исследуемых диалогах.

Разнообразные проблемы, возникающие в ходе диалогического взаимодействия, причины их появления и способы преодоления традиционно являются предметом внимания специалистов в области лингвопрагматики. Но несмотря на устойчивый интерес к данной теме и наличие впечатляющих результатов здесь остается немало нерешенных принципиальных вопросов. К их числу относится и проблема возникновения и вербализации коммуникативного затруднения говорящего в диалоге (далее КЗГ), которая исследована значительно менее подробно и глубоко, чем коммуникативные неудачи, осечки, провалы и т.п.

Под КЗГ понимаются трудности, возникающие на этапе вербализации в связи с невозможностью частично или полностью реализовать коммуникативный замысел в данной конкретной ситуации:

(1) – *У нас газета хоть и популярная, но я делаю материалы, как бы это сказать... – Не для всех? – В общем-то да* (Е. Белкина. От любви до ненависти. НКРЯ¹).

Подобного рода затруднения проявляются в речевом поведении говорящего в виде фальстартов, самоперебивов, автокоррекции и т.д. Часто КЗГ провоцирует возникновение паузы хезитации, незаполненной или заполненной разного рода элементами: неречевыми единицами (растяжками гласных или согласных, речеподобными звуками и др. [1, с. 126]; условно-речевыми единицами (вербальными хезитативами *это самое, как его (ее, их)* и др.) [там же]; эксплицитными метакоммуникативными конструкциями типа *не знаю, как это сказать; не могу подобрать слово* и т.п. (мы предлагаем называть их развернутыми вербальными хезитативами (далее – РВХ)).

Из всего множества перечисленных элементов, которые могут служить показателями КЗГ, именно РВХ – метакоммуникативные рефлексивные высказывания, содержащие глагол речи или иное изофункциональное средство, указывающее на характер затруднения, – наиболее эксплицитно и четко фиксируют коммуникативную проблему говорящего. Этим объясняется их выбор в качестве объекта исследования. РВХ позволяют

---

¹ Национальный корпус русского языка

точнее интерпретировать речевое поведение говорящего и судить о характере затруднения и его причинах (в то время как неречевые и условно-речевые единицы могут носить чисто автоматический характер, быть словами-паразитами и др.).

Целесообразно предположить, что на характер и дискурсивную реализацию КЗГ существенное воздействие оказывают характеристики той разновидности диалогического взаимодействия, в ходе которой они возникают. При этом важно выделить ключевые для анализа КЗГ и его вербализации признаки диалогической речи и с опорой на них определить виды диалогического взаимодействия, изучение которых максимально раскрыло бы особенности исследуемого феномена.

• **Спонтанность/подготовленность.** Одним из наиболее существенных для анализа КЗГ является признак спонтанности, так как именно неподготовленностью речи принято объяснять возникновение всякого рода сбоев [2; 3; 4]. Однако вопрос о степени спонтанности того или иного речепроизведения является достаточно сложным. Оценивая спонтанность как полиаспектную характеристику, И. Н. Борисова выстраивает градуальную классификацию по трем критериям (речедеятельный, дискурсивный и языковой аспекты), таким образом выделяя неподготовленную, частично подготовленную и подготовленную речь [5, с. 128–129].

Такая градуальность свойственна и диалогической речи, в рамках которой выделяется абсолютно неподготовленная (бытовой спонтанный диалог) и частично подготовленная, когда собеседникам в той или иной мере известна тематика разговора и обдуманы некоторые речевые ходы, стратегии и тактики (беседа в жанре интервью).

• **Устная/письменная форма.** Эта оппозиция тесно коррелирует с противопоставлением спонтанного и подготовленного диалогов. Письменный дискурс традиционно считается более подготовленным и, следовательно, нормированным и регламентированным, а устный – спонтанным и уязвимым ко всевозможным огрехам: «функционалирование незаконченных высказываний, слабая структурированность, введение перебивов, автокомментариев, контакторов, реприз, элементов колебания и т.п. – является необходимым условием успешности и эффективности **устного** способа коммуникации» [6, с. 8.] (выделено нами. – *Р. Л.*). Однако существует немало жанров устной речи с языковыми и общелингвистическими характеристиками, более близкими к письменной речи, и наоборот [2]. Особый интерес в этой связи представляет интернет-коммуникация, так как в Интернете происходит взаимодействие исходной устной формы с техническим исполнением письменного варианта, но не в привычной, а в компьютерной записи, что приводит к преобладанию разговорного стиля речи [7].

• **Обработанность/необработанность.** Не менее важным для исследования особенностей возникновения и вербализации КЗГ является разделение диалогического дискурса в зависимости от способа создания на **необработанный** (естественный) и **обработанный** (воспроизведенный художественными или иными средствами).

Таким образом, нам представляется важным обратиться к тем типам диалога, в которых мы можем наблюдать максимальное разнообразие реализации этих признаков и увидеть их различные конфигурации. На наш взгляд, в их роли могут выступать следующие: естественный устный диалог (спонтанный, устный, необработанный), публицистический диалог¹ (относительно подготовленный, устный с последующей письменной фиксацией, обработанный), художественный диалог (имитирующий спонтанный, устный/письменный², обработанный), интернет-диалог (относительно подготовленный, устно-письменный, необработанный).

При этом, обращаясь к исследованию специфики функционирования РВХ как эксплицитного показателя КЗГ в разных типах диалогов, важно отметить, что в зависимости от причины возникновения выделяются **языковые** и **прагматические КЗГ**.

Языковые КЗГ, как правило, вызываются отсутствием искомой номинации в лексиконе говорящего или затрудненным по тем или иным причинам доступом к номинации, а также необходимостью вербализации элементов специфической понятийной области, ср.:

(2) *Даже в художку как-то немного / м-м-м / лень? Не знаю / как сказать* (Разговоры московских школьниц / Из коллекции НКРЯ).

КЗГ прагматического характера обусловлены необходимостью совершить речевое действие, которое потенциально может доставить эмоциональный или морально-этический дискомфорт участникам диалога, ср.:

(3) *[...] Ведь вы, как бы это сказать поделикатнее, дама не первой молодости* (И. Грекова. Перелом. НКРЯ).

1. Вербализованные КЗГ в естественном устном диалоге. Естественный устный диалог представляет собой пример спонтанного первичного диалогического взаимодействия, которое отличается высоким уровнем неподготовленности, линейностью и необратимостью и в связи с этим крайне уязвимо к появлению всяческого рода заминок, неточностей, шероховатостей.

В естественной речи говорящие чаще затрудняются при поиске необходимого слова (73 %), нежели испытывают сложности при решении непростых прагматических задач (27 %).

Кроме того, характерной чертой необработанной устной спонтанной речи является широкое разнообразие РВХ и их комбинаций с другими индикаторами КЗГ и прочими заполнителями пауз хезитации:

(4) *Он по шее вот такой длинный / ¹но понимаешь... ²эм... этот пиджак с таким вырезом... ³мм... ⁴как бы... ⁵мм... ⁶как бы это сказать?* (Телефонный разговор о подготовке к юбилею / Из коллекции НКРЯ).

---

¹ Под публицистическим диалогом мы понимаем текст напечатанного интервью (выбор этого жанра обусловлен сочетаемостью ключевых категорий).

² Имитируется устный диалог, который приобретает письменную фиксацию в литературных произведениях и устную – в кино/театральных постановках.

В данном случае (4) в результате КЗГ в речи появляется развернутая конструкция, включающая невербальные хезитативы (2, 3, 5), метакоммуникативный маркер мониторинга понимания (1), маркер-аппроксиматор (4) и, наконец, РВХ, эксплицитно фиксирующий КЗГ (6).

2. Вербализованные КЗГ в художественном диалоге. Художественный диалог представляет интерес в качестве обработанного типа диалогического взаимодействия. Как и художественный текст в целом, художественный диалог призван не столько отражать реальность, сколько моделировать ее через призму авторского мировоззрения. В силу наличия авторских комментариев, передачи внутренней речи персонажей, фиксации невербальных компонентов коммуникации и пр. художественный диалог способен отражать максимально богатый спектр факторов прагматического контекста. Сравните, например, следующий контекст, в котором фиксируется сложный перлокутивных эффект, произведенный РВХ:

(5) – *Даже не знаю, как сказать. Был у стариков на этаже Мокрухтина и наслушался такого, что голова пухнет / Зинаида Ивановна вскинула на него глаза. Она испугалась: если мужчина не знает, как сказать, то это что-то неприличное; если не знает, как сказать ей, то ее и касается* (Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрем. НКРЯ).

По нашим наблюдениям, включение вербализации КЗГ в художественный диалог выполняет ряд важных прагматических задач.

Во-первых, как было показано выше, достоверная художественная имитация устной спонтанной речи невозможна без внедрения элементов разговорного стиля, в том числе РВХ.

Во-вторых, РВХ и сопутствующие им метакоммуникативные комментарии могут служить дополнительным средством для раскрытия переживаний и характеристик персонажей и попутно эффективно решать некоторые эстетические задачи:

(6) «*Описать?*» – [...] «*Только перечислить цвета*», – уточнил я. [...] *Ей явно не хотелось говорить: «Красный, желтый, оранжевый, голубой, зеленый». Она не хотела говорить банальности. Она всегда заботилась о том, чтобы не показаться банальной.* – Вишневый, малиновый, сливовый, яичная полоса, вон там, сверху, кремовый... – Ты голодна, – попытался пошутить я. – Во-первых, да, голодна, – чуть раздражаясь, сказала Наташа, – а, во-вторых, я не знаю, как сказать: «Рубиновый, аметистовый, агатовый, гранатовый, бирюзовый» (М. Голованивская. Противоречие по сути. НКРЯ).

Такая возможность использовать КЗГ в качестве дополнительного художественного приема объясняет большой удельный вес затруднений прагматического характера (41 %).

3. Вербализованные КЗГ в публицистическом диалоге. Специфика публицистического диалога во многом обуславливается дихотомией первичной устной формы с характерными признаками и конечной письменной формы. На появление РВХ в публицистическом диалоге могут влиять следующие факторы.

- Прежде всего, для возникновения и последующей вербализации КЗГ имеет значение степень подготовленности интервьюируемого к адресуемым ему вопросам (осведомленность о целях интервью, его тематике и пр.) [8]. В случае резкой смены темы разговора говорящий может затрудняться с ответом или и вовсе быть не готовым отвечать:

(7) – *Вы были доверенным лицом Путина на президентских выборах 2012 года. Как вы сейчас оцениваете это решение? – Неожиданный вопрос в контексте интервью о фильме. С удовольствием поговорю на эту тему, если в будущем переквалифицируюсь в политического обозревателя* (Известия. НКРЯ).

- К тому же на возникновение КЗГ может влиять характер вопросов. Наибольшая вероятность вызвать КЗГ связана с актуализацией вопросов, затрагивающих сферу личной жизни, на неприятные или нежелательные для интервьюируемого темы:

(8) *Я и 30 лет перенес тяжело, а тут 35. Это такой возраст, когда... – Сергей Зубов пытается подобрать слова, а потом сдается и машет рукой. – Я даже не знаю, как это сказать, если честно* (Советский спорт. НКРЯ).

- Наконец, фиксация РВХ в конечном печатном варианте интервью зависит от степени обработанности текста. Составляя письменную версию интервью, авторы, в отличие от авторов художественных произведений, не ставят своей целью имитацию устной спонтанной речи: происходит, с одной стороны, преобразование присущих разговорной речи элементов в адекватный письменному варианту формат, а с другой – некоторые из этих элементов сохраняются для отражения живого языка беседы.

В публицистическом диалогическом дискурсе преобладают КЗГ, вызванные причинами языкового характера (89 %). Это вполне объяснимо тем, что в ходе интервью круг прагматических проблем значительно сужен и ограничивается ответами на вопросы неприятного/неожиданного характера.

4. Вербализованные КЗГ в интернет-диалоге. Анализ интернет-диалога дает возможность наблюдения за гибридной устно-письменной формой диалогического взаимодействия, при этом исследователи отмечают устойчивую тенденцию к «преобладанию устности» в основных интернет-жанрах [9]. На наш взгляд, употребление РВХ в ходе интернет-общения можно объяснить рядом факторов.

- Во-первых, не исключается факт автоматической фиксации КЗГ, так как темп интернет-диалога зачастую приближен к темпу естественного общения. Можно предполагать, что адресант, не ощущая разницы между естественным устным общением и посредством Интернета, употребляет РВХ там, где в устном диалоге он бы нуждался в паузе для размышления.

- Во-вторых, нередко распространены случаи, когда говорящий понимает, что выразился неудачно и специально это подчеркивает, осознавая, что отсутствие РВХ говорило бы о невысоком уровне его коммуникативной компетенции (т.е. реализует стратегию позитивной самопрезентации):

(9) *Потом мед начинает потихоньку сворачивается [...] в конце уже руки очень прилипают к ногам и отрывая, вы как бы отрываете кожу от мяса (звучит ужасно), но по другому не знаю как выразиться¹* (Красота (форум). НКРЯ) (естественно, такое использование РВХ возможно и в иных типах диалога, однако, по нашим наблюдениям, в интернет-общении его доля наиболее существенна).

• Наконец, говорящие также используют РВХ для снижения степени жесткости негативных суждений, создавая таким образом о себе благоприятное впечатление (т.е. презентуя себя как коммуникативную личность, которой неловко/неприятно высказывать нелестные суждения о собеседнике):

(10) *Конечно, если именно Вы решаете такие вопросы. А если не Вы, то зачем ээээ..., как это сказать? тогда зачем говорить всякую хрень!* (Форум Tut.by).

В последнем случае мы имеем дело с КЗГ прагматического характера, которые встречаются значительно реже, чем языковые затруднения (20 % и 80 % соответственно), так как реализовать потенциально «опасные» речевые акты в условиях дистантного, относительно деперсонализованного общения значительно легче.

Отличительной особенностью вербализации КЗГ в интернет-общении является наличие дополнительных, доступных только данному типу общения ресурсов: эмодзи, кавычки, зачеркивания и прочие средства используются не только при вербализации затруднения, но и при выходе из КЗГ:

(11) *Окрас [кошки] не знаю как точно, но вроде называется лесной, очень похожа на эту [изображение]* (Форум Onliner.by).

Таким образом, анализ функционирования развернутых вербальных хезитативов как специфического типа языковых конструкций, фиксирующих коммуникативные затруднения говорящего, в различных видах диалога позволяет сделать следующие выводы.

1. В проанализированных типах диалога РВХ реализуют различные функции: в устной спонтанной речи и интернет-общении вербализация КЗГ является естественной необходимостью для заполнения возникшей паузы и дальнейшего продолжения высказывания; в художественных и в несколько меньшей степени в публицистических диалогах, как обработанных типах диалогического взаимодействия, РВХ служат для достоверной имитации живой речи. Кроме того, для художественного диалога РВХ играют существенную роль в передаче ряда дополнительных нюансов при создании образов персонажей и отражении ситуаций межличностного общения; для интернет-общения важно использование РВХ в качестве средства реализации стратегии позитивной самопрезентации говорящего/пишущего.

2. Для исследованных типов диалога характерны некоторые различия в соотношении КЗГ языкового и прагматического характера: максимально широко вербализованные затруднения прагматического характера представ-

---

¹ Авторский стиль примеров здесь и далее сохранен. – Р. Л.

лены в художественных диалогах; менее распространены затруднения такого рода в публицистическом диалоге, где наблюдается сужение вариативности прагматических задач, которые необходимо решить говорящему, а также в интернет-диалоге, где дистантный характер общения облегчает эту задачу.

3. Для первичных, необработанных диалогов (устного спонтанного и интернет-диалога) характерно использование усложненных комбинаций метакоммуникативных единиц и конструкций, включающих наряду с РВХ прочие формальные показатели коммуникативного затруднения говорящего, в то время как в обработанных, письменных текстах РВХ не сопровождаются дополнительными индикаторами КЗГ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданова-Бегларян, Н. В.* Кто ищет – всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов русской спонтанной речи) / Н. В. Богданова-Бегларян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегод. междунар. конф. «Диалог», Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г. : в 2 т. / гл. ред. В. П. Селегей. – М., 2013. – Т. 1., вып. 12 (19). – С. 125–136.
2. Спонтанность – неспонтанность как стилистическая характеристика / К. А. Долинин // Стилистика французского текста / К. А. Долинин. – 2-е изд., дораб. – М. : Просвещение, 1987. – С. 242–263.
3. *Земская, Е. А.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
4. *Сиротинина, О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности / О. Б. Сиротинина. – М. : Просвещение, 1974. – 144 с.
5. *Борисова, И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. – М. : Либроком, 2009. – 320 с.
6. *Бубнова, Г. И.* Письменная и устная коммуникация: синтаксис и просодия / Г. И. Бубнова, Н. К. Гарбовский. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 272 с.
7. *Губарев, В. В.* Интернет-диалог – основная форма речевого общения / В. В. Губарев // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – 2011. – № 8. – С. 212–216.
8. *Лукина, М. М.* Технология интервью / М. М. Лукина. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 191 с.
9. *Лысенко, С. А.* Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в интернет-коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. А. Лысенко. – Воронеж, 2010. – 184 л.

The article discusses the pragmatic and functional features of extended verbal hesitation fillers in different types of dialogue: natural oral, artistic, journalistic, and internet dialogue. The author provides a list of characteristic features of such placeholders, describes the causes of the communicative difficulties of the speaker and the functioning of the studied speech elements in different types of dialogue.

Поступила в редакцию 02.07.2019

上 SHANG ‘ВЕРХ’ В СИСТЕМЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье характеризуется китайская языковая единица 上 *shang* ‘верх’ с точки зрения фонетики, лексического значения и грамматических свойств. Установлено, что 上 *shang* употребляется самостоятельно и в составе композитов, реализуя как собственное лексическое значение, так и маркируя категориальную принадлежность композита как имени процесса/действия или предмета/явления. Исследуемая единица широко используется в словообразовании для создания переносных значений, отражающих специфическую картину пространства в системе китайского языка.

В свете когнитивной парадигмы в лингвистике и особенно активно разрабатываемой в ее рамках пространственной грамматики (см. работы Дж. Лакоффа, Л. Талми, Р. Лангакера, Р. Джакендоффа, А. Херсковитс и др.) в центре внимания исследователей оказались языковые единицы с пространственной семантикой. Проблемы отражения категорий пространства в семантике языковых единиц активно разрабатывались на материале индоевропейских языков и гораздо меньше на материале языков других семей (см., например, работы Т. Т. Ли, Г. Сихун, Ф. Тао [1, с. 133–134], Цзи Иньлин и т.д.). Как следствие, малоизученной является системная организация языковых единиц, обозначающих пространственные отношения в таких языках, как японский, китайский и др. Сложность подобных изысканий обусловлена типологическим своеобразием этих языков, поэтому для описания особенностей семантики и функционирования пространственных слов оказывается необходимым разъяснение их места в системе исследуемого языка. Объектом исследования в данной статье является языковая единица 上 *shang* ‘верх’ в системе китайского языка. Рассматриваемая единица анализируется с точки зрения ее фонетических, грамматических и лексических характеристик. Для проведения такого анализа привлекались авторитетные толковые и переводные словари китайского языка (新华在线词典 *xīnhuá zàixiàn cídiǎn* (современный китайский онлайн-словарь Синьхуа), 汉俄词典 *Hàn-é Cǐduān* (китайско-русский словарь), 千亿词霸 *qiānyì cíbà* (электронный русско-китайский и китайско-русский словарь), 俄英汉三语词典 *é yīng hàn sānyǔ cídiǎn* (русско-англо-китайский словарь), 精选俄汉-汉俄词 *jīngxuǎn é hàn – hàn é cídiǎn* (китайско-русский и русско-китайский словарь) и т.д.). Способы употребления рассматриваемой языковой единицы иллюстрируются примерами, взятыми из китайского авторитетного словаря Синьхуа, электронной энциклопедии Байду (百度百科 *báidùbǎikē*), Большого китайско-русского словаря (大БКРС) и Национального корпуса русского языка.

上 *shang* является многозначной единицей. Известно, что многозначность языковых единиц в китайском языке связана фонетическим фактором: значение единицы меняется в зависимости от изменения тона, в котором она

произносится. Тон – это изменение высоты звука, т.е. его подъема или падения. Единицы китайского языка, произносимые разными тонами, могут обозначаться при помощи одного и того же иероглифа, поэтому тон в китайском языке также называется тоном иероглифа [2, с. 2–9]. В китайском языке существует четыре основных тона: 1) ровный; 2) восходящий; 3) нисходяще-восходящий; 4) падающий. При транскрибировании звуков китайского языка с помощью латиницы (так называемый пиньинь) эти тоны маркируются соответствующими знаками: « ¯ », « ´ », « ˇ » и « ` ». Помимо названных основных четырех тонов, в китайском языке есть способ произношения, называемый нейтральным тоном [3; 4]. Термином *нейтральный тон* обозначается особый феномен вибраций основных четырех тонов, для его обозначения не существует никакого знака.

Как уже было сказано выше, при чтении каждый иероглиф произносится минимум в одном тоне. При анализе способов произношения *上 shang* и связанных с ними изменений значения мы опираемся на словарь Синьхуа. Согласно данному словарю *上 shang* является многотонной единицей. Она может произноситься нисходяще-восходящим тоном и падающим тоном; никогда не произносится ровным и восходящим тонами. В то же время данная единица может произноситься нейтральным тоном. Возможности произношения единицы *上 shang* в разных тонах показаны в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Тоновое произношение языковой единицы *上 shang*

Основные тона				Особый тон
первый	второй	третий	четвертый	
ровный	восходящий	нисходяще-восходящий	падающий	нейтральный
-	´	ˇ	`	—
-	-	+	+	+
-	-	shǎng	shàng	shang

В ходе исследования выявлялось, зависит ли пространственное значение *上 shang* от способа произношения. Установлено, что нисходяще-восходящим тоном *上 shang* произносится только в одной конструкции. Эта конструкция используется в качестве метаязыковой при описании системы тонов в китайском языке: *上声 shǎngshēng* ‘верхний тон’ [5]. Примером такого употребления исследуемой языковой единицы является высказывание (1):

(1) 老师说：“汉语中的第三声专业说法也称为‘上声’”。(lǎoshī shuō: “hànyǔzhōng de dìsānshēng zhuānyè shuōfǎ yě chēngwéi ‘shǎngshēng’.”) ‘Наш учитель сказал: «В китайском языке третий тон также можно специально назвать “**верхним тоном или нисходяще-восходящим тоном**”»’¹.

¹ Данный пример и его перевод являются авторскими.

Анализ толкований $\dot{shang}$ в академических словарях китайского языка показал, что основным и наиболее часто используемым способом произношения $\dot{shang}$ является падающий тон. В 719 из 790, т.е. в 91,01 % от общего числа конструкций $\dot{shang}$, зарегистрированных в словаре Синьхуа, данная единица должна произноситься с падающим тоном, как в примерах (2) и (3).

(2) 我问你：“你额角上的伤痕：不就是那时撞坏的么……” (鲁迅/祝福) (wǒ wèn nǐ “nǐ éjiǎo shàng de shānghén: bù jiùshì nàshí zhuàng huàideme...”)
(Lu Xun. «Zhufu», 1924) ‘– Скажи лучше, отчего у тебя шрам на лбу. Небось об алтарь стукнулась?..’ (Лу Синь. «Моление о счастье» (А. Рогачева)) [6].

(3) Павка заметил на стене тень от знакомой взлохмаченной фигуры и проговорил, не оборачиваясь: (Н. А. Островский. «Как закалялась сталь», 1932) ‘– 保尔也在墙上看到了那个熟悉的头发蓬松的人影，他头也不回地说：[尼·奥斯特洛夫斯基/钢铁是怎样炼成的] (Bǎo'ěr yě zài qiánghàng kàn dào liǎo nàgè shúxī de tóufa péngsōng de rén yǐng, tā tóu yě bù huí de shuō:)
(Ni. Aositeluofusiji. «Gangtie shi zenyang lianchengde»)) [6].

Кроме нисходяще-восходящего тона и падающего тона, $\dot{shang}$ произносится и нейтральным тоном. Этот тон характерен как для разговорного стиля и диалектов, так и для литературного китайского языка (мандарина). Количество конструкций с $\dot{shang}$ в нейтральном тоне в нашей выборке составляет почти 9 %.

В обобщенном виде количественное распределение способов произношения $\dot{shang}$ представлено в табл. 2.

Таблица 2

Способы произношения $\dot{shang}$

	Тона			Всего
	нисходяще-восходящий (shǎng)	падающий (shàng)	нейтральный (shang)	
Количество конструкций с $\dot{shang}$ с разными тонами	1 (0,12 %)	719 (91,01 %)	70 (8,87 %)	790 (100 %)

Следует подчеркнуть, что, по сравнению с нисходяще-восходящим тоном и падающим тоном, которые легко распознаются, нейтральный тон является более сложным. Его использование не определяется четкими критериями и не регулируется строгими правилами, которые предписывали бы нейтральный тон в тех или иных случаях. Поскольку в 70 из 790 конструкций с $\dot{shang}$, отобранных нами из словаря китайского языка Синьхуа, данная единица произносится нейтральным тоном, необходимо выявить, связан ли этот тон с пространственной семантикой $\dot{shang}$.

Обобщение основных типов слов и конструкций, которые произносятся нейтральным тоном, мы сделали на основе данных электронной энциклопедии Байду (百度百科) [7] и Большого китайско-русского словаря (大 БКРС) [4]. Как показывает анализ, нейтральным тоном в слове или конструкции произносятся вспомогательные слова/частицы, междометия, счетные слова, личные местоимения в синтаксической роли объекта при переходных глаголах, пространственные маркеры в составе существительных и глаголов для указания на направление или положение, второй компонент в словах, образованных путем редупликации, десемантизированные словообразовательные компоненты. Полученные данные и примеры типов употреблений суммированы в табл. 3 (часть конструкции, произносимая нейтральным тоном, выделена жирным шрифтом).

Т а б л и ц а 3

Типы слов и конструкций с нейтральным тоном

№ п/п	Маркеры нейтрального тона	Примеры
1	Вспомогательные слова/частицы типа 的 <i>de</i> , 地 <i>di</i> , 得 <i>de</i> , 着 <i>zhe</i> , 了 <i>le</i> , 呢 <i>ne</i> , 吗 <i>ma</i>	好的 <i>hǎode</i> ‘хороший’, 轻轻地 <i>qīngqīngdi</i> ‘тихо’, 说得好 <i>shuōdehǎo</i> ‘хорошо говорить’, 听着 <i>tīngzhe</i> ‘Слушайте’, 太棒了 <i>tàibàngle</i> ‘молодец’, 你呢 <i>nǐne</i> ‘ну ты’, 对吗 <i>duìma</i> ‘правильно?’
2	Междометия	喂 <i>wei</i> ‘эй’, 哦 <i>o</i> ‘ах’, 嗯 <i>en</i> ‘ну’, 哼 <i>heng</i> ‘ох’, 哎呀 <i>aiya</i> ‘ой’, 哟 <i>yo</i> ‘ой’
3	Счетные слова типа 个 <i>ge</i> , 次 <i>ci</i> , 盘 <i>pan</i>	那个 <i>nàge</i> ‘та штука’, 那次 <i>nàci</i> ‘тот раз’, 那盘 <i>nàpan</i> ‘та тарелка’
4	Личные местоимения в синтаксической роли объекта при переходных глаголах (你 <i>ni</i> , 他 <i>ta</i> , 我 <i>wo</i> и др.)	找你 <i>zhǎoni</i> ‘искать тебя’, 请他 <i>qǐngta</i> ‘пригласить его’, 叫我 <i>jiàowo</i> ‘вызывать меня’
5	Пространственные маркеры в составе существительных для указания на направление или положение (上 <i>shang</i> , 里 <i>li</i> , 面 <i>mian</i> , 边 <i>bian</i> и т.д.)	墙上 <i>qiángshang</i> ‘на стене’, 屋里 <i>wūli</i> ‘в комнате’, 外面 <i>wàimian</i> ‘на улице’, 里边 <i>lǐbian</i> ‘в пределах’
6	Пространственные маркеры в составе глаголов типа 下 <i>xia</i> , 来 <i>lai</i> , 去 <i>qu</i> , 上 <i>shang</i>	放下 <i>fàngxia</i> ‘спускать’, 起来 <i>qǐlai</i> ‘вставать’, 出去 <i>chūqu</i> ‘выходить’, 盖上 <i>gàishang</i> ‘накрывать’

7	Второй компонент в словах, образованных путем редупликации (看 kan, 试 shi, 哥 ge, 谢 xie, 妈 ma, 爸 ba, 灿 can, 乐 le и т.д.)	看看 kànkān ‘посмотреть’, 试试 shìshì ‘попробовать’, 哥哥 gēge ‘старший брат’, 谢谢 xièxiè ‘спасибо’, 妈妈 māma ‘мать’ 爸爸 bàba ‘отец’, 金灿灿 jīncàncan ‘золото светлый’, 快快乐乐 kuàikuàilèlè ‘веселый’
8	Десемантизированные словообразовательные компоненты типа 子 zi, 头 tou, 上 shang	桌子 zhuōzi ‘стол’, 房子 fángzi ‘дом’, 死对头 sǐduìtóu ‘смертельный враг’, 大面儿上 dàmiànèrshang ‘ради’ [4; 7]

Как следует из представленной таблицы, *上 shang* с нейтральным тоном служит для маркировки пространственного положения или направления (позиции в табл. 5 и 6), а также выступает в качестве десемантизированного аффикса для образования синтаксической конструкции (позиция 8). Примерами употребления *上 shang* с нейтральным тоном в качестве пространственного маркера служат высказывание (4) и (5).

(4) 女乙来点灯了, 对面墙上挂着的彤弓, 彤矢, 卢弓, 卢矢, 弩机, 长剑, 短剑, 便都在昏暗的灯光中出现。[鲁迅/奔月] (nǚ yǐ lái diǎn dēng le, duìmiàn qiánghang guà zhe de tóng gōng, tóng shǐ, lú gōng, lú shǐ, nǚ jī, cháng jiàn, duǎnjiàn, biàn dōu zài hūnàn de dēngguāng zhōng chūxiàn.) (Lu Xun. «Benyue», 1926) ‘Вошла служанка Нюй-и и зажгла лампу. Ее тусклые лучи упали на красный лук с красными стрелами, черный лук с черными стрелами, самострелы, мечи и кинжалы, висевшие на противоположной стене’ (Лу Синь. «Побег на луну» (В. Сухорукова)) [6]

(5) 盖子要盖^上。(gàizi yào gài^{shang}!) ‘Надо накрыть крышкой’ дословно: ‘крышка надо накрыть **сверху**’¹ [8].

Обращает на себя внимание то, что в примерах (3) и (4) описание одной и той же пространственной ситуации (*на стене*) происходит с помощью *上 shang* в первом случае с падающим, во втором – с нейтральным тоном. Анализ примеров показывает, что изменение тона в подобных случаях не связано с семантическими различиями, а обусловлено прагматическим (сомнение в сказанном, неуверенность) или стилистическим (разговорная речь) факторами. Следовательно, изменения тона произнесения *上 shang* не влияют на его пространственную семантику.

Перейдем к рассмотрению грамматических показателей *上 shang* в их взаимосвязи с лексическим значением. В силу структурных особенностей китайского языка, являющегося корневым, части речи в нем выделяются условно, поскольку они не имеют грамматических признаков. Одна и та же единица в китайском языке, в зависимости от позиции, может функционировать как существительное, глагол, прилагательное и т.п. Сказанное в полной мере относится к языковой единице *上 shang*, которая может сама или в составе композитов обозначать реалии, именуемые в европейских

¹ Данный пример и его перевод являются авторскими.

языках названными частями речи, а также, как уже было показано при анализе ее фонетических особенностей, выполнять функцию пространственного маркера, сходную с функцией пространственных предлогов в индоевропейских языках. В словаре Синьхуа предпринята попытка классификации способов употребления 上 *shang* с применением частеречной шкалы, используемой для описания флективных языков. Так, словарь дает 9 значений этой единицы в роли или в составе существительного, 21 – в составе глагола, 6 – в составе прилагательного. То есть часто речь идет о композитах, обозначающих предметы, действия, признаки и свойства. Ниже мы проанализируем только те определения, которые описывают пространственные значения композитов с 上 *shang*. Мы приводим их дословный перевод и наш комментарий китайской языковой картины обозначаемых участков действительности.

В словарных значениях, представленных в (6)–(8), функция 上 *shang* сходна с функцией существительного:

(6) 本义: 高处, 上面 [9] *běnyì:gāochù, shàngmiàn* ‘Основное значение: высокое место; верх’.

В качестве примера реализации этого значения в словаре приводятся конструкции 上下肩 *shàngxiàjiān* дословно: ‘верхнее и нижнее плечо’, а также 上丹田 *shàngdāntián* дословно: ‘часть тела, находящаяся на 3 цуня выше пупка, место сосредоточения жизненных сил’. Словосочетание 上下肩 *shàngxiàjiān* ‘верхнее и нижнее плечо’ используется для описания ситуаций, когда одно из плеч приподнято, а другое опущено (например, при переносе тяжестей, по причине болезни). Конструкция 上丹田 *shàngdāntián* обозначает точку на теле человека, которая, согласно учению даосизма, находится между двумя бровями.

(7) 方位词, 边, 畔 [9] *fāngwèicí, biān, pàn* ‘обозначает направление, местоположение сверху края предмета, вблизи от него’.

Реализация значения, приведенного в (7), иллюстрируется примером 丧出江上, 白衣冠送者夹岸。[明史·海瑞传] [9] *sāngchū jiāngshàng, bǎiyīguàn sòngzhě jiànyù*. («*míngshǐ.hǎiruìzhuàn*») ‘Люди, одетые в белые траурные одежды, отправляли похороны на берегу реки («История династии Мин. Биография Хай Жуя»)’. Необходимость употребления 上 *shang* в подобных случаях обусловлена тем, что при описании местоположения в китайском языке задаются координаты не только по оси «близко – далеко», но и по оси «верх – низ». В данном случае люди находятся выше берега, на что и указывает 上 *shang*.

(8) 上天; 天帝 例如: 上穹 (上天; 天帝; 上方 (天上仙界; 皇帝) [9] *shàngtiān; tiāndì lìrú: shàngqióng (shàngtian; tiāndì); shàngfāng (tiānshàng xiānjiè; huángdì)* ‘небо; Тянь-ди (верховное божество в китайской мифологии); например, небосвод (небо; Тянь-ди); верх в социальном отношении (райская обитель; император)’.

В дефиниции, приведенной в (8), речь идет как о пространственном, так и о социальном значении, которые оказываются тесно взаимосвязанными.

Следует отметить, что концепт ‘верх’ активно используется в китайской языковой картине мира для описания социальных отношений, о чем свидетельствует следующее значение 上 *shang*:

(9) 上级; 尊长; 社会的高层 [9] *shàngjí; zūnzhǎng; shèhuì de gāocéng* ‘вышестоящая инстанция, начальство, руководство; старшие (по возрасту или положению); люди, занимающие высокое положение в обществе’; 上座, 上席 (受尊敬的席位) *shàng zuò, shàngxí (shòu zūnjìng de xíwèi)* ‘главное место, первое место, почетное место за столом’.

Обращает на себя внимание конструкция 上流 (上辈) *shàngliú (shàngbèi)*, приведенная в словаре в качестве примера. В прямом значении она переводится как ‘верхнее течение’, а в переносном – дословно как верхнее общество. Под этим подразумевается предыдущее поколение; старшие члены семьи. Т.е. в китайской языковой картине мира шкала времени движется сверху вниз.

В глагольной функции в словаре Синьхуа 上 *shang* зафиксирован в составе 21 глагольной единицы. Комбинируясь с другими единицами, обозначающими действие, 上 *shang* реализует значение верха, дублируя семантику второй единицы композита, также предполагающей направленность действия вверх, как в примере (10). Этот случай употребления отражает современную тенденцию китайского языка к номинации при помощи композитов:

(10) 登; 上升; 向上 例如: 上升(升天); 上潮(涨潮) [9] *dēng; shàngshēng; xiàngshàng lǐrú: shàngshēng(shēngtiān); shàngcháo(zhǎngcháo)* ‘Восходить, подняться; например, повышаться, расти, набирать высоту; вознестись на небо; рост волны, прилив’.

В примере 11 上 *shang* маркирует не только направление вверх, но и совершенный вид:

(11) 用在动词后, 表示动作的趋向或结果等。例如: 爬上顶峰; 登上飞机 [9] *yòngzài dòngcí zhīhòu, biǎoshì dòngzuò de qūxiàng huò jiéguǒděng. lǐrú: páshàng dǐngfēng; dēngshàng fēijī* ‘Используется после глагола, указывает направление или результат действия; например, подняться на вершину; сесть на самолет’.

В значении, представленном в (12), при помощи 上 *shang* реализуется специфическая картина мира китайского языка, в которой концепт ‘верх’ играет важную роль в социальных отношениях:

(12) 上报; 呈报 例如: 上详(向上级呈报请示); 上言(进呈言辞) [9] *shàngbào; chéngbào lǐrú: shàngxiáng (xiàng shàngjí chéngbào qǐngshì); shàngyán (jìnyán chéngcí)* ‘Докладывать начальству, отчитываться; например, докладывать вышестоящему по званию; рапортовать; выступить с докладом’.

Дословно приведенный пример ‘докладывать начальству’ можно перевести как ‘поднимать вверх доклад’, что отражает пространственную ситуацию, когда подчиненный подает начальнику доклад снизу вверх (рис. 1) (www.baidutupian.com).

Рис. 1. Изображение к примеру (12)

В значении *上 shang*, приведенном в (13), эта единица входит в состав фразеологизма, соответствующего в русском языке выражению *держатъ в голове*:

(13) 记住 例如: 上心 [9] *jìzhù lìrú: shāngxīn* ‘быть прилежным, держать в голове’.

Дословный перевод данного композита – ‘класть на сердце’. *上 shang* маркирует здесь положение относительно поверхности. Однако сам композит является результатом специфической роли сердца в китайской философии. В ней сердце, а не голова, является центром мыслительных процессов.

Перейдем к следующей функции *上 shang* – его способности в сочетаниях с именами предметов образовывать композиты, обозначающие действия. Так, сочетаясь с таким именем, как 草 *cǎo* ‘трава, фураж’, *上 shang* образует глагольную форму 上草 *shàngcǎo* ‘класть фураж’ (дословно ‘верх трава’), а в сочетании с именем 弦 *xián* ‘тетива, струна’ – глагольную форму 上弦 *shàngxián* ‘натягивать тетиву’. Другие подобные примеры: 上灯 *shàngdēng* ‘зажечь фонарь’ (дословно ‘верх, фонарь’), 上官 *shàngguān* ‘занять более высокий пост’ (дословно ‘верх чин’).

В роли прилагательного *上 shang* используется, преимущественно, для определения понятий времени, например, 上世 (远古时代) *shàngshì (yuǎngǔ shídài)* ‘давнее время, глубокая древность’, реализуя языковую картину времени в китайском языке, в котором оно движется сверху вниз. В переносном значении *上 shang* в качестве атрибута разных имен используется для положительной оценки, обозначения высокого качества. Например, 上道 *shàngdào* ‘известный, широкий проспект’, 上首徒弟 *shàngshǒutúdi* ‘лучший ученик, первый ученик’.

Анализ отобранных нами конструкций с *上 shang* из онлайн-словаря Синьхуа на предмет выполнения данной единицей функции той или иной части речи показал, что из 790 выражений 424 *上 shang* входит в состав существительного, в 301 случае в состав глагола, в 65 – в состав имени прилагательного (табл. 4).

上 shang в качестве разных частей речи в выборке из словаря Синьхуа

Имя существительное	Имя прилагательное	Глагол
424	65	301
53,67 %	8,23 %	38,1 %

Следует отметить, что в пространственном значении данная единица использована в 139 конструкциях: в 43 случаях в качестве пространственного маркера при существительном и в 62 случаях – при глаголе и в 34 случаях – при прилагательном.

Таким образом, исследование показало, что семантика *上 shang* не зависит от тона произношения. Основными грамматическими свойствами *上 shang* являются ее способность употребляться как самостоятельно для обозначения направления движения, так и в составе композитов. Важно отметить, что в этом случае *上 shang*, кроме своего лексического значения, способен выполнить роль маркера совершенного вида или придать композиту категориальное значение действия, которое конкретизируется за счет имени предмета/явления. Установлено, что *上 shang* широко используется в переносном значении. Его использование обусловлено спецификой китайской культуры, в которой, по сравнению с европейской культурой, понятие «верх» связывается с другими представлениями о пространстве, времени и социальных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. 冯韬, 郭熙煌. 语言空间结构不对称性现象的认知解释 –以空间介词“上”、“下”为例 = Когнитивное объяснение асимметрии языковой пространственной структуры – взяв за основу пространственные предлоги «верх» и «вниз». – 湖北 : 湖北社会科学, 2013 年, 第 133–134 页.
2. 吴中伟. 当代中文 = Современный китайский язык. – 北京: 华语教学出版社, 2001 年, 第 2–9 页.
3. 拼音声调 Pinyin Shengdiao [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://baike.baidu.com/item/拼音声调/3031925?fr=aladdin>. – Дата доступа : 12.07.2018.
4. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bkrs.info/>. – Дата доступа : 10.07.2018.
5. 千亿词霸 Qianyiciba [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.Qianyix.com/>. – Дата доступа : 12.07.2018.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / НКРЯ – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 10.07.2018.

7. 轻声Qingsheng [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://baike.baidu.com/item/轻声/5667261?fr=aladdin>. – Дата доступа : 12.07.2018.
8. 海词 Haici [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dict.cn/%E7%9B%96%E5%AD%90>. – Дата доступа: 10.10.2018.
9. 上字的解释 — 在线新华字典 Онлайн-словарь Синьхуа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.xh.5156edu.com/html3/1674.html>. – Дата доступа: 10.07.2018.

The article describes the Chinese language unit *上 shang* ‘top’ in terms of phonetics, lexical meanings and grammatical properties. It has been established that *上 shang* is used independently and as a part of composites, realizing both its own lexical meaning and marking the categorical identity of the composite as the name of a process / action or object / phenomenon. The research findings show that this unit is widely used in word formation to create figurative meanings that reflect a specific picture of space in the Chinese language system.

Поступила в редакцию 04.07.2019

Чэнь Тин, Л. М. Лещёва

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЛЬНОГО ПОДХОДА К ОПИСАНИЮ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

В статье представлен обзор подходов к анализу значения слова в современной лексической семантике и способов его презентации. Обосновывается применение интегрального подхода к изучению лексического значения слова на основе достижений структурной, когнитивной и культурологической лингвистики. Также в системе представлен пример использования такого комплексного подхода на конкретном языковом материале.

Современная теоретическая лексическая семантика находится в поиске способов моделирования значения лексических единиц (“Lexical semantics as we see it today is concerned with modelling the meaning of lexical items” [1]). Кроме того, остаются нерешенными и более традиционные ее вопросы – описание значений лексических единиц языка, (прежде всего, слов) с помощью определенного способа семантического представления, а также установление семантических отношений между ними [2, с. 101–102].

Следует признать, что в разные исторические периоды развития лексической семантики предлагались различные решения этих вопросов.

Историко-филологическая парадигма конца XIX начала XX века, представленная в работах М. Бреая, Г. Пауля, А. А. Потевни, М. М. Покровского, Н. В. Крушевского и др., исследовала, главным образом, диахроническое изменение лексического значения слова и его психологическую основу.

В рамках *философско-логического референциального подхода* к лингвистическому значению слова разработанного в 20-х годах прошлого столетия

С. К. Огденом и И. А. Ричардсом на базе теории Г. Фреге, была сделана попытка описать сущность лексического значения слова как соотношенность звуковой оболочки знака с объектами референции через понятие.

Реляционный подход, возникший в рамках *структурной* парадигмы на основе теории Ф. де Соссюра о языке как знаковой системе, предполагает изучение лексического значения слова как внутрисистемного явления, поскольку слово обладает не только значением, соотносящим его с объектом речи, но и значимостью, определяемой его местом в лексической системе языка. Так, русское слово *палец* и английское *finger* обозначают подвижные конечности кисти, и в этом смысле их лексические значения одинаковы, что обеспечивает беспроблемный их перевод. Но эти слова отличаются значимостью – их разным положением в лексическом поле слов, именующих в этих языках подвижные суставы конечности: в русском языке *палец* обозначает подвижные конечности и кисти, и стопы, а в английском языке – только кисти руки; для обозначения суставов на стопе там существует специальное слово – *toe* ‘палец ноги’. Лексическое значение, таким образом, подвержено влиянию внутрисистемной значимости и не может быть изучено без ее учета.

Ярким примером реляционного подхода может служить теория *семантических полей* Й. Трира (1931), базирующаяся на идее Ф. де Соссюра, о том, что слова в системе языка не существуют в изоляции. На основе парадигматических отношений с другими (равноправными) лексическими единицами они образуют лексические поля, покрывающие определенные концептуальные области, при этом лексическое значение каждой единицы в значительной степени определяется ее положением в этом поле.

Дистрибутивный подход к изучению лексического значения предполагает исследование контекстов, в которых употребляется слово (работы Ю. Найды, А. Мартинé, Ю. Д. Апресяна, А. Е. Супруна и др.). Как указывает Х. Вайнрих, «семантика слов в тексте коренным образом отличается от семантики изолированных слов, и семантика слова должна быть дополнена семантикой текста» [3, с. 51].

Современная *антропоцентрическая парадигма* в лингвистике представленная в работах таких исследователей как R. Jackendoff, G. Lakoff, R. Langacker, A. Wierzbicka, D. Geeraerts, М. В. Никитин, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова и мн. др., чрезвычайно разнообразна. Но в отличие от структурной лингвистики во всех ее направлениях в центре внимания находится не только знаковая система языка как автономная сущность, но и вся концептуальная система человека, теснейшим образом связанная и с внешним миром, и с работой сознания и тела человека, и со знаковой языковой системой. В этой связи традиционно проводимое различие между лингвистической и энциклопедической, обыденной и научной информацией, семантикой и прагматикой, конструирующих лексическое значение, в данной парадигме стирается. Однако вопрос о разграничении концептуальной информации и содержания лексического значения все-таки остается нерешенным.

Каждая парадигма и каждое направление имеют свои предпочтения в представлении семантики слова.

Самым *традиционным* способом представления значения слова, насчитывающим тысячелетия, является его *толкование на естественном языке* в словаре. В нём сочетаются лингвистическая информация, получаемая на основе анализа языка, и экстралингвистическая (энциклопедическая) информация о референте на основе опыта. Тип экстралингвистической информации в дефиниции лингвистического словаря скорее наивный, нежели научный (хотя четкую границу между ними провести нельзя), а её объем обычно стремится к минимальному, но достаточному для понимания слова в тексте (хотя это далеко не всегда оказывается возможным).

Сторонники жесткой версии *структурного подхода* к описанию значения слова (У. Гуденаф, Ф. Лаунсбери, Дж. Фодор, Дж. Катц и др.), вслед за философами Р. Декартом и Дж. Локком, стремились к обнаружению и описанию минимального количества специально обозначенных различительных признаков, установленных на основе компонентного метода анализа лексем определенного семантического поля. Такой строгий подход к описанию лексического значения позволяет эксплицитно и экономно представить семантические различия между словами закрытой таксономической группы слов, имеющими общий (интегральный) признак (например, между терминами родства), тем самым, объясняя само существование разных слов в языке в границах поля. Однако и недостатки этого метода весьма серьезные: отсутствие надежного метаязыка описания, сложности с установлением различительных признаков ввиду размытых границ между значениями слов, ограниченность применения метода и т.д. Кроме того, такой метод не дает возможности понять генеративный характер лексической системы, обеспечивающий порождение новых смыслов и новых номинативных единиц.

В этой связи понимание лексического значения слова постепенно расширилось: в его структуре выделялись, по меньшей мере, такие типы лексического значения как *понятийный*, обеспечивающий правильную референцию словесного знака, и сопутствующий ему *коннотативный*, включающий дополнительные признаки (эмотивный заряд и стилистический регистр), маркирующие характер использования слова в речи.

Дж. Лич устанавливает даже 7 типов значения в структуре значения языковой единицы: *концептуальное* (логическое, понятийное, включающее закрытый перечень обязательных признаков), *коннотативное* (содержащее открытый и вариативный перечень дополнительных признаков), *социальное* (учитывающее социальные параметры коммуникации), *аффективное* (несущее эмоциональный заряд говорящего), *рефлексивное* (содержащее различные ассоциации, связанные со словом), *коллокационное* (определяющее сочетаемостный потенциал слова) и *тематическое* (связывающее слово с тема-рематическими отношениями в синтаксической единице) [4, р. 9–23]. Автор рассматривает значение как результат взаимодействия нескольких

планов: понятийного, ассоциативного и коммуникативного. Тем самым, он преодолевает границы, возведенные структурной семантикой, и выходит в область прагматики.

Работа Дж. Лича во многом предвосхитила идеи *лингвокультурологии* к изучению лексического значения слова. Лингвокультурология так же, как и другое важнейшее направление антропоцентрической парадигмы – *когнитивная лингвистика* – исследует концептуальные структуры.

Хотя концепт не обязательно должен иметь имя, в лингвокультурологии рассматриваются только поименованные концепты. Согласно определению Н. Ю. Шведовой, концепт – это «содержательная сторона словесного знака (значение – одно или некий комплекс ближайше связанных значений), за которой стоит понятие (т.е. идея, фиксирующая существенные «умопостигаемые» свойства реалий и явлений, а также отношения между ними), принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, выработанное и закрепленное общественным опытом народа...» [5, с. 603]. В данном определении термины *концепт* и *значение слова* уравниваются. И действительно, лексическое значение слова так же, как и концепт, является содержательной стороной словесного знака, и так же, как концепт, является ментальной сущностью, в которой отражается опыт и история народа. Это дает основание для видения их как совместимых и для возможности использовать термин «лексическое значение» в широком, концептуальном смысле.

Профессор Г. Н. Складская также поддерживает широкое понимание лексического значения, отмечая, что это «бесконечно сложная, избыточная структура, включающая в себя не только понятийное содержание, но и весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений, ассоциаций, смутных, как будто бы априорных представлений и всех “добавочных смыслов”, называемых коннотациями» [6, с. 64].

Следует отметить, что многие исследователи, работающие в этой парадигме, разделяют также мнение когнитологов о том, что «сущность, называемая (лексическим) значением слова, – это не научное, а «наивное» (по Л. В. Щербе – «обывательское») понятие о соответствующей вещи, иногда отягощенное смысловыми и эмоциональными ассоциациями, не соответствующими каким-либо существенным признакам обозначаемого словом предмета или факта...» [7, с. 6–7]. При этом четко выражается идея о неравноправии членов и признаков категории, наличие в ней ядра (прототипа) и периферии (в отличие от структурной теории Й. Трира).

В случае широкого когнитивного подхода к лексическому значению, лексическая семантика значительно расширяет свои границы и переходит из структурно-системного уровня на уровень ментальный. Как отмечает М. В. Никитин, «Семиотическое значение – концепт, связанный знаком. Значение являет концепт» [8, с. 53], а изучая концепт, он выделяет в нем когнитивный компонент, «прописывающий» концепт в координатах системы совокупного объективированного знания, и прагматический, определяющий

его в координатах системы полезностных оценок [8, с. 54]. Содержательный, когнитивный компонент включает обязательные признаки сущностей данного класса, составляющие ядро концепта – его интенционал, а «периферийное информационное поле концепта образуется его импликационалом – совокупностью признаков, с разной мерой вероятности имплицитивно связываемых с его интенциональным ядром» [Там же].

Однако, независимо от того, пытаются ли лингвисты с помощью анализа языка изучить свойства реального объекта мира или структуру и содержание ментального объекта – концепта, они все равно остаются в рамках языка. Как замечает Дж. Лич, такие равенства как *цент = сотая часть доллара* или *соль = NaCl* – это лишь предполагаемые равенства между языковыми выражениями, а не между языковым знаком и тем, что находится вне его [4, р. 4]. В этой связи лингвистам представляется более рациональным оставаться в границах более привычного для них объекта исследования – языка, нежели, например, концепта, а также работать с привычным мета-языком его описания. Вместе с тем, современные разработки в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике могут быть полезны при комплексном анализе лексического значения слова, понимаемого не в узком структурном, а широком когнитивном смысле, поэтому представляется необходимым остановиться на них несколько подробнее.

В работах лингвокультурологов А. Вежбицкой, С. Г. Воркачѳва, Ю. С. Степанова, В. И. Карасика, И. А. Стернина, В. В. Колесова, Е. В. Рахилиной и других основное внимание уделяется установлению и описанию этноспецифической культурологической информации, хранящейся, по их мнению, в *лингвокультурных концептах* и определяющей, наряду с особенностями устройства языка, специфику мировосприятия и поведения (в том числе речевого) членов языкового коллектива.

Лингвокультурный концепт – это многомерное ментальное образование, поименованное языковым знаком, с хранящейся в нем информацией о значимом для языкового коллектива фрагменте опыта. С ним связаны важные эмоциональные и социокультурные характеристики, которые члены языкового коллектива осознают и разделяют. Характеристики лингвокультурологического концепта могут быть сведены к трем основным группам, отражающим его *понятийную, образную и ценностную* стороны [9, с. 8; 10, с. 5] и имеющим «свой «представительства» в лексической системе языка» [9, с. 50].

Понятийная составляющая лингвокультурного концепта представляет собой, по мнению В. И. Карасика «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания» [11, с. 39]. Она достаточно полно представлена в дефиниции именуемого его слова в толковом словаре (например, *сосна* – ‘вечнозеленое хвойное дерево, обычно с прямым высоким стволом, длинной хвоей и небольшими шишками. Существует около 100 видов сосны: ~ *кедровая сибирская*, ~ *маньчжурская*, ~ *лапландская*, ~ *крымская*, ~ *итальянская (пиния)* и др.’), хотя и не ограничивается ею.

Кроме дефиниции, понятийная составляющая лингвокультурного концепта (особенно её периферийная часть) проявляется в разнообразных связях именуемой этот концепт единицы с другими словами: парадигматических (*сосна* – ель, туя, лиственница и др.), ассоциативных (*сосна* – лес, бор, ёлка, шишка, иголки, запах, смола, лагерь и др.), синтагматических (*сосна* – высокая, зеленая, стройная, растет, колыхается, рубить, падать и др.), деривационных, в том числе, фразеологических (*сосна* – сосновый, сосенка, сосняк; где сосна выросла, там и красна).

Образный компонент лингвокультурологического концепта отражает, во-первых, *перцептивные* признаки, которые могут быть представлены описательно в дефиниции слова вместе с понятийными признаками, устанавливаемыми рационально. Так, дефиниция существительного *караган*, (словарь Даля) сочетает понятийные признаки и перцептивные признаки цвета и размера: ‘особый вид степной лисы, в южной Киргизской степи; она гораздо меньше и серее нашей; *Canis melanotus*. || В торговле: немецкая, заграничная лиса, которая не так рыжа, как северная и русская’.

Во-вторых, в случае номинации концепта мотивированным словом, перцептивный признак может отражаться в имени с помощью заложенного в нем мотивирующего признака (*черника*, *голубика*, *длиннохвостая синица*).

В-третьих, образный компонент концепта может реализовываться в концептуальных метафорах: *облака – белогривые лошадки*.

Особое внимание в лингвокультурологии придается **ценностной** составляющей лингвокультурного концепта, поскольку определение ценности объекта является важнейшей характеристикой культуры в целом. Как указывает Г. Г. Слышкин, ценностный компонент предполагает два важнейших аспекта: актуальность и оценочность.

Актуальность лингвокультурного концепта, по мнению Г. Г. Слышкина, «реализуется в численности языковых единиц, являющихся средствами апелляции к данному концепту, в частотности их употребления в реальной коммуникации, в числе отношений типа «стимул → реакция» и «реакция → стимул», в которые эти единицы вовлечены в ассоциативно-вербальной сети. Наличие аспекта актуальности проверяется методами количественного подсчета» [12, с. 10].

Аспект *оценочности*, с точки зрения данного автора, проявляется в денотативном содержании лексической единицы, а также в оценочных эпитетах с этим словом и оценочных коннотациях. «Наличие оценочного аспекта проверяется методами компонентного и контекстуального анализа» [Там же].

Помимо понятийной, образной и ценностной составляющей, С. Г. Воркачёв и некоторые другие исследователи выделяют также **языковую значимость** составляющую лингвокультурного концепта, определяемую, вслед за Ф. де Соссюром, положением именуемой этот концепт языковой единицы в системе языка [13, с. 124]. По-видимому, она должна включать межсловные синонимические, антонимические, деривационные и внутрисловные эпидигматические связи, а также этимологическую характеристику номинативной единицы, её внутреннюю форму.

Несмотря на то, что лингвокультурология основное внимание уделяет описанию социально значимому лингвокультурологическому концепту, методика и приемы его изучения могут применяться и в лексической семантике для комплексного анализа значения слова, интегрирующего разные аспекты значения слова и разные методики его исследования.

Рассмотрим один из возможных комплексных подходов к изучению лексического значения с применением положений теории лингвокультурологии и когнитивной лингвистики на примере английского существительного *stone* 'камень'. Оно обозначает повсеместно встречаемый объект природы, значимый в ежедневной жизни человека и потому понятный для всех людей. В значении данного слова могут найти отражение структурные особенности английского языка, а также культурные традиции говорящих на нем народов, что особо значимо для сопоставительной лексикологии и лингвокультурологии.

В качестве основы **денотативного** (понятийного) **значения** (или интенционала) главного значения английского полисемантического существительного *stone* 'камень' может быть принято его толкование в словаре: '*a hard solid substance found in the ground and often used for building houses*' [14] 'твердое плотное вещество, находящееся в земле и часто используемое для строительства домов'. В качестве архисемы (родового признака) здесь выступает существительное *substance* 'вещество', а остальные компоненты дефиниции отражают смысловозначительные признаки.

Зона вторичных семантических признаков денотативного значения, или его *периферийная часть* (импликационал), обычно в дефиниции скрыта, но она проявляется в многочисленных ассоциативных, парадигматических, синтагматических, деривационных и фразеологических связях слова. Анализ парадигматических и синтагматических связей является для лексической семантики традиционным, поэтому здесь более подробно будут рассмотрены другие связи этого слова, важные для экспликации его понятийных признаков.

Как известно, **ассоциативные связи** слова, влияющие на ход мысли и поток речи человека, являются подвижными, ситуативно обусловленными. Вместе с тем, их ядро для целого языкового коллектива оказывается достаточно устойчивым, что обеспечивает возможность изучения типичных вербальных ассоциаций в коллективном языковом сознании, а в нашем случае – для изучения периферийных понятийных признаков лексического значения. На основе словаря *Word Associations Network* (2019) [15], систематизирующего с помощью специального модуля все имеющиеся в Интернете данные о вербальных ассоциациях в английском языке, были получены следующие данные о вербальных реакциях на существительное *stone* 'камень'.

Так, анализ наиболее частотных реакций-существительных на слово *stone* 'камень', показывает, что этот объект в англоязычном коллективе 1) служит источником различных артефактов, в том числе, архитектурных

и скульптурных мемориальных сооружений: *pillar* ‘столб’, *cairn* ‘пирамида из камней’, *slab* ‘плита’, *edifice* ‘большое здание’, *fireplace* ‘камин’, *wall* ‘стена’, *masonry* ‘каменная кладка’, *pavement* ‘тротуар’, *obelisk* ‘обелиск’ и др.; 2) имеет разные значимые для общества виды: *pebble* ‘галька’, *boulder* ‘валун’, *rubble* ‘бутовый камень’, *gravel* ‘гравий’, *quartz* ‘кварц’, *granite* ‘гранит’, *marble* ‘мрамор’, *basalt* ‘базальт’, *limestone* ‘известняк’ и др.; 3) действия с ним ведут к таким результатам, как: *carving* ‘резьба’, *throwing* ‘метание’, *inscription* ‘надпись’, *grinding* ‘шлифование’ и др.; 4) служит источником имен собственных: названий местности: *Stafford*, *Stanton*, *Stanley*, *Stansfield*, *Langston* и др.; фамилий и кличек людей: *Irving Stone* ‘Ирвинг Стоун’, американский писатель; *Sharon Vonne Stone* ‘Шэрон Вонн Стоун’, американская актриса и др.; 4) компонентами его фрейма являются: *rune* ‘руна’, *kidney* ‘почка’, *quarry* ‘карьер’, *altar* ‘алтарь’, *lime* ‘известь’, *bladder* ‘мочевой пузырь’, *urine* ‘моча’, *hearth* ‘очаг’, *adultery* ‘прелюбодеяние’, *churchyard* ‘погост’, *cement* ‘цемент’, *figurine* ‘статуэтка’, *crucifixion* ‘распятие на кресте’ и др.

Наиболее частотные реакции-прилагательные на слово *stone* именуют форму/структуру/текстуру камня, его функциональную, локативную и ценностную характеристику, историческую эпоху: *neolithic* ‘неолитический’, *urinary* ‘мочевой’, *precious* ‘драгоценный’, *polished* ‘полированный’, *weathered* ‘выветрившийся’, *rolling* ‘катящийся’, *ornamented* ‘украшенный’, *arched* ‘арочный’, *vaulted* ‘сводчатый’, *rectangular* ‘прямоугольный’ и др.

Типичные глагольные реакции носителей английского языка на слово *stone* ‘камень’ называют действия, выполняемые с камнем или вызванные им, а также различные ассоциативные действия: *carve* ‘вырезать’, *inscribe* ‘вписывать’, *engrave* ‘гравировать’, *throw* ‘бросать’, *hurl* ‘швырять’, *jut* ‘выдаваться’, *erect* ‘воздвигать’, *tumble* ‘падать’ и др.

Периферийные денотативные признаки значения этого существительного проявляются также в мотивирующих признаках **сложных и производных слов**. Согласно данным электронного словаря *The Free Dictionary* [16] в английском языке насчитывается 584 сложных и производных слова, содержащих деривационную базу *stone*, которые указывают, например, на такие функциональные признаки камня, как служение в качестве основания чего-либо: *cornerstone* ‘краеугольный камень’; абразивного материала при мытье жесткой ткани и пряжи: *stonewashed* ‘варенки’; способность обладать особой силой: *thunderstone* ‘чертов палец’, быть тленными: *rottenstone* ‘трепел’ и др.

Периферийные содержательные признаки основного значения слова *stone* ‘камень’ ‘твердая минеральная порода’ проявляются и в **производных** (эпидигматических) **значениях** этого слова, причем они оказываются похожими по своим типам на ассоциативные реакции, полученные на это слово: *stone* – это 1) ‘строительный материал из камня’; 2) ‘объекты, построенные или сделанные из камня’; 3) ‘разновидности камня, в том числе, драгоценные’; 4) ‘объекты похожие на камень по его перцептивным и функциональным характеристикам’; 5) ‘мера веса’ [17, p. 2135].

Периферийные понятийные семантические признаки английского слова *stone* ‘камень’, сопряженные с оценочными, реализуются и в **пословицах**. В них зафиксированы, например, знания о том, что: ‘камни – нежеланная, но неизбежная часть сельхозугодий’: *You buy land, you buy stones*. ‘Если ты покупаешь землю, покупаешь и камни’; ‘камни – непригодная субстанция для приго-товления еды’: *Boil stones in butter, and you may sip the broth*. ‘Свари камни в масле и можешь пить бульон’; ‘камни – твердые объекты, могут быть опасными’: *If you shoot your arrows at stones, you will damage them*. ‘В камень стрелять – только стрелы терять’; ‘камни устойчивы ко времени’: *Stones will remain forever while water passes*. ‘Камни остаются, а вода утекает’ и др.

Образная составляющая лексического значения исследуемого слова, включает в первую очередь, перечень *перцептивных* признаков, которые в словарных дефинициях главного значения слова *stone* представлены достаточно ограниченно: *hard* ‘твердый’, *solid* ‘плотный’, *of indeterminate size or shape* ‘неопределенного размера или формы’. Однако их перечень представлен гораздо интенсивнее в сложных словах и в словосочетаниях: камни могут быть разного цвета: *brownstone* ‘коричневый камень’, *bluestone* ‘синий камень’, *yellow/green/red/grey stone* ‘желтый/зеленый/красный/серый камень’; формы и веса: *flat/oval/rectangular/round/sharp stone* ‘плоский/овальный/прямоугольный/круглый/острый камень’, *heavy stone* ‘тяжелый камень’; тактильных характеристик: *rough/smooth/dry/wet/ weathered/carved/ polished stone* ‘неровный/гладкий/сухой/мокрый/выветрившийся/резной/полированный камень’; степени подвижности/фиксированности в структуре: *loose/firm stone* ‘рыхлый/плотный камень’; а также звуковых: *singing/ ringing stone* ‘поющий/звонкий камень’, одорических: *stinky stone* ‘вонючий камень’, *rotten stone* ‘трепел’ и даже вкусовых характеристик: *minerals may taste bitter/salty/sweet* ‘минералы могут быть по вкусу горькими/солеными/сладкими’.

Камень – природный объект, который давно и хорошо знаком человеку. В этой связи его название является источником когнитивной метафоры, переносящей имя на другой концепт, а не ее целью: *He has a heart of stone* ‘У него сердце – камень’.

Оценочный компонент лексического значения существительного *stone* также весьма нагружен. При этом *эмоционально-экспрессивный компонент* значения в целом нейтрален, а оценочность может появляться в контексте: как строительный материал камень является прочным и надежным, что хорошо, но как орудие самосуда и убийства камень оценивается отрицательно. Другой аспект оценочного компонента лексического значения – его *актуальность*, которая у слова *stone* ‘камень’ очень высока и определяется частотностью его употребления (*stone* занимает 339 место в списке 600 существительных из списка Огдена 850 самых необходимых английских слов [18]); вовлеченностью в ассоциативно-вербальные сети (количество ассоциаций, полученных на это слово [15], составляет 1282 слова: 947 существительных, 280 прилагательных и 55 глаголов); а также количеством производных от него лексем, о чем говорилось выше, и активным

использованием существительного *stone* ‘камень’ в названиях культурных артефактов, в том числе, стихов, песен, книг и т.д.: *The Rolling Stones* досл. ‘Катящиеся камни, или Вольные бродяги’ – известная британская рок-группа; *Stone Cold* ‘Холодная как камень’ – поп-сентиментальная баллада Деми и Лали; *Heart of Stone* ‘Каменное сердце’ – студийный альбом американской певицы Шер; *Stone Cold Crazy* ‘Совершенно безумный’ – песня британской рок-группы Queen и др.

В заключении следует отметить, что интегральный подход к пониманию лексического значения, принимающий во внимание разные его аспекты – семиотический, структурно-функциональный, когнитивный, культурологический – дает больше возможностей к постижению и описанию содержательной стороны слова. Кроме того, подобная комплексная процедура исследования лексического значения слова представляется значимой для сопоставительных исследований.

Важно при этом, однако, не впасть в другую крайность, противоположную минимализму структурной лексической семантики, и не пытаться перечислить все возможные признаки референта, все его оценки и все возможные контексты использования языкового знака, который именуется этот референт, в речи. Необходимо разработать некий алгоритм комплексного исследования лексического значения и установить прототипические характеристики его важнейших параметров, что, однако, является предметом дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Models of lexical meaning [Электронный ресурс] / P. Acquaviva [et al.] // Word knowledge and word usage: a cross-disciplinary guide to the mental lexicon. – Berlin : de Gruyter Mouton, 2017. – Режим доступа : <http://lup.lub.lu.se/record/b66a9d55-f9cb-4fd3-8bd9-8119adf7c8d4>. – Дата доступа : 17.12.2016.
2. Кронгауз, М. А. Семантика : учебник для студ. лингв. ф-тов высш. учеб. заведений / М. А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2005. – 352 с.
3. Вайнрих, Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / сост.: В. М. Сергеева и П. Б. Паршина ; общ. ред.: В. В. Петрова. – М., 1987. – С. 48–55.
4. Leech, G. N. Semantics: the study of Meaning / G. N. Leech. – Harmondsworth : Penguin Books, 1981. – 383 p.
5. Шведова, Н. Ю. Русский язык : Избранные работы / Н. Ю. Шведова. – М. : Яз. слав. культуры, 2005. – 638 с.
6. Складьяревская, Г. Н. Прагматика и лексикография / Г. Н. Складьяревская // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. : сб. ст. / Ин-т рус. яз.; ред. : Ю. С. Степанов, Е. А. Земская, А. М. Молдован. – М., 1995. – С. 63–71.
7. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд. – М. : Яз. русской культуры, 1995. – Т. 1. – VIII, 472 с.

8. *Никитин, М. В.* Развернутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53–64.
9. *Карасик, В. И.* Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
10. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
11. *Карасик, В. И.* Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 1999. – 195 с.
12. *Слышкин, Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты : автореф. дис. д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г. Г. Слышкин ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2004. – 39 с.
13. *Воркачёв, С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачёв. – М. : Гнозис, 2004. – 236 с.
14. Collins Online English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/stone_1. – Дата доступа : 06.07.2019.
15. Word Associations Network [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://wordassociations.net/en/words-associated-with/stone>. – Дата доступа : 13.07.2019.
16. The Free Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.thefreedictionary.com/words-containing-stone>. – Дата доступа : 20.07.2019.
17. *Onions, C. T.* The Shorter Oxford English dictionary on Historical Principles / C. T. Onions. – 3th ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1973. – 2672 p.
18. Learn 600 of the Most Important English Nouns [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.thoughtco.com/learn-the-most-important-english-nouns-4087688>. – Дата доступа : 03.07.2019.

The article presents a review of approaches to the lexical meaning of the word and methods of its presentation in lexical semantics. The use of an integrated approach to the study of the lexical meaning based on the achievements of structural, cognitive and culturological linguistics is substantiated. The article also presents an example of application of such an integrated approach to the lexical meaning analysis and discusses its results.

Поступила в редакцию 31.07.2019

О. А. Шуманская

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА БЕЛОРУССКИХ ИТ-КОМПАНИЙ

Корпоративная культура является одним из основных факторов, определяющих успех организации. Для многих белорусских компаний корпоративная культура – новое явление, находящееся в процессе формирования. Этим объясняется актуальность ее исследования. Одним из лингвистических методов исследования корпоративной культуры

является контент-анализ корпоративного медиадискурса, в котором отражаются корпоративные ценности, убеждения и установки. Данная статья посвящена результатам контент-анализа англоязычного медиадискурса белорусских ИТ-компаний на материале текстов, размещенных на их официальных сайтах.

На протяжении нескольких десятилетий в белорусском обществе наблюдаются важные изменения, которые приводят к появлению новых форм социальной практики. Корпоративная коммуникация является одной из данных форм.

Слово *корпорация* происходит от латинского «corporatio», обозначающего *объединение, общество, союз*. В настоящее время этот термин встречается в разных интерпретациях. Общими в определениях являются характеристики: 1) объединение лиц и капиталов для коммерческих целей; 2) их правовой статус; 3) наличие единой стратегии, методов управления и корпоративной культуры. Исследователи отмечают значимость этого явления. По мнению Н. В. Грицай, корпорации являются «основой эволюции индустриального и постиндустриального общества» [1]. Лингвист М. Г. Шилина определяет корпорации как «доминирующие социальные институты» [2, л. 25]. Дискуртологи Н. Фэркло и Р. Водак связывают «общую тенденцию маркетизации дискурсов с влиянием дискурса корпораций» [3].

Несмотря на то, что корпорации и корпоративная коммуникация – новые явления для постсоветского пространства, они продуктивно исследуются. Результатом является возникновение организационной и бизнес-лингвистики.

Е. В. Харченко и Л. А. Шкатова определяют объект организационной лингвистики как «языковую среду организации, поскольку наличие общеупотребительного языка и концептуальных понятий группы является необходимым условием для достижения консенсуса и для обеспечения надлежащей внутригрупповой коммуникации» [4]. В качестве предмета изучения они выделяют: «дискурс организации, отражающий ее культуру, процесс взаимодействия и взаимовлияния сотрудников, результатом которого является совместный труд и его осмысление, а также изменение самих участников процесса» [Там же].

Ю. В. Данюшина считает необходимым признание нового направления изучения языка – *бизнес-лингвистики*. По мнению автора, оно «призвано изучать функционирование языка и использование языковых ресурсов в бизнес-деятельности, исследовать языковые составляющие делового общения» [5]. В фокусе изучения этой новой науки исследователь видит языковые особенности организационной, корпоративной и управленческой коммуникации, профессиональные подязыки бизнес-сферы, медиадискурс, дискурс ПР, маркетинга и рекламы, специальные языковые техники продаж и телемаркетинга [Там же].

В русскоязычной научной среде сложилась традиция различать понятия *организационный дискурс* и *корпоративный дискурс*.

По мнению Е. В. Харченко и Л. А. Шкатовой, «организационный дискурс включает профессиональную речь, переговорный диалог, корпоративный текст как инструменты влияния, которые обладают направленностью на реализацию определенного результата. Они рассчитаны на потенциального внутреннего и внешнего клиента, прагматичны по своей функции и могут быть полностью разложены на свои составляющие» [4].

Корпоративный дискурс, в отличие от делового и бизнес-дискурса, не всегда носит институциональный характер. Как отмечает И. П. Ромашова, корпоративный дискурс охватывает «не только официальные, но и неформальные корпоративные коммуникации: многожанровый корпоративный фольклор, сетевые неофициальные коммуникации сотрудников, их общение в Интернете...» [3].

Мы разделяем точку зрения И. П. Ромашовой и определяем корпоративный дискурс как «разновидность институциональной коммуникации сообщества (организации)..., формирующей ощущение сопричастности группе и потребность осуществлять эту совместную деятельность, а также позиционирование группы в сознании внешних и внутренних целевых аудиторий» [3].

Согласно этому определению одной из основных функций корпоративной коммуникации является трансляция и поддержание корпоративной культуры. Корпоративная коммуникация происходит с учетом существующих в организации правил, ритуалов, табу и норм поведения, являющихся элементами корпоративной культуры. В коммуникации отражаются официальные, осознаваемые ценности, установки и те убеждения, которые неосознанно принимаются и используются коллективом, способствуют его внутренней интеграции и успешной адаптации к внешней среде.

Изучение корпоративной вербальной коммуникации в белорусских коммерческих организациях представляется важным для выявления специфических особенностей функционирования языка, отражающих корпоративную культуру и способствующих успешной коммерческой деятельности. При всей очевидной актуальности исследования в настоящее время данный вопрос является мало изученным белорусскими лингвистами.

Одним из методов исследования корпоративного дискурса является контент-анализ. Этот метод представляет собой изучение содержания текстов для выделения наиболее значимых явлений и объектов для определенной лингвокультурной общности.

В данном случае объектом исследования выступают англоязычные тексты в разделах «Главная страница» и «О компании» с официальных сайтов белорусских ИТ-организаций.

Сфера ИТ является одной из самых перспективных и интенсивно развивающихся на территории Беларуси. В настоящее время в Парке высоких технологий насчитывается 504 резидента, занимающихся разработкой программных продуктов для клиентов из более чем 67 стран мира [6]. Особенность корпоративной коммуникации ИТ-организаций заключается

в том, что основная деятельность компаний этой сферы протекает в онлайн-среде: поиск и коммуникация с клиентами, создание и размещение продуктов. Поэтому официальный сайт компании выступает основным каналом коммуникации, отвечающим за формирование бренда, продвижение собственных услуг и обеспечение эффективной коммуникации с целевыми аудиториями.

Официальный сайт ИТ-компании (независимо от его типа: визитки, представительства и др.) является установившимся форматом корпоративной коммуникации, отвечающим определенным требованиям: информация размещается согласно принципу «от наиболее к менее важной», содержит факты о компании, об истории ее создания и развития, направлениях деятельности и заказчиках. Наиболее существенная информация обычно размещается на главной странице сайта и в разделе «О компании», предназначенных для более детального знакомства потенциальных клиентов или работников с ИТ-организацией.

Так как экспорт ИТ-услуг является основным направлением деятельности белорусских организаций этой сферы, нами были проанализированы англоязычные тексты из разделов «Главное» и «О компании», рассчитанные на иностранное деловое сообщество, с официальных сайтов 70 белорусских ИТ-организаций. Это количество составляет 14 % от общего числа резидентов белорусского Парка высоких технологий.

В результате анализа лексико-семантического наполнения текстов и подсчета наиболее часто встречающихся в них лексем было выявлено 7 ключевых тем, составляющих основную часть содержания данных текстов: «Партнерство», «Успех и превосходство», «Качество», «Изменение и улучшение», «Экспертность и профессионализм», «Локализация компании», «Отношение к работе».

Тема «П а р т н е р с т в о» включает лексемы, связанные общим компонентом со значениями *партнерство, сотрудничество*, а также ассоциативно – с партнерскими, равноправными и открытыми отношениями: *cooperation, coordination, interaction, community, partners, partnership, relationship, family, join, open, openness, transparent, transparency, feedback, participate, share, assist, help, assistance, gather, together, discuss, talk, exchange*, в сочетании с существительным *knowledge*. Эти лексемы используются для описания отношений компании с клиентами (они в подавляющем большинстве случаев называются партнерами (*partners*), для описания взаимодействия между сотрудниками внутри компании или представителями профессионального ИТ-сообщества: *reliable outsourcing partner, a trusted technology partner to our clients, all cooperation terms are held professionally..., ...we take active steps towards helping the data science community grow, daily interaction with business partners, contribute*.

Тема «Успех и превосходство» объединяет лексемы с компонентами значения *успех и/или превосходство*: *success, succeed, successful, leading, leader, global, international, trusted, reliable, reputation, recognized,*

recognition, respected, world-class, worldwide, giant, largest, biggest, fastest, renowned, award-winning, large-scale, reliable, trust, well-established. Данная лексика используется для описания достижений самой компании, а также ее клиентов и партнеров: *work with largest corporations, large-scale projects, the leading provider, our result-oriented approach pays off since the world's famous brands have trust in us, ...has a proven track record of reliability and high performance, one of only four companies to appear on Forbes 25 Fastest Growing Public Tech Companies list every year of publication since 2013.*

Тема «К а ч е с т в о» посвящена описанию качества продуктов и услуг, оказываемых компанией. Для этого используются лексемы: *quality, high-quality, high-grade, top-grade, reliable* в сочетании с лексемой *product, excellence, best-in-class, top-quality, top-notch* в сочетании с *products, services*. Они встречаются в шаблонных словосочетаниях: *excellence in software engineering, the quality of our work, top-grade software systems, best-in-class services, top-notch software development, top-quality comprehensive services.*

Тема «И з м е н е н и е и у л у ч ш е н и е» раскрывается при помощи лексем, содержащих в семантической структуре компоненты значения *движение, изменение, улучшение, скорость*. В текстах употребляются лексемы: *innovation, innovative, growth, progress, pace, fast, quick, next-generation, increase, improve, transform, forward, slow, implement, optimize, update, cutting-edge, flexible, agile, transform, transformation, future, future-proof, visionary*. Данная тема в первую очередь затрагивает особенности функционирования всей ИТ-сферы, заключающейся в постоянной разработке новых и совершенствовании существующих технологий, программ, методов и моделей работы. Она также включает описание работы фирм-заказчиков ИТ-услуг и возможных вариантов оптимизации их деятельности. Лексемы встречаются в шаблонных словосочетаниях: *improve engagement, transform processes, cutting-edge technologies, software solutions that help your businesses to grow, transformation projects, effective implementation, innovative technologies, innovative artificial intelligence, innovative solutions, evolutionary ability*. Заслуживающим внимания является факт использования лексем *innovation, innovative, innovate*. Они составляют 14 % от всего количества лексем, включенных в тему и используемых для описания компаний, их продуктов, инструментов и технологий работы, партнеров: *innovate-and-do-it-efficiently, an innovative and user-friendly web application, an innovative and well-designed app, propel innovation adoption, we help innovative tech startups, our innovation-first mindset cements us as one of the leading-edge custom software teams.*

Тема «Э к с п е р т н о с т ь и п р о ф е с с и о н а л и з м» включает лексемы: *expert, expertise, experience, highly-experienced, qualification, knowledge, certified, trained, certificate, tech-savvy, certified, professional, proficient, talent*. Данные лексемы используются для описания профессионального уровня сотрудников компании: *our team solves the technical tasks professionally, a team of talented specialists committed to the common goal.*

Тема «Локализация компании» содержит лексемы, указывающие на страну, в которой компания была создана и зарегистрирована. В текстах белорусских ИТ-компаний часто встречаются лексемы *Belarus, Belarusian, Minsk, Eastern Europe, nearshore:...doing business as a Salesforce offshore development centre in Belarus,... a private research and development firm headquartered in Minsk, Belarus*”,... *a software development company based in Minsk, Belarus, Eastern Europe*. Используя словосочетание *Eastern Europe*, белорусские компании стремятся акцентировать собственную принадлежность к европейскому рынку ИТ-услуг, удобное расположение в общем или близком часовом поясе с европейскими компаниями-заказчиками, а также европейский менталитет и стиль ведения бизнеса. При описании преимуществ работы с компанией из Беларуси часто используется термин *nearshore* для обозначения трансфера бизнес-операций в соседнюю или расположенную по близости страну: *Why choose Belarus as a nearshore development location?*. Используя этот термин, белорусские компании стремятся отстроиться от азиатского рынка ИТ-услуг, который обозначает свою деятельность как *IT offshore outsourcing*.

«Отношение к работе» раскрывается в использовании лексем *passion, fun, happy, passionate, excited, worried, satisfied, satisfaction* при описании того, как сотрудники ИТ-компаний относятся к своей работе: *the unique blend of passion and skills at the company's DNA enables to deliver unrivaled products to the end users*.

Лексемы, включенные в каждую из тем, встречаются в англоязычных текстах компаний с разной степенью частоты. На основании частотности их употребления были выделены наиболее популярные и значимые темы (таблица).

Результаты контент-анализа англоязычных текстов,
размещенных на официальных сайтах белорусских ИТ-компаний

Рейтинг тем по значимости		Кол-во лексем
1	«Изменение и улучшение»	564
2	«Экспертность и профессионализм»	507
3	«Партнерство»	357
4	«Успех и превосходство»	265
5	«Качество»	130
6	«Локализация компании»	120
7	«Отношение к работе»	87

Наибольшую важность для белорусских ИТ-компаний в коммуникации с иностранными партнерами представляет демонстрация собственного развития и прогресса, а также ориентация на развитие и улучшение деятельности компаний-заказчиков ИТ-услуг. Это проявляется в наиболее частом использовании лексем, относящихся к теме «Изменение и улучшение». Наименее важным белорусские компании считают демонстрацию эмоций. Это выражается в наименьшем количестве употребленных лексем, относящихся к этой теме.

Основываясь на результатах контент-анализа, приведенных в таблице, можно составить общее представление о наиболее значимых темах, раскрывающихся в англоязычных текстах белорусских ИТ-компаний. При этом остается открытым вопрос о том, насколько освещение данных тем является универсальным для данной сферы услуг или его, скорее, можно отнести к культуроспецифичным, раскрывающим особенности развития и функционирования белорусской ИТ-сферы. На данном этапе также остается открытым вопрос о содержании русскоязычных текстов белорусских ИТ-компаний, рассчитанных на другую целевую аудиторию (а именно потенциальных или действительных сотрудников компании).

Решение данных задач представляется необходимым для формирования представления об отправителе данных коммуникативных сообщений: белорусских ИТ-компаниях, специфике их корпоративной культуры, представлениях о ценностях и потребностях разных целевых аудиторий, а также о наиболее эффективных способах коммуникации с разными адресатами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грицай, Н. В.* Понятие и сущность корпорации / Н. В. Грицай // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-korporatsii>. — Дата доступа : 25.05.2019.
2. *Шилина, М. Г.* Корпоративные интернет-ресурсы в системе общественных связей: структура, содержание, особенности : дис. ... канд. филол. наук / М. Г. Шилина. — Владивосток, 2007. — 277 л.
3. *Ромашова, И. П.* К определению термина «корпоративный дискурс» в современной лингвистике / И. П. Ромашова // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/k-opredeleniyu-termina-korporativnyu-diskurs-v-sovremennoy-lingvistike>. — Дата доступа : 28.05.2019.
4. *Харченко, Е. В.* «Организационная лингвистика»: миф или реальность? / Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/organizatsionnaya-lingvistika-mif-ili-realnost>. — Дата доступа : 28.05.2019.
5. *Данюшина, Ю. В.* Бизнес-лингвистика — новое синергетическое направление прикладной лингвистики / Ю. В. Данюшина // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-lingvistika-novoe-sinergeticheskoe-napravlenie-prikladnoy-lingvistiki>. — Дата доступа : 28.05.2019.
6. НТР Belarus. Компании ПБТ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://park.by/it/enterprises/>. — Дата доступа : 28.05.2019.

The article deals with content analysis of the media texts published on the official sites of Belarusian IT companies. The results of lexico-semantic analysis of these texts are presented.

Поступила в редакцию 02.07.2019

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**С. Е. Борзенец****НАРОДНАЯ ТОПОНИМИКА США: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА,
ПРАГМАТИКА**

Настоящая работа посвящена исследованию народных (просторечных) топонимических прозвищ, имеющих хождение на территории США. В ней рассмотрены различные способы образования топонимических прозвищ, а именно, различные типы сокращений, перифраза, рифмовка, искажение; определены семантические отношения, которые выстраиваются в аспекте «прозвище – исходный топоним», «прозвище – окружающая реальность», «прозвище – прозвище»; выявлены прагматические задачи, реализующиеся с помощью топонимических прозвищ в американской лингвокультуре.

Субстандартная лексика является неотъемлемой частью лексической системы любого национального языка как сложного многоаспектного образования. Ее изучение, как справедливо указывает Ю. М. Скребнев, позволяет расширить знания о периферии языка, а также о диапазоне возможного в языке [1, с. 10]. Принимая в качестве стандарта национальный литературный язык, исследователи относят к области субстандартных подсистем языка жаргон, арго, сленг, просторечие. В то время как арго и жаргон используются обособленными социальными или профессиональными группами [2, с. 43, 151], просторечная лексика, применяясь в некодифицируемой сфере общенациональной речевой коммуникации, включает ненормативные, но общеизвестные единицы [2, с. 402]. Сленг, возникая в отдельных социальных группах, иногда очень широких (молодежь), часто становится общеупотребительным [Там же, с. 461], его отграничение от просторечия представляет собой особую лексикологическую и лексикографическую проблему. Словарный состав этих подсистем в целом и просторечия в частности включает единицы, метко характеризуемые В. В. Химиком как «блестящие по звуковой или словообразовательной форме, богатые по семантическому наполнению и остроумию, по яркой образности» [3, с. 6], и поэтому представляют несомненный интерес для исследователя.

Народные прозвища географических объектов встречаются во многих лингвокультурах, но именно в США они носят массовый характер. Топонимические прозвища используются в живой обыденной речи, относясь, таким образом, к просторечию, в отдельных случаях гранича со сленгом. Целью настоящей работы явилось исследование формальной структуры, семантики и прагматики просторечной топонимики США. Материал извлекался из информационных сообщений о городах и штатах США, размещенных в Интернете. Всего проанализировано около 150 единиц.

Формальная структура народных топонимических прозвищ США.

В результате предпринятого анализа установлено, что наиболее частотным вариантом топонимического прозвища в США является **сокращение** полного наименования географического объекта. Эти сокращения являются результатом ряда формальных операций, среди которых следующие.

1. Усечение:

а) усечение начала топонима: *The Burg* (*Warrensburg*), а также *Williamsburg* и *Pittsburg* – здесь и далее в скобках даются исходные топонимы), *The Gee* (*Muscogee*), *Tosa* (*Wauwatosa*);

б) усечение конца топонима: *The Cleve* (*Cleveland*), *Cincy* (орфографический вариант *Cinci* (*Cincinnati*), *San Fran* (*San Francisco*), *Jax* (*Jacksonville*), *Jeff* (*Jeffersonville*), *Ned* (*Nederland*). Такого рода сокращения могут принимать топонимический формант *town* или *city*, приобретая, таким образом, форму перифразы: *Sac Town* (*Sacramento*), *Kill City* (*Killeen*);

в) усечение концов сложносоставного топонима *FoCo* (*Fort Collins*), или частей слитного сложного топонима: *NoHo* (*Northampton*). В последнем случае наблюдаем изменение конечной гласной на «о», что может рассматриваться как уподобление, учитывая значительное количество испаноязычных топонимов в регионе;

г) усечение начала и конца топонима: *Hamp* (*Northampton*);

д) усечение середины исходного топонима: *Kazoo* (*Kalamazoo*).

Примером несистемной усеченной формы является образование *Burque* (*Albuquerque*), в котором отсекаются начало и фрагменты средней части исходного топонима.

2. Эллипсис: *The Beach* (*Long Beach*), *The Island* (*Santa Catalina Island*), *The City* (*New York City*), *Vegas* (*Las Vegas*).

3. Сращение. Сращения – сокращения, образуемые примыканием начала одного слова к финальной части другого. В случае если одно из слов одно- или двусложное, оно может включаться в новообразованный сокращенный топоним в неизменном виде. Такой способ сокращения используется в отношении сложносоставных топонимов: *Chambana* (*Champaign-Urbana*). Гораздо чаще, однако, топонимические сращения образованы путем включения в их структуру апеллятивов: *Sacratomato* (*Sacramento + tomato*).

4. Инициальная аббревиация. Значительную долю топонимических сокращений занимают инициальные аббревиатуры, наиболее характерные для сложносоставных прототипов: *A.C.* (*Atlantic City*), *LBI* (*Long Beach Island*), *OKC* (*Oklahoma City*), *PSL* (*Port St. Lucie*). Как видно, их орфографическое оформление предполагает использование точек после инициалов в одних случаях и их отсутствие в других.

Такой способ сокращения возможен и для односоставных топонимов (*ATL* (*Atlanta*), *The CLE* (*Cleveland*)). Появление такого рода образований объясняется прочным вхождением авиасообщения в повседневную жизнь американцев, употребляющих сокращения, используемые аэропортами, в разговорной речи.

Значительно более продуктивные модели инициальных аббревиатурных сокращений односоставных топонимов таковы:

а) инициал топонима + топонимический формант *town*, чаще всего написанные через дефис: *A-Town (Atlanta)*, *B-Town (Boston)*, также *Bloomington*, *D-Town (Decatur)*, также *Dallas*, *G-Town (Galveston)*, *P-Town (Provincetown)*, *T Town (Tacoma)*;

б) определенный артикль + инициал топонима: *The A (Atlanta)*, *The D (Detroit)*. Исключением из ряда подобных единиц является прозвище города Альбукерке – *The Q (Albuquerque)*. Не являясь инициалом прототипа, эта редкая буква дважды встречается в его названии, что привлекло внимание носителей языка.

Таковы основные типы сокращений, использующихся для образования народных прозвищ топонимических объектов США. Как можно было заметить, в структуру топонимических сокращений может включаться определенный артикль. Это наиболее характерно в случае начального усечения исходного топонима (*The 'Tow (Bartow)*), инициальных аббревиатур и эллипсиса, в случае если результат эллиптического сокращения синонимичен существующему в лексической системе языка апеллятиву (*The Falls (Wichita Falls)*, *The Springs (Colorado Springs)*).

Отметим также, что для образования топонимических прозвищ используются сочетания нескольких способов сокращения, например, инициальной аббревиации и усечения: *K-Zoo (Kalamazoo)*, *C-Bus (Columbus)*. В таких случаях инициал топонима и его конечная часть (как правило, последний слог) отделяются дефисом.

Эллипсис с одновременным усечением середины топонима наблюдаем в топонимическом прозвище *Frisco (San Francisco)*, эллипсис в сочетании с начальным усечением – в прозвище *The Boat (Steamboat Springs)*. Примером эллипсиса с одновременным начальным и конечным усечением является сокращение *The Tone (San Antonio)*.

Второй по частотности вариант топонимического прозвища в США – **перифраза**: *The Murder Capital of the South (Augusta)*, *Murder Capital of America (Washington, D.C.)*, *City of Hate (Dallas)*, *Torture Town (Fayetteville)*, *Shithole of the South (Augusta)*. Зачастую такая перифраза являет собой искаженный вариант официального перифрастического наименования географического объекта: так, народное прозвище *Балтимора – Harm City* – созвучно официальному «второму имени» города *Charm City*, народное прозвище штата *Нью Джерси – Garbage State* – пародирует официальное перифрастическое наименование *Garden State*. В некоторых случаях народное прозвище имитирует высокопарный стиль, присущий официально принятым перифрастическим наименованиям городов: *The City That God Forgot (Utica)*.

Значительно более редки прозвища, представляющие собой **рифму** к прототипу (*The Rattle (Seattle)*, *To-hell-you-ride (Telluride)*, *Dickhater (Decatur)*) и **искажения прототипа** (*Berzerkeley (Berkeley)*, *Shampoo-Banana (Champaign-Urbana)*).

Семантика народных топонимических прозвищ США. Обще-признанным фактом является стремление говорящих максимально полно семантически мотивировать языковой знак. Этимологию, которая основывается не на законах развития языка, а на случайном сходстве слов, принято называть ложной [4]. В случае же с рядом народных прозвищ географических объектов США следует говорить скорее не о ложной, а о шуточной этимологии: *Soup Town (Superior)* – ‘Город Супа’, *Mill Town (Milwaukee)* – ‘Город Мельниц/Фабрик’, *Cola City (Colambus)* – ‘Город Колы’. Говоря о народном прозвище *Poky (Pocatello)* отметим, что это не просто сокращение: орфография слова уподобляется существующему в системе языка прилагательному *poky* со значением ‘убогий, захолустный’.

Некоторые топонимы приобретают новый смысл, будучи подвергнуты искажению. Фонетическое сходство с прототипами при этом сохраняется: *Soviet Monica* ‘Советская Моника’ (*Santa Monica*), *St. Jewish Park* ‘Санкт-Еврейский Парк’ (*St. Louis Park*), *Shampoo-Banana* ‘Шампунь-Банан’ (*Champaign-Urbana*).

Иной способ семантизации используется в отношении топонимов *Ault* и *Saint Louis Obispo*. Первый из топонимов предстает в роли акронима, где за каждой буквой стоит слово: *A Unique Little Town*. Во втором случае инициальное сокращение прототипа – *SLO* – прочитывается, как звуковая аббревиатура, фонетически совпадая, таким образом, с апеллятивом *slow* ‘медленный’.

В отдельных случаях народная топонимика актуализирует этимологическое значение официального топонима, как произошло с топонимом *Cannon* (буквально ‘пушка’). Народное прозвище *The Big Gun* – ‘большое огнестрельное орудие’ – является по сути дескрипцией омонимичного исходному топониму апеллятива.

Игра со смыслами может быть еще более замысловатой: в просторечном наименовании Бостона – *The Bean Da Bean* – мы видим и отсыл к традиционному бостонскому блюду, печеным бобам, и к феномену нашего времени, популярной компьютерной игре «Beat Da Beat».

Народные прозвища могут образовывать своеобразные парадигмы. Всем известное перифрастическое именование Нью-Йорка, приобретшее статус официального второго имени (*The Big Apple*) породило ряд аналогичных просторечных топонимов: *Big Strawberry (Garden Grove)*, *The Big Peach (Atlanta)*, *The Big Orange (Los Angeles)*, *Big Tomato (Sacramento)*, *The Big Guava (Tampa)*, *The Big Pineapple (Honolulu)*; *The Little Apple (Manhattan)*, *The Mini Apple (Minneapolis)*. В последнем из упомянутых народных прозвищ также реализуется и ложная (шутливая) этимология.

Большая группа народных топонимов представляет собой сращения топонима-прототипа с апеллятивом или (реже) прецедентным топонимом: *Hot'Lanta* (*hot* ‘горячий, сексуальный’ + *Atlanta*), *Tallanasty* (*Tallahassee* + *nasty* ‘гадкий’), *Smallbany* (*small* ‘маленький’ + *Albany*), *RutVegas* (*Rutland* + *Las Vegas*). Этот прием позволяет нарастить смысловый объем слова.

Выражая себя посредством народной топонимики, американская лингвокультура особое внимание уделяет негативным сторонам бытия. Такие темы, как наркотики (*Jayville* (*jay* ‘марихуана’ + *Mayville*)), преступность (*Crimetown* (*crime* ‘преступление’ + *Youngstown*)), бедность (*Slummerville* (*slum* ‘трущобы’ + *Sommerville*)), высокие налоги (*Taxachusetts* (*tax* ‘налог’ + *Massachusetts*)), коррупция (*Corruption Capital of the South* (*Augusta*)), находят широкое отражение в словотворчестве американцев.

Прагматика народных топонимических прозвищ США. Просторечие, как правило, экспрессивно, поэтому обладает значительными возможностями воздействия на адресата. Денотативный уровень значения такого рода единиц дополняется коннотативным компонентом. В актуализации последнего выделяются два направления: 1) демонстрация отношения к номинируемому объекту и 2) характеристика объекта.

Характеризующую функцию особенно ярко реализуют сращения с включенными в их структуру апеллятивами: *Disgusta* (*disgusting* ‘отвратительный’ + *Augusta*), *Filthydelphia* (*filthy* ‘грязный’ + *Philadelphia*), *Believe-Land* (*believe* ‘верить’ + *Cleveland*). Характеризатором может выступать и прецедентный топоним: *G-Vegas* (*Greenville* + *Las Vegas*: характеризует город с точки зрения развитости в нем игорного бизнеса). Эту функцию выполняют и инициальные аббревиатуры, фонетически сходные с апеллятивом-характеризатором: *SLO* (*San Luis Obispo*, ср. девиз города «Experience slow life»), и прозвища-перифразы (*City of Hate* (*Dallas*)).

Отношенческая функция является доминирующей для сокращений, образованных с помощью усечения и эллипсиса, инициальных аббревиатурных сокращений: *Hoptown* (*Hopkinsville*), *B-Town* (*Bloomington*). Использование сокращенного топонима призвано продемонстрировать фамильярно-снисходительное, фамильярно-небрежное, фамильярно-дружеское отношение к городу.

Степень фамильярности может варьироваться: из двух просторечных наименований Атланты – *The A* и *Da A* – первое звучит нейтральнее, чем второе, в орфографии которого отражено искаженное произношение определенного артикля, характерное для малообразованной речи.

В результате усечения может возникнуть единица, совпадающая по форме с антропонимом-диминутивом: *St. Pete* (*St. Petersburg*), *Indy* (*Indianapolis*) или имитирующая таковой: *Woony* (*Woonsocket*), *Manty* (*Manitowoc*). Это способствует реализации отношенческой функции такого типа народных топонимов, придает высказыванию дружелюбно-снисходительный характер, что особенно заметно в случае дополнения топонимического прозвища компонентом *little* – ‘маленький’: *Little Ida* (*Idaho*), *Little Rhody* (*Rhode Island*), *Little D* (*Denton*). В случае с прозвищем *Chucktown* (*Charleston*) такой же эффект производит замена компонента *Charles* на диминутив *Chuck*.

Включение в народный топоним компонента *big* заставляет его звучать фамильярно-почтительно: *Big D* (*Dallas*), *The Big O* (*Omaha*).

Таковы прагматические задачи, реализующиеся с помощью топонимических прозвищ в американской лингвокультуре.

Таким образом, анализ народных топонимов США позволил выделить их наиболее характерные структурные типы, определить семантические отношения, которые выстраиваются в аспекте «прозвище – исходный топоним», «прозвище – окружающая реальность», «прозвище – прозвище», и установить корреляции выделенных структурных типов прозвищ и их функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скребнев, Ю. М.* Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев ; под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 210 с.
2. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.
3. *Химик, В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В. В. Химик. – СПб. : Норинт, 2004. – 762 с.
4. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rus-bse.slovaronline.com/43617-Ложная%20этимология>. – Дата доступа : 20.06.2019.

The article deals with unofficial (popular) city and state nicknames in the USA. It focuses on the means of English toponym formation (initial abbreviation of the prototype, clipping, blending, distortion, rhyming, periphrasis), singles out basic characteristic features of popular toponymic semantics and pragmatics.

Поступила в редакцию 01.07.2019

Т. В. Корбачёва

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОННОТАЦИИ В СЕМАНТИКЕ НАИМЕНОВАНИЙ ДНЕЙ НЕДЕЛИ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена выявлению религиозных коннотаций в семантике наименований дней недели в испанском языке. В результате анализа внутренних форм, деривационных и сочетаемостных свойств наименований дней недели в испанском языке установлено, что разнообразные аспекты религиозной жизни испанского народа нашли своеобразное преломление в семантике этих лексических единиц в виде их имплицитных компонентов. Актуализация религиозных коннотаций осуществляется в разных контекстуальных условиях функционирования лексических единиц.

Непреложным тезисом современной лингвистики стало положение о неразрывной связи содержания языка и культуры. Под культурой, прежде всего, понимается система исторически развивающихся программ человеческой деятельности, поведения и общения, которые представлены многообразием различных форм: знаний, норм, идеалов, образцов деятельности

и поведения, верований и т.д. [1]. Неразрывной частью культуры является религия, определяемая как «мировосприятие, свод моральных норм и тип поведения, которые обусловлены верой в существование <...> сверхъестественного мира и существ, <...> а также совокупность ритуалов <...>, обеспечивающих связь человека с потусторонними силами» [2]. На протяжении всей истории народов, населявших территорию современной Испании, культура была наполнена религиозным содержанием. Религия определяла мировосприятие людей, организовывала их деятельность, предписывая регулярное выполнение определенных действий, ритуалов и пр., что, по всей вероятности, не только получило отражение в лексиконе испанского языка, но и нашло своеобразное преломление в семантике его лексических единиц в виде их имплицитных компонентов. Выяснить, насколько верно данное предположение, является целью нашего исследования.

Материалом для анализа были выбраны наименования дней недели в испанском языке. Мы полагаем, что знания, накопленные носителями испанского языка в результате восприятия религиозных аспектов жизни общества, формируют прагматическую зону содержательной структуры наименований дней недели, выступая в виде определенных коннотаций. В настоящее время под коннотациями принято понимать совокупность закрепленных в культуре «семантических ассоциаций» [3, с. 92]. Это некий фоновый комплекс знаний, формируемый оценочными, культурно-историческими, национально-географическими и прочими знаниями, накопленными носителями языка в результате восприятия ими разных аспектов внешнего мира [4, с. 118], «добавочные компоненты лексического значения; лексический фон значения; эмоциональные наслоения; совокупность не всегда связанных, но закрепленных в культуре данного общества ассоциаций, образующих содержательные элементы и др.» [5, с. 66].

Коннотации лексем (в нашем случае религиозные коннотации), как правило, не фиксируются словарями, что затрудняет их выделение и описание. Тем не менее, они «объективируются в целом ряде явлений, принадлежащих к языку и речи» [3, с. 92]. С одной стороны, коннотации получают языковую фиксацию во вторичных значениях слов, в значениях производных слов и фразеологизмов. С другой стороны, к числу объективных проявлений коннотаций специалисты также относят явления речи, которые регулярно воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказываний [Там же, с. 92–93]. Как нам кажется, не стоит исключать из перечня способов объективации коннотаций внутреннюю форму слова, «центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными» [6, с. 100], во время акта номинации. Пожалуй, внутреннюю форму можно назвать первой семантической ассоциацией, отражающей способ видения денотата номинации носителями языка.

В связи с вышеизложенным ключом к установлению религиозных коннотаций в наименованиях дней недели в испанском языке нам послужили, во-первых, этимологические данные и, во-вторых, данные о deriva-

ционной активности этих лексических единиц (деривационную активность мы понимаем широко, включая в это понятие семантические и словообразовательные дериваты, с одной стороны, и связанную, и свободную сочетаемость – с другой)¹.

Обращение к этимологическим данным выявило функционирование на территории дохристианской Испании своеобразной системы наименований дней недели, восходящих к латинским корням и образованных по схеме *dies* ‘день’ + *название небесного светила*, с каждым из которых ассоциировался определенный языческий бог и соответствующий религиозный обряд. Напр., (*dies*) *Lūnae* ‘день Луны’, (*dies*) *Martis* ‘день Марса’ [7, p. 83] и т.д. Использование в качестве модели номинаций последовательного посвящения каждого дня одному из почитаемых богов убедительно свидетельствует о религиозно-языческой коннотации признака, который лег в основу дохристианской системы наименований дней недели.

Смена религиозной парадигмы, переход от язычества к христианству, которое уже во II в. проникло на территорию современной Испании [8, столб. 539] и со временем стало основой испанского мировоззрения, привели к стиранию языческой мотивации, изменению внешней формы и частичной замене названий дней недели. Последнее связано с тем, что в IV в. были введены Церковью новые названия дней недели. Первый день недели получил название *dies Dominicus* ‘день Бога’ в память о том, что Христос воскрес в первый день иудейской недели; понедельник стали называть *feria segunda* ‘второй день’, ... пятницу – *feria sexta* ‘шестой день’; последний день недели был назван *sabbatum* [7, p. 83]. Из указанных названий в современном испанском языке в несколько измененном виде сохранились лишь два: *domingo* ‘воскресенье’ < (*dies*) *Dominicus* и *sábado* ‘суббота’ < *sabbatum*. В повседневной жизни для указания на дни недели с понедельника по пятницу люди продолжали пользоваться названиями, возникшими в дохристианскую эпоху, но их внешняя форма претерпела ряд изменений (см. подр. [13, p.181]), что привело, как считают этимологи, к разрыву семантической связи между именами и мотивировавшими их знаками *lunes* ‘понедельник’/*luna* ‘луна’ ... *viernes* ‘пятница’/*venus* ‘Венера’ [14, p. 340]. Будучи затемненными или в целом потерянными в формах наименований в ходе длительного их функционирования, религиозно-мотивированные значения, как правило, не находят эксплицитного выражения в исходных словах. Напр., *martes* ‘вторник’ в словаре представлен как ‘второй день недели’, *miércoles* ‘среда’ – третий и т.д. [15].

Утрата первичными наименованиями дней недели дохристианских религиозно-языческих смыслов и ассоциаций, ставших нерелевантными в новых культурно-исторических условиях, привела, таким образом, не

---

¹ О способах экспликации имплицитных смыслов лексических единиц см. [9]. Применяемая нами методика была апробирована в исследованиях Е. И. Будниковой [10], В. В. Тура [11], М. В. Турчинской [12].

только к изменениям самой системы наименований дней недели в испанском языке, но, что важно в контексте нашего исследования, и к смене характера религиозных коннотаций в их значениях. Христианская религия, доминировавшая в умах и жизни испанского общества на протяжении более полутора тысяч лет, не могла не оставить следа в испанском языке. Как будет показано далее, в семантике закрепившихся в языке наименований дней недели в испанском языке обязательно присутствуют, в основном имплицитно, знания носителей языка о религиозных представлениях и традициях.

На фоне всех наименований дней недели в испанском языке выделяется *domingo* ‘воскресенье’ как единственное имя с эксплицитно представленными религиозными коннотациями в основном значении. В дефиниции этой лексической единицы, представленной в словаре, изданном в 1989 г., указывается, что этот день недели *está dedicado especialmente al Señor y a su culto* ‘посвящен Богу и предназначен для поклонения ему’ [16]. В словаре 2014 года издания говорится о том, что этот день *festivo para el cristianismo* ‘выходной/праздничный для христианства’ [15]. Таким образом, словарные описания позволяют выделить в семантической структуре слова *domingo* ‘воскресенье’ признаки ‘поклонение богу’ и ‘отдых’, которые несут религиозную коннотацию.

У других наименований дней недели, помимо *domingo* ‘воскресенье’, религиозные со-значения не даны в их словарных дефинициях непосредственно. Однако они становятся явными при анализе производных единиц – словообразовательных дериватов, свободных и связанных сочетаний.

Как следствие словообразовательной пассивности подавляющего числа наименований дней недели в испанском языке словообразовательные дериваты присущи только двум лексическим единицам: *sábado* ‘суббота’ и *domingo* ‘воскресенье’. В производных от *domingo* ‘воскресенье’ реализуется семантический компонент «отдых», так, *dominguero* обозначает человека, который развлекается только по воскресным или праздничным дням [15], *domingada* употребляется в значении ‘праздник или развлечение, имеющие место в воскресенье’ [15].

Производное от *sábado* ‘суббота’ прилагательное *sabático*, букв. ‘субботный’, получает следующую словарную дескрипцию: año: *Que era dedicado por los hebreos, después de otros seis de trabajo, a dejar descansar sus tierras* ‘год, когда иудеи давали своей земле отдохнуть после ее шестилетнего использования’ [15]. Из нее явствует, что значение лексемы *sabático* ‘субботный’ включает сему ‘продолжительный отдых’. Истоки данной религиозной по своему характеру коннотации, актуализируемой в производном слове, связаны с образом жизни и деятельности иудейской общины. Как известно, суббота для иудеев имеет особый статус, религия предписывает перерыв в работе и отдых в этот день, о чем упоминается, в том числе, и в Библии. Первые христиане также соблюдали субботный отдых; лишь позже воскресенье, провозглашенное Днем Господним, заменило субботу. Но ассоциативная связь между лексемой *sábado* ‘суббота’ и идеей отдыха не была утрачена

и реализовалась в устойчивом сочетании *año sábatico*, букв. ‘субботний год’, т.е. ‘академический год’. Иллюстративный материал корпуса испанского языка [17] показывает, что синтагматика лексемы *sabático* ‘субботний’ в значении ‘продолжительный отдых’ не ограничивается упомянутым устойчивым выражением. Это слово выступает компонентом в словосочетаниях с существительными *período* ‘период’, *vida* ‘жизнь’. Например, *en 2005 pidió un período sabático en EL MUNDO* ‘в 2005 обратился к руководству газеты EL MUNDO за разрешением сделать перерыв в работе (букв.: ‘попросил субботний период’)’ [17]; *gracias a eso estoy haciendo vida sabática* ‘благодаря этому я теперь не работаю (букв. веду субботнюю жизнь)’ [17] (здесь и далее мы стремимся дать дословный перевод высказываний, чтобы приблизиться к стилю оригинала. – Т. К.).

В поиске религиозной составляющей в семантике наименований дней недели мы обратились к фразеологическому корпусу испанского языка. Широко известно, что фразеологические единицы (обороты, коллокации)¹ хранят многовековой опыт трудовой и духовной деятельности народа. Не случайно поэтому, что наиболее ярко религиозные установки и традиции проявляются в устойчивых номинативных сочетаниях, в состав которых входят наименования дней недели, которые позволяют, наряду с уже описанными коннотациями, выделить ряд дополнительных смыслов. С религиозными традициями или ритуалами связаны названия христианских праздников в испанском языке: *Domingo de Lázaro* букв. ‘Лазарево воскресенье’, *Domingo de Ramos* букв. ‘Воскресенье ветвей’, *Domingo de Resurrección* букв. ‘Воскресенье воскрешения’, *Miércoles de Ceniza* букв. ‘Пепельная среда’, *Jueves Santo* букв. ‘Святой четверг’, *Viernes de la cruz* букв. ‘Пятница креста’, *Sábado de Gloria* букв. ‘Суббота славы’ и др.

Интересный пример развития религиозно обусловленной коннотации представляет собой фразеологизм *hacer sábado* (букв. ‘делать субботу’), употребляемый в значении ‘производить в субботний день более тщательную и полную уборку, чем в остальные дни недели’ [15], который возник в определенном историческом контексте. В период христианизации еврейского населения на территории современной Испании (кон. XV в.) Инквизиция жестоко наказывала тех, кого подозревала в тайном соблюдении иудейских обрядов и праздников. Обращенный в католичество еврей, пребывающий в праздности в субботний день, мог вызвать подозрения в соблюдении шабата (священный день в иудейской религии, предписывающий воздерживаться от работы), за что мог быть предан суду инквизиции. Чтобы убедить всех в искренности своей веры, люди открывали двери домов, чтобы продемонстрировать, что они усердно занимаются домашними делами и уборкой жилища, как любой другой христианин [20]. Таким образом, сам фразеологизм, который сложился в связи с опре-

---

¹ Мы придерживаемся распространенного в современной лингвистике широкого понимания фразеологизма; за фразеологическую единицу принимается семантически связанная воспроизводимая в речи в готовом виде комбинация слов [18, с. 35; 19, р. 52].

деленным культурным фактом, существуя до настоящего времени, возможно, потеряв первоначальную мотивацию, несет образ тщательной и полной уборки.

Помимо уборки, за лексемами *sábado* ‘суббота’, а также *viernes* ‘пятница’ закрепились религиозные ассоциации иного свойства, связанные с приемом пищи. Так, фразеологизм *cara de viernes* букв. ‘пятничное лицо’ несет значение ‘лицо худое, бледное и грустное’ [15], что, по-видимому, связано с тем, что по пятницам христианам предписывается соблюдать пост. Мотивирующая ситуация, стоящая за рассмотренной лексической единицей, коррелирует с содержанием другого фразеологизма *comer de viernes* букв. ‘есть по-пятничному’, т.е. ‘есть постную пищу’ [15]. Таким образом, с лексемой *viernes* ‘пятница’ ассоциируется религиозная традиция отказа от мясной пищи в пользу постной. Схожую коннотацию ограничения на прием пищи имеет лексема *sábado* ‘суббота’. Объективируется она в лексических единицах *chorizo de sábado* ‘субботный чорисо’ и (*chorizo*) *sabadiego* букв. ‘субботный’ (ареал употребления *sabadiego* ограничен провинциями Астурия и Леон), представляющих собой названия свиной копченой колбасы, приготовленной из субпродуктов и мяса низкого качества. По данным исследователей [21], семантической базой для возникновения данных лексических единиц послужило разрешение на прием в пищу названных мясных изделий в дни ограниченного воздержания, коими считались субботние дни.

Не менее интересными и информативными, наряду с фразеологическими сочетаниями, представляющими собой ценный источник для выявления скрытых смыслов в семантике наименований дней недели в испанском языке, оказываются и примеры свободной сочетаемости этих слов. Употребление постной пищи ассоциируется не только с *viernes* ‘пятница’, но также с *miércoles* ‘среда’ и *sábado* ‘суббота’, напр., *la fazaña debió tener lugar en miércoles, día de vigilia* ‘подвиг, должно быть, произошел в среду, постный день’ [22] (здесь и далее мы сохраняем орфографию источников иллюстративного материала), *Las cuchillas se amuelen los viernes, o sábados, que hay menos que cortar con ellas* ‘Лезвия острее по пятницам и субботам, так как резать ими приходится меньше’ [22]. Отметим, однако, что примеры с *miércoles* ‘среда’ и *sábado* ‘суббота’ единичны, а ассоциация употребления постной пищи с *viernes* ‘пятница’ широко представлена в контекстах XIX–XX вв.: *las lentejas de los viernes* ‘пятничная чечевица’ [22], *los viernes magros* ‘постные пятницы’ [22]. В поваренной книге XIX в. фигурируют рецепты таких блюд: *sustancia de judias para carne y viernes* ‘бульон из фасоли к мясу и к пятнице’, *empanadas de pescados para viernes* ‘рыбные пироги для пятницы’ [22].

В сознании испанской языковой общности не только возникла прочная связь между пятничным днем и запретом на употребление в пищу мяса, но и выработалась отрицательная оценка нарушения практики поста. В следующем диалоге прагматический смысл первой реплики построен на имплицитивной связи пятницы с постом, в ответной реплике актуализируется

импликация нарушения пятничного поста и греха: – *Bájate, cabrín cabrates, que no te voy a comer comerates porque hoy es viernes viernates* ‘Спускайся, козел, не буду я тебя есть, ведь сегодня пятница’ – *No quiero, lobín lobates, que al hambre no hay pecates* ‘Не хочу, волк, потому что голод не знает греха’ [22].

В латентной части семантики *viernes* ‘пятница’ хранится информация не только о воздержании от мясной пищи, но и о супружеском воздержании в этот день недели (половая близость супругов во время поста не одобрялась): *La perspectiva de los viernes con vigiliyas y abstinencias que me prometía el destino, de unirme con Barbarita <...> no me sonreía* ‘Мне совсем не улыбалась перспектива **пятниц с ее постами и воздержанием**, которые обещала судьба, объедини я свою жизнь с Барбаритой’ [22].

Другие особенности уклада религиозной жизни раскрываются при анализе контекстных употреблений лексемы *domingo* ‘воскресенье’. В следующих контекстах объективируется ассоциативная связь наименования *domingo* ‘воскресенье’ с посещением костела и мессой: *Viendo a la chiquilla vestida, se escandalizó: – ¿Adónde iría ahora semejante vagabunda? – A misa, señora, que es domingo* ‘Видя девчущку нарядно одетой, возмутилась: – Куда это ты идешь, бездельница такая? – **На мессу, сеньора, ведь сегодня воскресенье**’ [22]; *Aurelio <...> pensó eso de que si llenas una iglesia parece domingo* ‘Аурелио <...> подумал, что, **если наполнить церковь людьми, похоже на воскресенье**’ [17]. Это вполне согласуется с принятой у католиков традицией посещать воскресные мессы, нарушение которой строго осуждалось на протяжении долгого времени [23].

Наше исследование показало, что религиозные воззрения испанского народа, релевантные в определенный исторический период, легли не только в основу формирования наименований дней недели. Разные аспекты религиозной жизни оказались зафиксированными в семантике лексических единиц в виде дополнительных компонентов значений.

Таким образом, становится очевидным, что «язык в своей лексике более или менее точно отражает культуру, которую он обслуживает» [24, с. 172] не только в виде отдельных лексем, но также детерминирует коннотации разного типа, актуализация которых осуществляется в разных контекстуальных условиях функционирования лексических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gufo.me/dict/philosophy/КУЛЬТУРА>. – Дата доступа : 11.01.2019.
2. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/РЕЛИГИЯ. – Дата доступа : 11.01.2019.
3. *Кобозева, И. М.* Лингвистическая семантика : учеб. пособие / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

4. Уфимцева, А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А. А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М. : Наука, 1988. – С. 108–140.
5. Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. : М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков; отв. ред. М. Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2017. – 192 с.
6. Поттебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Поттебня. – К. : Синто, 1993. – 192 с.
7. Enciclopedia Universal Ilustrada Europeo-Americana. T. 55. – Madrid : Espasa-Calpe, S.A., 1978.
8. Испания: католическая энциклопедия / ред.-издат. совет: о. Г. Церох (председатель) [и др.]. – Т. 2 : И–Л / Аверинцев С. С. [и др.]. – М. : изд-во францисканцев, 2005. – Столб. 539–555.
9. Харитончик, З. А. Пути экспликации имплицитных смыслов языковых выражений / З. А. Харитончик // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи : тез. докл. междунар. науч. конф., Минск, 10–11 мая 2017 г. / редкол. : Л. М. Лещёва (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2017. – С. 90–92.
10. Будникова, Е. И. Значимость семантических компонентов в структуре лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. И. Будникова. – Минск, 2016. – 175 л.
11. Тур, В. В. Актуализация латентных признаков в семантике компонентов сочетаний "существительное + существительное" в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В. В. Тур. – Минск, 2015. – 147 л.
12. Турчинская, М. В. Структурно-семантические и прагматические характеристики лексических парадигм в английском и белорусском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М. В. Турчинская. – Минск, 2017. – 159 л.
13. Restrepo, P. F. El alma de las palabras. Diseño de semántica: general / F. P. Restrepo. – Barcelona: Imprenta Editorial Barcelonesa, S.A., 1917. – 235 p.
14. Izquierdo Guzmán, M. L. Estudio léxico-semántico de los términos que delimitan tiempo en 'día' (Investigación diacrónica) : tesis doctoral / M. L. Izquierdo Guzmán. – San Cristóbal de La Laguna, 1992. – 377 p.
15. Diccionario de la lengua española. La 23ª edición [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dle.rae.es>. – Дата доступа : 11.01.2019.
16. Diccionario manual e ilustrado de la lengua española. Cuarta edición revisada. – Madrid : ESPASA-CALPE, S.A., 1989.
17. REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: Banco de datos (CORPES). Corpus del Español del Siglo XXI [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rae.es>. – Дата доступа : 11.01.2019.
18. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка: учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Русский язык и литература» / Н. М. Шанский. – 4-е изд., доп. – М. : URSS Либроком, 2009. – 305 с.
19. Martí Sánchez, M. Explorando la definición real de los fraseologismos / M. Martí Sánchez // *Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación* (clac), 24/2005. – P. 47–73 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://webs.ucm.es/info/circulo/no24/marti.pdf>. – Дата доступа : 22.05.2019.

20. *Vega Carrasco, M.* «Fer dissabte», el origen de una expresión / M. Cfrfrsco Vega [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://descubriralahistoria.es/2015/01/fer-dissabte-el-origen-de-una-expresion/>. – Дата доступа : 13.01.2019.
21. *Fidalgo Sanchez, J. A.* Sabadiego, sabadiega y longaniza / J. A. Fidalgo Sanchez [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cronistasoficiales.com/?p=11556>. – Дата доступа : 13.01.2019.
22. REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: Banco de datos (CORDE). Corpus diacrónico del español [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rae.es>. – Дата доступа : 11.01.2019.
23. Domingo // Gran Enciclopedia Larousse en diez volumenes. T. 3. – Barcelona: Editorial Planeta, S.A., 1967.
24. *Сепир, Э.* Язык: введение в изучение речи / Э. Сепир; пер. с англ., примеч. и ввод. ст. А. М. Сухотина; предисл. С. Л. Белевицкого. – М. : Л. : Соцэкгиз, 1934. – 223 с.

Analysis of the internal forms, derivational and selectional properties of the names of the days of the week in Spanish showed that various aspects of the religious life of the Spanish people have found a kind of reflection in the semantics of these lexical units in the form of their religious connotations.

Поступила в редакцию 01.07.2019

С. С. Ключенович

**КОГЕЗИВНЫЕ ОСНОВЫ ЭЛЛИПСИСА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ УНИВЕРБАЦИИ
(на материале экономических и правовых текстов)**

В статье анализируется специфика эллиптирования в условиях медийного и законодательного дискурсов. Исследование проводится на материале современного немецкого языка. Рассматривается взаимодействие эллипсиса и словосложения как речевых процессов с точки зрения выстраивания смысловой структуры текста.

В рамках данной публикации представлены результаты исследования двух форм воплощения официально-деловой коммуникации: экономического и юридического дискурсов. В данном случае речь идет о газетно-журнальных статьях и законодательных актах. Исследуя субдискурсивную вариативность средств реализации когезии в научном дискурсе, Л. В. Дудникова отмечает «когезивную насыщенность» научного текста [1]. С этим утверждением нельзя не согласиться, более того данный тезис справедлив и по отношению к тем типам текстов, которые подвергаются рассмотрению в нашем исследовании, пускай и не в одинаковой степени. Так, законодательный текст демонстрирует со всей очевидностью более высокую степень когезивности по сравнению с газетно-журнальным. В первую очередь мы имеем в виду те

внутритекстовые связи, которые возникают за счет словообразовательных цепочек. Два репрезентативных текстовых фрагмента могут ярко проиллюстрировать это наблюдение:

*Ein **Dienstpflichtiger**, der eine **Zivildienstbeschädigung** erlitten hat, erhält nach Beendigung des **Dienstverhältnisses**... (ZDG, § 47, Abs. 1);*

*...wenn ein begünstigender **Verwaltungsakt**, der von einem Dritten angefochten worden ist, während des **Vorverfahrens** oder während des **verwaltungsgerichtlichen Verfahrens** aufgehoben wird... (VwVfG, § 50).*

Жирным шрифтом мы выделили те цепочки производных, благодаря которым возникают внутритекстовые связи на уровне словообразования. Так, в первом фрагменте это *Dienstpflichtiger – Zivildienstbeschädigung – Dienstverhältnis*, а во втором – уже две цепочки (*Verwaltungsakt – verwaltungsgerichtlich* и *Vorverfahren – Verfahren*).

Современный немецкий язык демонстрирует активное действие закона языковой экономии. Проявляться это может, например, за счет стягивания протяженных аналитических конструкций в цельнооформленную единицу – универбат. Проиллюстрировать сказанное могут приводимые ниже примеры.

*Zudem gibt es weniger Steuervorteile etwa für **Immobilienwerb*** (Das Parlament, 2011). В этом фрагменте газетного текста экономической тематики присутствует универбат *Immobilienwerb*, представляющий собой свернутую предикацию, т.е. в качестве ядерной структуры этого трансформы можно считать глагольно-субстантивное словосочетание *eine Immobilie erwerben* ‘приобрести объект недвижимости’.

*Nachdem sie lange keinen Käufer gefunden hatte, ging GTS Ende März 2018 schließlich an eine weitgehend unregulierte Bank mit Sitz in Bermuda und Zweigstellen in zahlreichen **Niedrigsteuerstaaten**.* (Süddeutsche Zeitung, 2019). В данном случае стяжению было подвергнуто словосочетание из трех полнозначных лексем *Staaten mit niedrigen Steuern* ‘государства с низким налогообложением’.

***Schadensersatzansprüche**, die auf der Verletzung des Lebens, des Körpers, der Gesundheit oder der Freiheit beruhen...* (BGB, § 199, Abs. 2). **Приведенный выше фрагмент закона содержит очень емкое в плане семантики производное *Schadensersatzansprüche* ‘притязания на возмещение ущерба’. Причем сказанное в отношении емкости семантики одинаково справедливо независимо от факта множественности мотивации, т.е. каким образом был образован указанный юридический термин:**

Schadensersatzansprüche ← *Ansprüche auf Schadenersatz* или

← *Ansprüche darauf, dass der Schaden ersetzt wird.*

Немецкий язык по праву знаменит своими «длинными» словами. Об этом говорят те, кто изучает иностранные языки, этому удивляются носители других западноевропейских языков. И даже сами немцы испытывают порой неловкость из-за рекордно протяженных слов-загадок, которые они волею языковых судеб вынуждены обрушивать, например, при проведении международных конференций на переводчиков-синхронистов. Отчасти сказанное

верно. Ведь в современном немецком дискурсе действительно можно встретить такие образования, как *WirtschaftsWoche-Gründerwettbewerb*, *Magnetschwebebahnplanungsgesetz* или *Kraftfahrzeughaftpflichtversicherung*.

Тем не менее анализ выборки, полученной на материале немецких медийных и законодательных текстов, позволяет с уверенностью констатировать четкое превалирование двух- и трехлексемных сложных и сложнопроизводных слов (например, *Straftat*, *Geltendmachung*, *Rentenreformgesetz*) как самой распространенной формы представления универбированного содержания. Композиты из четырех основ (например, *Bundesrechtsanwaltsordnung*, *Rechtspflege-Vereinfachungsgesetz*) со значительным отрывом отстают в количественном отношении от первых двух групп, так как встречаются уже гораздо реже, а «пятерки» можно и вовсе отнести к словообразовательным экзотизмам. Данный факт, думается, можно объяснить стремлением автора избежать конструктивной громоздкости, обеспечить порционирование информации, а тем самым облегчить восприятие соответствующего содержания.

Как же возможно согласовать наращивание информации, которое, безусловно, имеет место в экономическом дискурсе, и еще в большей мере в правовом, по ходу развертывания текста с лаконичной языковой репрезентацией (двух-, трехлексемные универбаты)? Неограниченное нанизывание последующих лексем на связующую нить универбата, как мы уже отметили, будет создавать интерпретационные и коммуникативные препятствия. Одним из решений проблемы бесконечного удлинения композита становится эллиптирование какого-либо из его компонентов.

Уже единицы словарной выборки демонстрируют в своей структуре явление эллипсиса – элиминацию (пропуск или отбрасывание) глагольного префикса / полупрефикса в процессе акта универбации. Иллюстрировать это могут, например, следующие производные:

<i>Pflanzenbau m</i> , <i>Obstbau m</i>	←	an bauen;
<i>Haussuchung f</i>	←	durch suchen;
<i>Feldbau m</i> , <i>Ackerbau m</i>	←	be bauen.

Представлены также случаи, когда словарь регистрирует две полилексемные конструкции, обозначающие общий фрагмент внеязыковой действительности. При этом одно производное представляет собой усеченную форму по отношению к другому – полному обозначению. Например:

<i>Pförtnerkrampf m</i>	=	<i>Magenpförtnerkrampf m</i> ;
<i>Brandmalerei f</i>	=	<i>Holzbrandmalerei f</i> ;
<i>Raumfahrer m</i>	=	<i>Weltraumfahrer m</i> .

Можно предположить, что усеченные наименования обладают, реализуя еще большую компактность, и большей прагматической потенцией, по сравнению с трехлексемными универбатами [2, л. 41].

Явление эллипсиса имеет место, однако не только на уровне лексической системы языка, где в результате действия этого механизма могут возникать новые единицы номинации (например, *Spitzahorn* < *Ahorn mit spitz gezähnten Blättern*, *Ölzweig* < *Zweig des Ölbaumes*) [3, S. 96–97; 4, S. 114].

В контексте данного исследования нас больше интересует эллиптирование не как процесс языковой, а речевой, как явление, связанное с речевой деятельностью, с выстраиванием структуры конкретного текста.

Думается, с точки зрения развертывания текста по линии вербализации текстового содержания, эллипсис будет более правильно рассматривать не столько как элиминацию, сколько как подразумевание, т.е. «перевод в импликацию структурно необходимого элемента конструкции» [5, л. 9]. Интересно, что схожую мысль мы находим у Ш. Балли, который называл эллипсисом «подразумеваемый в речи» знак [6, с. 175]. Проводя четкую границу между «подразумеваемым знаком в языке», его чисто грамматическим значением, с одной стороны, и «эллипсисом в речи», с другой, Ш. Балли отмечает, что последний «может представлять в зависимости от обстоятельств любой знак или группу знаков, лишь бы они носили лексический характер» [Там же, с. 176].

Высказывание Ш. Балли о том, что «эллипсис чаще употребляется в разговорном, чем в письменном языке» [Там же] отнюдь не означает невозможность эллиптирования лексического знака в текстах деловой прозы. Более того, ученый тут же делает оговорку, которая только усиливает последнее заявление: «языки в их совокупности отличаются той ролью, какую они соответственно отводят эллипсису и представляющему» [Там же].

На «текстообразующую» функцию эллипсиса указывает Е. И. Морозова [5, л. 5], а истоки такового понимания можно найти у Ш. Балли, который пишет, что эллиптируемый элемент «фигурирует в предшествующем или последующем контексте» [6, с. 175] (ср. также [7, с. 114]). Схожую мысль высказывает и Е. И. Шендельс, отмечая, что эллипсис «опирается на текстовые показатели» [8, с. 248]. Рассмотрим пример из текста:

*Wer **Zivildienst** geleistet hat, erhält nach dessen Beendigung eine **Dienstzeitbescheinigung** (ZDG, § 46, Abs. 1).*

Приведенный фрагмент текста закона характеризуется высокой когезивной насыщенностью, что в принципе типично для законодательных актов. Речь идет о прохождении альтернативной службы (*Zivildienst leisten*), ее окончании (*dessen Beendigung*) и выдаче документа о времени службы (*Dienstzeitbescheinigung*). Исходную и эллиптированную форму (*Zivildienst* и *Dienst*) разделяет отрезок предложения менее одной строчки. Внутри-текстовая связь поддерживается также за счет среднего звена цепочки (относительного местоимения *dessen*). В ходе текстового развертывания элиминируется первый компонент исходного композита (*Zivildienst*), второй же компонент привлекается для образования производного *Dienstzeit*, которое в самостоятельном виде в этом фрагменте не появляется, а участвует в создании трехчленной универбированной единицы *Dienstzeitbescheinigung*, отмеченной высокой степенью аналитичности семантики, прежде всего в силу того, что опорный компонент представляет собой девербатив со значением ‘документальное заверение’.

Эллипсис может иметь разную локализацию. Так, если в предыдущем случае был опущен левый компонент, то в следующем примере можно констатировать правосторонний эллипсис:

*Sie sollen den Service einer früheren **Tochtergesellschaft** der Bank genutzt haben, um Kapitalerträge auf den Britischen Jungferninseln zu verbergen. <...> Im März 2016, kurz vor Veröffentlichung der „Panama Papers“, hatte die Bank nach eigenen Angaben entschieden, sich von der **Konzerntochter** zu trennen.* (<https://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/razzia-banken-deutsche-bank-1.4447599>). (Дата доступа : 15.05.19).

В случае с производным *Konzerntochter* имеет место очевидное снижение стилистического регистра по сравнению с юридически официальной номинацией *Tochtergesellschaft*, что вполне допустимо для медийного экономического дискурса.

Эллиптирование опорного компонента наблюдается и в приводимом ниже примере газетного текста биржевой тематики:

*Nachdem die Ungewißheit nun vom Tisch ist, schöpfen die Investoren an der Wall Street wieder Mut. Der **Dow-Jones-Index** für 30 Standardwerte sprang am Freitag um 52,90 Zähler nach oben. <...> Zwar ist der Index noch 100 Punkte von seinem Allzeit-Höchststand entfernt; schon nimmt man aber an der Wall Street ein höheres Ziel ins Visier. Ein **Dow-Jones-Stand** von 6 000 Punkten erscheint...* (SZ, 2008).

В итоге возникает текстовая номинация в виде трехлексемного композита *Dow-Jones-Stand*.

Аналогичным случаем вполне можно считать следующий пример:

*Allein im Jahr 2005 nahm die **Fraunhofer-Gesellschaft** (FhG) 100 Millionen Euro aus MP3-Lizenzern ein. Mit diesem Geld will die **FhG** eine gemeinnützige Stiftung gründen, um patentorientierte Forschungsprojekte zu fördern. Denn deutsche Unernehmen investieren nach Ansicht von **Fraunhofer-Präsident** Hans-Jörg Bullinger nicht genug in Forschung und Entwicklung* (DAAD Letter, 2006, Nr. 2, S. 17).

Выделение жирным шрифтом обозначает три возможные точки появления композита *Fraunhofer-Gesellschaft*. В одном случае автор текста избегает этого, используя аббревиатуру FhG, в другом – правосторонний эллипсис с одновременным интегрированием репрезентирующего компонента (*Fraunhofer*) в структуру композита следующего уровня (*Fraunhofer-Präsident*).

Среди факторов, определяющих структуру высказывания в ходе дискурсивного развертывания, называют «речевое окружение данного высказывания», а также «опыт и знания говорящих». Указанные факторы «воздействуют на незамещенные позиции высказывания, сообщая им нужный смысл» [9, с. 193–194]. Рассмотрим в свете сказанного текстовый фрагмент из немецкого экономического журнала «Виртшафтсвохе»:

*Bei der Suche nach einem neuen Investor für die **Biokette Basic** steht eine Lösung unmittelbar bevor. <...> Anschließend sei „ein Neustart geplant“, heißt es intern. Ob **Basic-Chef Josef Spanrunft** diesen mitgestaltet, gilt als fraglich. (WiWo, 14.04.2008, Nr. 16, S. 12).*

В начале текста присутствует исходная конструкция, отмеченная формально-структурной полнотой и смысловой прозрачностью, а вот уже в «финале» изложения используется эллиптированное производное, к восприятию которого читателя подготовили уже в начальной части текста, предоставив ему необходимые фоновые знания.

Приводимый ниже пример по своей сути аналогичен предыдущему, однако несколько сложнее в плане эллиптирования, которое носит двусторонний характер (локализация слева и справа):

*Zu der Protokollpflicht war es nicht zuletzt infolge der Pleite **der Investmentbank Lehman Brothers** 2008 gekommen. Durch die Insolvenz waren **Lehman-Zertifikate**, die lange Zeit als sichere Geldanlage gepriesen worden waren, mit einem Schlag wertlos geworden (Focus, 2015).*

Здесь уже опускается не только нарицательное имя (*Investmentbank*), характеризующее тип учреждения, но и часть самого названия (*Brothers*). В итоге из четырехлексемного номинативного комплекса *Investmentbank Lehman Brothers* выбирается самая уникальная единица (*Lehman*), наделяемая на основе ситуативной обусловленности соответствующими функциями репрезентации. Е. И. Морозова характеризует эллипсис как «явление текстовой семантизации» [5, л. 9]. Это подразумевает, что производное *Lehman-Zertifikate*, образованное в данном текстовом окружении, вобрало всю ту семантику, которая заключена в репрезентируемой конструкции (*Investmentbank Lehman Brothers*), наряду со смысловым приращением в результате акта универбации. Благодаря подобной текстуально обусловленной репрезентации целого смыслового комплекса универбат «участвует в создании коммуникативноспособного текста» [Там же].

Все предыдущие фрагменты объединяет то, что в структуре соответствующего текста сначала фигурирует полная (исходная) форма, а уже потом следует эллиптированная единица, включенная в структуру универбата следующего уровня смысловой компрессии. Это означает, что речь идет об анафорической отсылке на предшествующий контекст.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Эллипсис может иметь разную локализацию, а именно, слева или справа по отношению к компоненту, репрезентирующему исходную полную конструкцию. Возможны также случаи двустороннего эллипсиса.

2. Полученные результаты выявляют большой текстообразующий потенциал эллипсиса в структурно-смысловой организации текста как в медийном, так и законодательном дискурсах.

3. Эллипсис помогает преодолеть проблему излишней громоздкости (линейной протяженности) сложного или сложнопроизводного слова при одновременном наращивании смысловой емкости универбата благодаря текстовой семантизации.

4. Результаты исследования позволяют говорить о каталитической функции эллипсиса в процессе текстуально обусловленной универбации в экономическом медиатексте и законодательных актах. По сути эллиптирование снимает ограничения на пути образования композита более высокого уровня смысловой компрессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дудникова, Л. В. Субдискурсивная вариативность средств реализации когезии в научном дискурсе (на материале английского и французского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. В. Дудникова. – Ростов н/Д, 2018. – 208 л.
2. Ключенович, С. С. Имена действия композитного типа в структуре текстов различных функциональных стилей немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. С. Ключенович. – Минск, 2002. – 115 л.
3. Ortner, H. Zur Theorie und Praxis der Kompositaforschung (Forschungsberichte des Instituts f. Deutsche Sprache Mannheim ; Bd. 55) / H. Ortner, L. Ortner. – Tübingen : Narr, 1984. – 406 S.
4. Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Bd. 4. Substantivkomposita / L. Ortner, E. Müller-Bollhagen, H. Ortner u.a. – Berlin : de Gruyter, 1991. – 863 S.
5. Морозова, Е. И. Структурно-функциональные типы и прагматические характеристики эллипсиса во французском языке в сопоставлении с английским (на материале газетно-журнальных публикаций) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. И. Морозова. – Екатеринбург, 2005. – 153 л.
6. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; пер. с фр.: Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
7. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский ; под ред. В. А. Виноградова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
8. Шендельс, Е. И. Избранные труды: К 90-летию со дня рождения / Е. И. Шендельс ; сост. Л. А. Ноздрина. – М. : МГЛУ, 2006. – 352 с.
9. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.

The article focuses on the specificity of ellipsis in media and law discourses. The research is made on the material of modern German. The interaction of ellipsis and compounding as speech processes is under study in terms of producing the semantic text structure.

Поступила в редакцию 25.06.2019

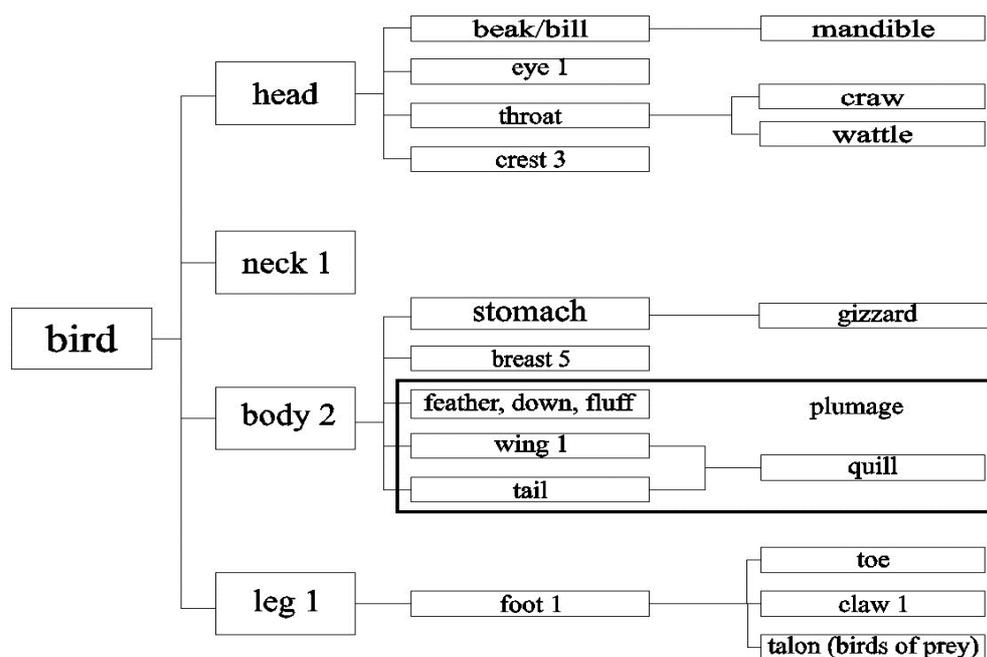
СУПЕР-МЕРОНИМИЯ В СИСТЕМЕ МНОГОЗНАЧНЫХ
ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются многозначные холо-меронимические имена существительные современного английского языка, их структура, семантика и роль в организации системы английских субстантивов. Проанализировано 942 холо-меронима и 342 лексико-семантических варианта многозначных меронимических существительных. Семантический анализ данных единиц привел к выводу, что соответствие «часть – ее непосредственное целое» в семантике исследуемых лексем не является абсолютным: одно и то же наименование может выступать обозначением самых разных частей, прокладывая, таким образом, незримые нити между разными предметами и явлениями. В лексическом значении холо-меронимов были установлены семы, передающие информацию о локативности части целого, ее перцептивности, функциональности и т.п., что позволило обнаружить в субстантивной системе английского языка взаимосвязанные семантические сферы и выявить общие принципы их членения.

В системе имен существительных современного английского языка существует подсистема холо-меронимических субстантивов, которые содержат в своей семантике не только указание на часть и ее характеристики (мероним), но и на само делимое целое (холоним), репрезентируя существование взаимосвязи между ними (*bud* ‘почка, бутон растения’, *cover* ‘обложка книги/журнала’, *noon* ‘полдень’, *toe* ‘палец ноги’ и т.д.) [1]. Ср., например, *toe* 1. one of the five small **parts** that stick out **from the foot** ‘одна из пяти небольших **частей стопы**’; *cover* 3. ‘the **outside** of a **book** or a **magazine**’ ‘**внешняя часть книги или журнала**’¹. Храня в своей семантике указание на делимое целое и его часть, холо-меронимические существительные выступают автономными лексическими единицами, которые не требуют контекста для репрезентации акта членения определенного целого, представляясь тем самым синтагматически самодостаточными. Данная особенность лежит в основе образования ими холо-меронимических рядов и структур – объединений лексических единиц, репрезентирующих в своей иерархии последовательное членение разных денотативных областей (*leg* ‘нога человека’ – *foot* ‘стопа’ – *toe* ‘палец ноги’, *bird* ‘птица’ – *head* ‘голова птицы’ – *crest* ‘хохолок/гребешок’, *book* ‘книга/журнал’ – *sheet* ‘печатный лист’ – *page* ‘страница’, *ocean* ‘океан’ – *gulf* ‘залив’, *car* ‘автомобиль’ – *engine* ‘двигатель’ – *carburettor* ‘карбюратор’ и т.д.) – см. пример на рисунке 1.

---

¹ Здесь и далее примеры приводятся по Oxford advanced learner’s dictionary of current English (OALD) [2].

Холо-меронимическая структура
в лексико-семантической группе наименований частей птицы

Холо-меронимы присущи следующим семантическим областям лексической системы современного английского языка: обозначениям частей тела человека (*body* ‘тело человека’, *trunk* ‘туловище’, *hand* ‘кисть руки’ и т.д.) и живых организмов (*tail* ‘хвост животного’, *paw* ‘лапа’, *craw* ‘зоб птицы’ и т.д.), артефактов (*wall* ‘стена здания’, *bonnet* ‘капот автомобиля’, *tyre* ‘шина’, *cover* ‘обложка книги/журнала’ и т.д.), продуктов интеллектуальной деятельности (*climax* ‘кульминация’, *snatch* ‘отрывок’ и т.д.), компонентов духовного мира человека (*conscience* ‘совесть’ и т.д.), пространства (*ghetto* ‘бедный район города, трущобы’ и т.д.) и отрезков временного континуума (*night* ‘ночь’, *day* ‘световой день’, *noon* ‘полдень’ и т.п.). Имена существительные каждой из перечисленных лексико-семантических групп выстраиваются в холо-меронимические структуры в количестве от 2 (наименования отрезков временного континуума) до 56 (обозначения частей артефактов) в каждой ЛСГ, отражая последовательное членение целого на части, что дает возможность проследить глубину и детальность членения той или иной денотативной области.

Предлагаемая работа посвящена задаче выявить, всегда ли в семантике холо-меронима прослеживается однозначное соответствие «часть – ее непосредственное целое», наблюдаются ли холо-меронимические структуры только строго в рамках одной лексико-семантической группы или же холоним может относиться к одной ЛСГ, а мероним – к другой, и установить, чем это обусловлено.

В результате исследования были обнаружены случаи, когда с одним и тем же меронимом соотносятся несколько разных холонимов. Ср., например, *prickle* 1. ‘a small sharp part on the **stem** or **leaf** of a plant or on the

skin of some animals ‘маленькая колючка (шип) на **стебле** или **листе растения** или на **коже животного**’. Так, исходя из приведенной дефиниции, у меронима *prickle* ‘шип, колючка’ три холонима – *stem* ‘стебель растения’, *leaf* ‘лист растения’ и *skin* ‘кожа животного’. Подобного рода единицы были выявлены среди наименований частей артефактов (мероним *handle* для холонимов *knife* ‘нож’/*bag* ‘сумка’/*broom* ‘метла, щетка’ и т.д.), частей тела человека и других живых существ (мероним *nail* ‘ноготь’ для холонимов *toe* ‘палец ноги’ и *finger* ‘палец руки’, мероним *ball* ‘выпуклая круглая часть на большом пальце руки или ноги’ для обоих холонимов *big toe* ‘большой палец ноги’ и *thumb* ‘большой палец руки’ и т.д.), а также среди наименований участков пространства (*reaches* ‘окраина’ для холонимов *city* ‘город’, *town* ‘городок/село’ и *country* ‘страна’). В лингвистике данное явление носит название **супер-меронимии**, когда «объем понятия меронима шире экстенционала холонима, что позволяет мерониму соотноситься с несколькими разными холонимами» [3, p. 163], и отражает факт наличия единого наименования у части нескольких различных целых.

В исследуемом материале (942 ЛЕ) было выявлено два пути реализации супер-меронимии. Первый охватывает 4 % холо-меронимических существительных и наблюдается, когда в лексическом значении меронима одновременно фиксируется несколько холонимов (см. примеры дефиниций выше).

Второй путь – супер-меронимия как следствие полисемии меронимов. Это явление имеет место внутри семантической структуры многозначных меронимов и охватывает 36 % (342 ЛЕ) холо-меронимической лексики. Так, например, в семантической структуре существительного *leg* насчитывается шесть меронимических лексико-семантических вариантов, обозначающих одним именем части разных предметов и явлений. Ср., например: *leg* 1. ‘part of the body...’ ‘нога/лапа’; 2. ‘the leg of an animal, especially the top part, cooked and eaten’ ‘верхняя часть ноги животного, употребляемая в пищу’; 3. ‘the part of a pair of trousers’ ‘штанина’; 4. ‘one of the long thin parts on the bottom of a table, chair, etc.’ ‘ножка, подпорка стула, стола и др.’; 5. ‘one part of a journey or race’ ‘этап, отрезок пути или путешествия’; 6. ‘a single round (stage) of the competition’ ‘этап игры или соревнования’.

Встречаются также смешанные типы, когда супер-меронимия реализуется одновременно по двум путям: *handle* 1. ‘the part of a door, drawer, window, etc. that you use to open it’ ‘часть двери, ящика шкафа, окна и т.п., потянув за которую, их можно открыть’, 2. ‘the part of an object, such as a cup, a bag or a tool, that you use to hold it or carry it’ ‘такая часть предмета, как чашка, сумка или инструмент, за которую их держат или несут’.

Очевидно, что наиболее многочисленным и продуктивным выступает второй вариант развития супер-меронимии – через полисемию. Происходит это благодаря тому, что одна и та же единица в своей семантической структуре содержит несколько меронимических значений и, соответственно, часто встречается в своих разных ЛСВ в различных холо-меронимических рядах и структурах, что свидетельствует об их продуктивности в качестве

оснований холо-меронимических связей. Ср., например: *branch* 1. ‘a part of a tree that grows out from the main stem and on which leaves, flowers and fruit grow’ ‘1. часть дерева, растущая из основного ствола, на которой произрастают листья, цветы и плоды’; 5. ‘a smaller or less important part of a river, road, railway/railroad, etc. that leads away from the main part’ ‘маленькая или менее важная часть реки, дороги, железной дороги и т.п., что уводит от основной части’. Многочисленность меронимических ЛСВ у некоторых многозначных имен существительных правомерно объяснить при помощи термина, приобретшего новую жизнь после работ З. А. Харитончик, – *широкозначность*, который применяется при описании семантики производных слов или отдельных метафорических значений. Семантическая структура широкозначных лексем характеризуется денотативным многообразием того, «на что может указывать метафорически используемое имя благодаря устанавливаемому, порою на нескольких основаниях, сходству с тем, что это имя называет в основном своем значении» [4, с. 133]. Среди данных оснований ведущими считаются «типичность того, что обозначается словом <...> доступность для восприятия, известность, практическая функциональность и т.п.» [Там же]. Данные многозначные меронимические наименования в системе имен существительных современного английского языка выступают активными производящими базами и входят в разные холо-меронимические иерархии.

Широкозначность имен представляет собой особую ценность, поскольку дает возможность установить направления нетаксономической классификации лексики, а именно, создает «основу для вхождения той или иной лексической единицы не только в какой-то лексический класс согласно ее категориальным характеристикам, но одновременно в множество лексических классов в качестве их периферийной зоны и формируют, по видимому, гораздо более многочисленные по сравнению с центральными звеньями семантические нити, скрепляющие индивидуальную бесконечность лексики в единую систему» [5, с. 116–117].

В применении к нашему материалу некоторые из некатегориальных семантических признаков значения меронимических имен существительных современного английского языка могут быть положены в основу их перекатегоризации и привести к формированию, наряду с таксономическим классом меронимов в целом и холо-меронимов в частности, нетаксономических групп, в которых оказываются связанными разные по своей категориальной принадлежности предметы и явления. Так, благодаря наличию в лексических значениях холо-меронимов сем, передающих информацию о локативности, перцептивности, функциональности, второстепенности (функциональной или перцептивной) и т.п., в субстантивной системе английского языка взаимосвязанными оказываются такие семантические сферы, как живые существа (человек, животные и растения), артефакты, пространственный континуум и его области, абстрактные сущности и т.п. Обнаруженные нити, объединяющие холо-меронимические имена существи-

тельные самых разных денотативных областей, позволяют выявить общие принципы их членения. Например, деление пространства (реки, дороги и т.д.) происходит по принципу деления артефактов и живых существ (*bend* 1. 'изгиб дороги, реки', *branch* 1. 'ветка растения' – *branch* 5. 'ответвление дороги, реки', *fork* 1. 'вилы' – *fork* 3. 'развилка дороги, рукав реки', *mouth* 1. 'рот' – *mouth* 4. 'устье реки') и т.п.

Выявленные широкозначные холо-меронимы свидетельствуют также о том, что *перцептивная* значимость (*форма и размер*) и *функциональность* выделяемой части играют большую роль не только при делении тела человека и других живых существ или артефактов, но также природных объектов и пространственного континуума (гора, холм, река, дорога). Ср., например: *elbow* 1. 'the joint between the upper and lower parts of the arm where it bends' 'локоть', 2. 'the part of a piece of clothing that covers the elbow' 'локоть (одежды)', 3. 'a part of a pipe, chimney, etc. where it bends at a sharp angle' 'колени, изгиб (трубы)'; *crest* 1. 'the top part of a hill or wave' 'гребень горы или волны', 3. 'a group of feathers that stand up on top of a bird's head' 'гребешок, хохолок у птицы'.

Задачей следующего этапа исследования было установить, во всех ли своих лексико-семантических вариантах выявленные супер-меронимы обозначают часть.

Анализ многозначных меронимических имен существительных современного английского языка показал, что только 25 % от общего числа исследуемых лексем являются абсолютными меронимами, т.е. обозначают часть во всех своих ЛСВ. При этом количество значений в структуре слова не превышает цифру 3 (*hub* 1. 'центральная, важная часть чего-л.', 2. 'втулка колеса'; *periphery* 1. 'дальняя часть какой-л. пространственной области', 2. 'наименее важная часть чего-л.'; *thumb* 1. 'большой палец кисти руки', 2. 'большой палец перчатки, варежки'; *claw* 1. 'коготь животного, птицы', 2. 'клешня моллюска', 3. 'захват, тиски, зубец инструмента'; *roof* 1. 'крыша здания, транспортного средства', 2. 'свод пещеры, забоя', 3. 'небо, свод черепа'). Исключение составляют только 7 слов, которые развивают от четырех до восьми значений и выступают исконными, принадлежащими к ядру лексикона английского языка лексемами: *foot* 1. 'стопа', 2 ' подошва обуви', 3. 'основание чего-л.' и т.п.; *arm* 1. 'рука', 2 'рукав', 3. 'подлокотник', 4. 'плечо рычага' и т.п.; *leg* 1. 'нога', 2 'штанина', 3. 'ножка стола, стула', 4. 'этап путешествия' и т.п.; *neck* 1. 'шея', 2 'горловина (одежда)', 3. 'перешеек' и т.п.; *shoulder* 1. 'плечо человека', 2 'плечико (одежда)', 3. 'лопатка мясной туши', 4. 'обочина дороги' и т.п.; *breast* 1. 'женская молочная железа', 2 'грудь', 3. 'борт (одежда)' и т.п.; *wing* 1. 'крыло птицы', 2 'крыло самолета', 3. 'крыло здания' и т.п. Отметим, что абсолютно все полисеманты участвуют в разных холо-меронимических иерархиях безотносительно количества ЛСВ в своей семантической структуре и статуса в подсистеме.

Таким образом, в системе холо-меронимических имен существительных современного английского языка выявлены многозначные лексем, для

которых характерна супер-меронимия, позволяющая выявить одноименные названия целого или части в разных холо-меронимических структурах и тем самым проследить линии, по которым устанавливается меронимическая семантическая связь между обозначениями разных денотативных пространств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузьменко, Н. В.* Холо-меронимические структуры в системе имен существительных современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Кузьменко. – Минск, 2018. – 197 л.
2. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. – Date of access : 04.07.2019.
3. *Cruse, D.* Lexical semantics / D. Cruse. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1986. – XIV, 310 p.
4. *Харитончик, З. А.* Широкозначность производных компаративного типа / З. А. Харитончик // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Орёл, 10–11 окт. 2017 г. / Орл. гос. ун-т ; редкол.: О. Б. Абакумова (отв. ред.) [и др.]. – Орёл, 2017. – С. 130–135.
5. *Харитончик, З. А.* В поисках сущности имен. Избранное : сб. науч. ст. / З. А. Харитончик. – Минск : МГЛУ, 2015. – 252 с.

The article deals with the description of modern English polysemantic holo-meronymic nouns. Our research reveals that polysemantic meronyms in their semantic structure contain links which connect different categories of objects and phenomena and help identify common principles of their division.

Поступила в редакцию 12.07.2019

Н. В. Курбаленко, Е. А. Гирко

КАУЗАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ ВОЛЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В НЕМЕЦКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

При выражении значения волевого воздействия немецкому языку свойственна, с одной стороны, полифункциональность отдельных каузативных конструкций, например, организуемых глаголом *lassen*, с другой стороны – тонкая дифференциация данного значения. Как следствие, группа глаголов волевого воздействия представлена в немецком языке целым рядом разнообразных по своей семантике глаголов, в то время как в белорусском языке данная группа не так многочисленна. Каузативные конструкции немецкого языка отличаются также более высокой степенью вариативности грамматического оформления своих компонентов по сравнению с каузативными конструкциями белорусского языка.

Многие лингвисты отмечают, что в классе каузативных глаголов (КГ) особое место занимает группа глаголов со значением волевого воздействия. Однако в настоящее время нет единой терминологии, обозначающей данный класс глаголов, мало изучены их семантико-синтаксические свойства, не достаточно исследованы каузативные конструкции (КК) с данным типом глаголов, разнятся мнения относительно того, какие глаголы следует причислять к рассматриваемой группе.

Так, согласно Е. А. Дадуровой, значение волевого воздействия в русском языке передается небольшой группой глаголов, в состав которой исследователь включает наряду с глаголами *приказать*, *велеть* и *просить* также такие глаголы, как *дать*, *заставить*, *позволить* и *принудить* [1]. С точки зрения Е. Я. Гордон, глаголы типа рус. *велеть*, *принуждать*, *заставлять*, *приказать*, *позволять* и *дать* следует отнести к собственно КГ, в которых семантика каузативности не осложнена другими лексическими значениями [2, с. 11–12].

В этой связи целесообразно обратиться к классификации КГ В. П. Недялкова и Г. Г. Сильницкого. Основываясь на том, какие элементы каузативной ситуации входят в семантику КГ, исследователи выделяют следующие три группы:

1) глаголы, выражающие только каузативные отношения (*вынудить*, *добиться* и т.д. (= каузировать, сделать так, чтобы)). Такие глаголы одноконстантны, это так называемые каузативные связки.

2) глаголы, обозначающие каузативные отношения и каузирующее действие (*приказать* = каузировать приказом, *просить* = каузировать просьбой и т.д.). Это двухконстантные инструментальные глаголы.

3) глаголы, обозначающие каузативные отношения и каузируемое действие (*смешить* = каузировать смех, *убить* = каузировать смерть и т.д.). Это двухконстантные результативные глаголы [3, с. 8–9].

Становится очевидным, что глаголы волевого воздействия, выделяемые многими лингвистами, представляют собой неоднородную по своему составу группу, т.к. к ним можно отнести и глаголы-связки, обозначающие только отношение каузации (или, в другой терминологии, собственно КГ типа рус. *заставить*), и глаголы, выражающие наряду со значением каузации еще и способ каузации (это так называемые глаголы речевой каузации типа рус. *приказать*).

Можно также утверждать, что построенная на универсальной схеме каузативной ситуации семантическая классификация КГ В. П. Недялкова и Г. Г. Сильницкого носит универсальный характер и может стать эталоном при описании разных языков.

Как показывают предыдущие исследования, каузацию волевого воздействия в немецком языке могут выражать глаголы речевой каузации типа *befehlen*, *bitten*, *raten*, *verbieten* и др. [4, с. 22–24], а также собственно КГ типа *bewegen*, *bringen*, *lassen*, *veranlassen*, *zwingen* и др. [5, с. 86].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей выражения каузативных отношений в немецком и белорусском языках на примере глаголов волевого воздействия.

Материалом исследования послужили примеры КК с глаголами волевого воздействия, извлеченные методом сплошной выборки из немецкоязычных художественных произведений и их переводов на белорусский язык.

В анализируемых немецкоязычных произведениях были обнаружены КК со следующими глаголами речевой каузации *befehlen*, *bitten*, *fordern* и его производными (*anfordern*, *auffordern*, *herausfordern* и др.), *verbieten*, *verlangen*, *untersagen* и *warnen*, для которых характерны разные значения: требования, просьбы, запрета, предостережения и пр.: *Sie zeigte mir Frauen, mit denen zu tanzen sie mich aufforderte* ... [6]; ... *darf ich Sie vielleicht bitten*, ... *sich in das andere Zimmer hinüber zu bemühen?* [7]; *Sie hatte verboten*, einen andern Arzt rufen zu lassen [Там же]; ... *denn streng wurde unserem Kleinen ... untersagt*, sich auch nur zu räuspern [8].

Группа собственно КГ представлена в нашей выборке глаголами *bringen*, *drängen*, *erlauben*, *gestatten*, *lassen*, *nötigen*, *treiben*, *veranlassen* и *zwingen*: *Diesmal gelang es mir endlich, ihn zum Sprechen zu bringen* [6]; *Du gestattest*, daß ich mit meiner Suppe schon anfangen? [9]; ... *indem er [der Künstler] sie [die Landeskinder] nötigte*, englisch und französisch vorgebrachte Ziffern zu verdolmetschen [8]; *Dies Wissen, dies schlechte Gewissen ... veranlaßt die meisten «Selbstmörder» zu einem dauernden Kampf gegen ihre Versuchung* [6].

Самым употребительным в группе собственно КГ является глагол *lassen*.

Анализ переводов немецких КК с глаголами волевого воздействия показал, что КК, организуемые немецкими глаголами речевой каузации, переводятся при помощи эквивалентных им глаголов речевой каузации белорусского языка: *Ich bitte Sie, mit mir zu sprechen* ... [7]; *Я прашу вас пагаварыць са мною* ... [10]; *Sie bestellte ein belegtes Brot und befahl mir, es zu essen* [6]; *Заказала бутэрброд і загадала мне з'есці яго* [11]; *Meine Mutter ... verbot mir, zu den Kindern zu sprechen* ... [12]; *Маці ... забараніла мне размаўляць з іх дзецьмі* ... [13]; ... *klagende Hörner warnten vor Todesgefahr* ... [9]; ... *жалобнае дудзенне рагоў напярэджвала аб смяротнай небяспецы* ... [14].

Иногда в переводе используется другой способ речевой каузации, ср.: *Ich erinnere mich noch genau daran ... wie ich meine Tante davor warnte, auf diese Bedingung einzugehen* [6]; *Добра памятаю ... як я напайў цётцы не згаджацца на такую ўмову* [11].

При сопоставлении немецких КК с собственно КГ с их переводами было выявлено, что в белорусском языке данная группа очень малочисленна по сравнению с немецким языком и представлена глаголами *прымусіць*, *дазволіць* и *даць*: ... *ich wollte sie zwingen, deutlich zu werden* ... [7]; *Я хацеў прымусіць яе выказацца выразней* ... [10]; *Und das Leben hat mir nur erlaubt, eine Kurtisane von leidlich gutem Geschmack zu werden* ... [6]; *А жыццё толькі і дазволіла мне зрабіцца куртызанкай з больш-менш добрым густам* ... [11].

Следует отметить, что несмотря на инвариантность выражаемого каузативного значения, группа собственно КГ не однородна, т.к. у одних глаголов каузативное значение является единственным и контекстуально свободным, в то время как у других глаголов данное значение представляет собой один из многих лексико-семантических вариантов многозначного слова, реализуемый в соответствующем контексте. Так, в немецком языке к глаголам, которым присуще только значение каузативности, можно отнести глаголы *nötigen*, *zwingen* и *veranlassen*, в белорусском языке – *дазволіць* и *прымусіць*.

Во вторую подгруппу входят полисемантические глаголы, имеющие помимо каузативного, ряд других значений. Так, сосуществование каузативного значения наряду с другими характерно для немецкого глагола *lassen*, которому присущи также некаузативные значения: ‘оставлять’/‘покидать’ и ‘пускать’: 1) *Sie ließ das Auto auf der Straße* ‘Она оставила машину на улице’; 2) *Der Junge ließ den Hund aus dem Haus* ‘Мальчик выпустил собаку из дома’. Однако в составе инфинитивных конструкций *lassen* реализует другие специфичные для него каузативные значения: 1) ‘побуждать’, ‘заставлять’ и 2) ‘позволять’, ‘разрешать’.

Как пишет Е. Я. Гордон, «... в выражении *дать понять* глагол *дать* потерял свое лексическое значение, выполняет связочную функцию» [2, с. 16]. В белорусском языке к глаголам, реализующим значение каузативности в составе определенных синтаксических структур, также можно отнести глагол *даць*.

Как показывает наше исследование, для перевода немецких КК с собственно КГ, особенно с глаголом *lassen*, используются не только собственно КГ белорусского языка, эквивалентные *lassen* (*прымусіць*, *дазволіць* и *даць*), но и белорусские глаголы речевой каузации:

1) собственно КГ: ... *da Sie mich hier nutzlos meine Zeit versäumen lassen...* [15]; ... *наколькі Вы прымушаеце мяне дарэмна траціць тут час ...* [16]; ... *[er] ließ sich von den Frauen bis zur Türe führen...* [15]; ... *дазваляў ім давесці сябе да дзвярэй ...* [16]; ... *wir lassen ihn [Harry] seinen Weg allein weitergehen* [6]; ... *мы даём яму адзінока ісці далей ягонай дарогай* [11];

2) глаголы речевой каузации: ... *als wir ... uns von dem zuständigen Kellner einen Tisch anweisen ließen* [8]; ... *калі мы ... напрасілі мэтрдатэля паказаць нам вольны столік* [17]; *Wir ... ließen ... nicht nur unseren Tisch, sondern auch die Nachbartische für das bevorstehende Match im vorausreservieren* [18]; *Мы ... напрабавалі пакінуць ім на матч не толькі наш столік, але і ўсе суседнія ...* [19]; *Dorthin also ließen wir unsere Sachen bringen ...* [8]; *Туды-то мы і загадалі перанесці нашы рэчы ...* [17].

Примеры использования собственно КГ белорусского языка для перевода немецких глаголов речевой каузации единичны: ... *es gab keine Macht in der Welt, die von mir verlangen konnte, nochmals eine Selbstbegegnung mit ihren Todesschauern und nochmals eine Neugestaltung, eine neue Inkarnation durchzumachen ...* [6]; ... *ніякая сіла на свеце не прымусіць мяне яшчэ раз*

задрыжаць перад смерцю ад жаху, яшчэ раз перарадзіцца і пераўвасобіцца ... [11]; *Sie zu besuchen oder auch nur zu wissen, wo sie wohne, war mir noch immer verboten* [6]; *Наведваць яе альбо хоць бы ведаць, дзе яна жыве, мне ўсё яшчэ не было дазволена* [11].

Кроме того, как показывает наша выборка, для перевода КК с собственно КГ немецкого языка могут использоваться такие белорусские глаголы, как *казаць, гаварыць* и др.: *Aber tanzen lernen ließen sie mich nicht...* [7]; *А вучыцца танцаваць яны мне не казалі...* [10]; ... *ich habe ihn zwingen müssen, mit der «Anna Katharina» abzufahren* [9]; ... *я ледзьве яго ўгаварыў адплысці на «Ганне-Катарыне»* [14].

Любопытно, что при переводе немецких глаголов речевой каузации также могут использоваться глаголы, приобретающие значение речевой каузации в соответствующем контексте: *Welche Stimme befiehlt mir, dich nicht Enkel zu nennnen?* [9]; *Які голас мне гаворыць не называць цябе сваім унукам?* [14].

Как отмечает Е. Я. Гордон, некоторые глаголы, не имеющие каузативного значения, принимают в тексте значение каузации, например, в русском языке: *Он сказал ему выйти* (= Он велел ему выйти) [2, с. 16–17]. Соответственно, как показывает наше исследование, в белорусском языке с такой целью могут использоваться глаголы *казаць, гаварыць* и др.

Следует также отметить, что многие немецкие собственно КГ не имеют аналогов среди белорусских КГ. Как следствие, переводчикам приходится передавать выражаемое такими глаголами значение каузации при помощи других возможностей белорусского языка, ср.: *Diesmal gelang es mir endlich, ihn zum Sprechen zu bringen* [6]; *Гэтым разам мне нарэшце ўдалося падбіць яго на гутарку* [11]; ... *trotzdem es ihn [Gregor] eigentlich ungeheuer drängte, unterm Kanarree vorzuschießen ...* [15]; ... *хоць яго так і карцела выскачыць зпад канапы ...* [16].

При переводе немецких КК с собственно КГ активно употребляется белорусский глагол *мусіць* и его производные: *Mensch und Wolf würden genötigt sein, einander ohne fälschende Gefühlsmasken zu erkennen ...* [6]; *Чалавек і воўк мусілі б спазнаваць адзін аднаго без фальшывых эмацыйных масак ...* [11]; ... *ließen sie einen warten...* [18]; ... *вас вымушалі чакаць ...* [19]; ... *es müssen ernste Gründe sein, die ihn veranlaßt haben, die Feier abzusagen ...* [9]; ... *павінны быць сур'ёзныя прычыны, якія змусілі яго адмовіцца ад урачыстае вячэры ...* [14].

Необходимо также отметить, что иногда КК немецкого языка с собственно КГ переводились на белорусский язык при помощи других языковых средств, при этом значение каузации утрачивалось: *Nie wird dieser Kerl ernsthaft werden, dachte ich, alles bringt ihn zum Lächeln* [6]; *Ніколі гэты хлопец не пасур'эзнее, падумаў я, усё яму – смешкі* [11]; ... *das [das Zigarrenaroma] eine Stunde später noch Fähmels Vater zu einem aufgeregten Schnuppern veranlaßte* [9]; ... *пах дыму ад цыгары, да якога гадзіну пазней з захапленнем прынюхваўся Фэмелеў бацька* [14]; *Aber Czentovic ließ sich keineswegs drängen* [18]; *Чэнтавіч, аднака, не хацеў спяшацца* [19].

Изучение компонентного состава КК с глаголами волевого воздействия показало, что в качестве субъекта каузации при всех анализируемых глаголах употребляются одушевленные имена существительные или заменяющие их личные местоимения. Только при собственно КГ немецкого и белорусского языков возможны в качестве субъекта каузации также различные неодушевленные имена существительные, обозначающие события, абстрактные сущности, предметы и др.: ... *dass wichtige Ereignisse mich zwingen, mein Frühstück zu kündigen* [9]; *Што надзвычай важныя акалічнасці прымушаюць мяне адмовіцца ад маіх сняданняў* [14]; ... *die Ferne der Jahre erlaubt mir wohl das Vertrauen eines Gespräches zu nutzen...* [7]; ... *даўнасць дазваляе скарыстаць давер, аказаны мне ў час аднае размовы...* [10]; ... *es war, als ob er jedesmal mitten im leeren Zimmer an eine unsichtbare Schranke stieße, die ihn nötigte umzukehren* [18]; ... *нібы кожны раз натыкаўся на нябачную сцяну, і яна прымушала яго паварочваць назад* [19].

Значение каузации волевого воздействия в немецком и белорусском языках реализуется только в КК с одушевленным объектом. В зависимости от КГ, его управления, объект каузации может быть выражен именем существительным в винительном или дательном падежах: *Wir hatten ihn genötigt, sich wenigstens räumlich auf eine Ebene mit uns zu begehen* [18]; *Мы прымусілі яго паставіцца да нас, як да роўных* [19]; ... *und ich erlaubte euch, sie [die Schilfhütten] zu verbrennen* [9]; ... *і я дазваляла вам іх паліць* [14].

В немецких КК с глаголом *lassen* объект каузации может быть еще выражен предложно-именной группой с предлогами *von*, *durch* и реже *bei*. Данный способ оформления объекта каузации помогает избежать недоразумений, возникающих в случае выражения обоих объектов (объекта каузации и объекта каузируемого действия) именами существительными в винительном падеже. Белорусским КК, эквивалентным КК с глаголом *lassen*, не присуще такое многообразие средств выражения объекта каузации. Как следствие, при переводе может произойти изменение количественного состава КК: *Und so ließ sie [Grete] sich von ihrem Entschlusse durch die Mutter nicht abbringen ...* [15]; *Гэтак вось яна не дазволіла маці змяніць першапачатковае сваё рашэнне...* [16]. Или используются иные языковые средства: *Nachdem er Mirko bei dem Dorfbarbier die struppigen strohblonden Haare hatte schneiden lassen, um ihn einigermaßen präsentabel zu machen ...* [18]; *З дапамогаю вясковага цырульніка Мірка прывялі ў больш-менш прыстойны выгляд, абрэзаўшы саламяныя валасы ...* [19].

Кроме того, объектом каузации может быть сам субъект КК. Чаше субъектная каузация реализуется в КК с глаголом *lassen*, реже в КК с глаголами *erlauben* и *zwingen*. Объект каузации выражается в таких случаях при помощи возвратного местоимения. Субъектная каузация характерна и для собственно КГ белорусского языка, эквивалентным выше названным немецким КГ: *Nun ließ er sich gegen die Rücklehne eines nahen Stuhles fallen ...* [15]; *Цяпер ён дазволіў сябе ўпасці на спінку крэсла ...* [16]; *Noch einmal zwang ich mich sachlich – ja fast ironisch zu sein* [7]; *Яшчэ раз прымусіў я сябе прыняць дзелавы, амаль іранічны тон* [10].

Любопытно, что в КК с глаголом *lassen* часто имеет место эллипсис объекта каузации, как и в эквивалентных ему КК белорусского языка: *Aber die Schwester ließ sich nicht unterbrechen* [20]; *Сястра не дазволіла перабіць сябе* [21].

Самой распространенной структурой в немецком и белорусском языках является инфинитивная КК. Однако в немецком языке как глаголы речевой каузации, так и собственно КГ (кроме *lassen*) способны образовывать КК не только с инфинитивом другого глагола, но и с именем существительным, а также с придаточным предложением: *Ich erinnere mich noch genau daran ... wie ich meine Tante davor warnte, auf diese Bedingung einzugehen* [6]; ... *klagende Hörner warnten vor Todesgefahr ...* [9]; *Keine Ahnung warnte sie, daß oben im vielverzweigten Dunkel jedem ihrer Schritte gefolgt wurde ...* [20].

КГ белорусского языка организуют преимущественно инфинитивные КК, что наглядно демонстрируют примеры переводов немецких КК на белорусский язык: ... *er zwang sich zur Ruhe ...* [9]; ... *парцье прымуціў сябе паспакайнець ...* [14]; *Mein Papa hat verboten, daß ich hier lerne...* [20]; *Tata забараніў мне займацца* [21]. Хотя возможны и другие варианты: *Aber er ließ sich nicht von ihr mißhandeln ...* [20]; *Але ён не дазволіць, каб з ім так абыходзіліся* [21]; ... *sie [meine Eltern] haben mich Latein und Griechisch und all das Zeug lernen lassen* [6]; ... *яны змушалі мяне да латыні і грэцкай і ўсё такое* [11].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Каузацию волевого воздействия могут выражать как глаголы речевой каузации типа нем. *befehlen, bitten, verbieten, warnen* и др.; бел. *забараніць, загадаць, патрабаваць, прасіць* и пр., так и собственно КГ, к которым в немецком языке относятся глаголы *bringen, drängen, erlauben, gestatten, lassen, nötigen, treiben, veranlassen* и *zwingen*, в белорусском языке такими глаголами являются *прымуціць, дазволіць* и *даць*. Отличительной чертой каузации с глаголами волевого действия является то, что она реализуется только в КК с одушевленным объектом.

КК с рассматриваемыми глаголами демонстрируют как общие, так и специфические черты в сопоставляемых языках. Так, только при собственно КГ субъект каузации может быть одушевленным и неодушевленным, в то время как субъект глаголов речевой каузации всегда одушевленный. Языковая же специфика проявляется в том, что в немецком языке корпус собственно КГ шире, чем в белорусском языке, а также в разных возможностях грамматического оформления таких компонентов КК, как объект и результат каузации.

Немецкие КК с глаголами речевой каузации переводятся на белорусский язык с помощью аналогичных им глаголов речевой каузации. Однако для перевода собственно КГ немецкого языка используются не только эквивалентные им собственно КГ белорусского языка, но и белорусские глаголы речевой каузации. Для выражения речевой каузации в белорусском языке могут быть также задействованы глаголы типа *казаць, гаварыць* и др., приобретающие значение каузации в определенном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дадуева, А. Е.* Общая характеристика каузативных глаголов / А. Е. Дадуева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://vestnik.sib-sutis.ru/uploads/1309329807_1064.pdf. – Дата доступа : 15.12.2018.
2. *Гордон, Е. Я.* Каузативные глаголы в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. Я. Гордон. – АПН СССР, НИИ преподавания рус. яз. в нац. школе. – М., 1981. – 23 с.
3. *Недялков, В. П.* Типология каузативных конструкций / В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. – Л. : Наука, 1969. – С. 5–19.
4. *Князева, Т. А.* Семантическая структура предложений с глаголами каузации волевого действия в современном немецком языке / Т. А. Князева // Проблемы семантики простого предложения. – Иркутск : Иркутск. гос. пед. ин-т, 1985. – С. 22–31.
5. *Курбаленко, Н. В.* Способы отражения каузативных отношений в современном немецком языке / Н. В. Курбаленко // Вестн. МГЛУ. Серия 1, Филология. – 2012. – № 6. – С. 80–89.
6. *Hesse, H.* Der Steppenwolf / H. Hesse [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://bookscafe.net/read/hesse_hermann-der_steppenwolf-142375.html#p1. – Дата доступа : 15.01.2019.
7. *Zweig, S.* Der Amokläufer / S. Zweig [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://originalbook.ru/der-amoklaufer-stefan-zweig-deutsch-amok-stefan-tsvejg/>. – Дата доступа : 15.01.2019.
8. *Mann, T.* Mario und der Zauberer / M. Mann [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bookfi.net/book/2207404>. – Дата доступа : 15.01.2019.
9. *Böll, H.* Billard um halb zehn / H. Böll. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2005. – 336 S.
10. *Цвэйг, С.* Амок / С. Цвэйг [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://knijku.ru/books/amok>. – Дата доступа : 15.01.2019.
11. *Гесэ, Г.* Стэпавы воўк / Г. Гесэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://bookscafe.net/read/gesse_german-stepavy_vouk-251936.html#p1. – Дата доступа : 15.01.2019.
12. *Zweig, S.* Brief einer Unbekannten / S. Zweig [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://originalbook.ru/brief-einer-unbekannten-stefan-zweig-deutsch/>. – Дата доступа : 15.01.2019.
13. *Цвэйг, Ш.* Пісьмо незнаёмкі / Ш. Цвэйг [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://e-libra.ru/read/81030-pis-mo-neznakomki.html>. – Дата доступа : 15.01.2019.
14. *Бёль, Г.* Більярд а палове дзiesiąтай / Г. Бёль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://knihi.com/Hienrych_Biol/Biljard_a_palovie_dziesiataj.html. – Дата доступа : 28.04.2018.
15. *Kafka, F.* Die Verwandlung / F. Kafka [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://imwerden.de/pdf/kafka_die_verwandlung.pdf. – Дата доступа : 15.04.2018.

16. *Кафка, Ф.* Ператварэнне / Ф. Кафка [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.vuchoba.org/franc-kafka-franz-kafka.html>. – Дата доступу : 28.04.2018.
17. *Ман, Т.* Марыю і чараўнік / Т. Ман [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://knigosite.org/library/read/77823>. – Дата доступу : 15.01.2019.
18. *Zweig, S.* Schachnovelle / S. Zweig [Электронны рэсурс]. – Режим доступа : <http://www.stefanzweig.de/arbeiten/schachnovelletext13.pdf>. – Дата доступа : 15.04.2018.
19. *Цвэйг, Ш.* Шахматная навэла / Ш. Цвэйг [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://knihi.com/Stefan_Cvajh/Sachmatnaja_navela.html. – Дата доступа : 14.04.2018.
20. *Zweig, S.* Brennendes Geheimnis / S. Zweig [Электронны рэсурс]. – Режим доступа : <http://www.rulit.me/books/brennendes-geheimnis-read-266242-2.html>. – Дата доступа : 15.04.2018.
21. *Цвэйг, Ш.* Пякучая таямніца / Ш. Цвэйг [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://knihi.com/Stefan_Cvajh/Piakucaja_tajamnica.html. – Дата доступа : 14.04.2018.

The analysis of the verbs of volitional action in German and Belarusian allows to reveal the peculiarities of the verb usage in these languages, to describe morphological, structural and semantic characteristics of the components in causative constructions formed by the analyzed verbs, and to determine similarities and differences in expressing volitional causation between typologically different languages.

Поступила в редакцию 02.07.19

Н. В. Фурашова, В. Д. Янкова

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ КОНСТРУКЦИЙ-НЕОЛОГИЗМОВ [...] -ALDI И ALDI [...]

В статье представлены результаты исследования двух словообразовательных конструкций-неологизмов – [...] -Aldi и Aldi [...], в которых за компонентом *Aldi* признан статус полуаффикса. Материал для анализа был отобран из авторитетного корпуса немецкого языка, семантический анализ основывался на контекстах, извлеченных из данного корпуса. На примерах продемонстрировано, как у компонента *Aldi* и, соответственно, у конструкций [...] -Aldi и Aldi [...] формируется обобщенное словообразовательное значение, но самое главное – как отдельные реализации данных конструкций, т.е. конструкторы, объективируют (противоречивое) содержание совокупной концептуальной структуры ALDI, что выявляет закономерности формирования их значений. В целом, конструкции [...] -Aldi и Aldi [...] приобретают статус определенного инструмента в языковом сознании говорящих на немецком языке.

Неологический бум, переживаемый немецким языком на современном этапе, проявляется не только в возникновении новых лексем или новых значений уже существующих лексем, но и в интенсификации явлений, известных как грамматикализация, в данном случае – полуаффиксация. Если

до сих пор примеры таких явлений были «штучными», то сегодня исследователь имеет возможность наблюдать данные процессы онлайн на целом ряде лексических единиц (более подробно о неологическом буме см. [1; 2]). Одной из таких единиц является наименование немецкого дискаунтера Aldi, которое – что свойственно пока только ему – употребляется в двух функциях: как частотный первый (левый) и как частотный второй (правый) компонент сложных слов.

Источником языкового материала для данного исследования послужил корпус немецких текстов COSMAS II (Corpus Search Management and Analysis System) [3], в базе данных которого на данный момент содержится около 55,7 млрд словоформ. При этом необходимо пояснить, что в анализируемых конструкциях часть [...] репрезентирует открытый слот, который заполняется конкретным лексическим материалом. Такая единица является конструктом, т.е. конкретной реализацией обобщенной конструкции. Из указанного корпуса было извлечено 76 конструктов для [...]Aldi и 2205 – для Aldi-[...].

На следующем этапе исследования в корпусе отобранного материала были выявлены конструкты с переосмысленным и с не переосмысленным компонентом *Aldi*. Примеры употребления данного компонента в его прямом значении: *Aldi-Buch* ‘книга о дискаунтере Aldi’, *Hauptbahnhof-Aldi* ‘дискаунтер Aldi, расположенный на центральном вокзале или вблизи его’. Интерес для исследования представляют конструкты с переосмысленным значением лексемы *Aldi*, т.к. именно семантические преобразования компонента *Aldi* в их составе дали создателям словаря неологизмов Института немецкого языка [4] основания для признания становления конструкций Aldi-[...] и [...]Aldi с соответствующим словообразовательным значением и статуса словообразовательной единицы у компонента *Aldi* – как полупрефикса или полусуффикса соответственно.

Таким образом, целью данного исследования и стало выявление семантических модификаций, которые послужили основанием для признания за компонентом *Aldi* такого статуса. Источником материала для семантического анализа стали контексты, извлеченные из указанного выше корпуса, а основным методом – контекстуальный, так как в словаре дефиниции конструктов не приводятся.

Лексическая единица *Aldi* является нейтральной номинацией продовольственного дискаунтера и образована способом контаминации из *Albrecht-Discount* – дискаунтер, который принадлежит братьям Карлу и Тео Альбрехт. При этом Альди – не единственный дискаунтер подобного рода в Германии. К этой категории можно отнести торговые сети Lidle, Nette и др. Однако именно он получил в концептуальной системе жителей Германии особую выделенность, что и дало толчок языковым процессам, которые будут описаны ниже.

Конструкция *Aldi-[...]* имеет, согласно словарю [4], значение «**von geringem Anspruch und daher preisgünstig, was mit dem Lebensmitteldiscounter Aldi in Verbindung gebracht wird**» ‘**без особых претензий и поэтому дешево,**

что ассоциируется с дискаунтером Альди. Выделенные компоненты дефиниции, извлеченные из совокупной концептуальной структуры, стоящей за лексической единицей *Aldi*, стали основанием для формирования ее обобщенного, абстрактного значения в составе, например, следующих конструкторов: *Aldi-Airline*, *Aldi-Apotheke*, *Aldi-Auto*, *Aldi-Bäcker*, *Aldi-Bank*, *Aldi-Diplom*, *Aldi-Flieger*, *Aldi-Gastronomie*, *Aldi-Grabstein*, *Aldi-Klinik*, *Aldi-Patient*, *Aldi-Rasen*, *Aldi-Tankstelle*, *Aldi-Zahnarzt*.

При этом, однако, следует отметить, что в словарной дефиниции анализируемой конструкции отсутствуют важные компоненты концептуальной структуры, которые получают объективацию в значении многих других конструкторов, например: *Die "Aldi-Bank", wie sie in der Branche genannt wird, arbeitet nicht nur kostengünstiger, sie kann den Kunden auch bessere Konditionen und geringere Gebühren anbieten. Dafür darf der Kunde aber keine allzu komplizierten Fragen stellen* ‘Альди-банк, как он называется в своей сфере, не только работает экономичнее, он может предложить клиентам лучшие условия и более низкие взносы. Однако при этом клиент не может задавать слишком сложных вопросов’. Если компоненты контекста *kostengünstiger* ‘дешевле’, *geringere Gebühren* ‘более низкие взносы’, *keine allzu komplizierten Fragen stellen* ‘не задавать очень сложные вопросы’ соответствуют дефиниции конструкции *Aldi-[...]*, то важный компонент концептуальной структуры, который отражен в семантическом компоненте *bessere Konditionen* ‘лучшие условия’, в ней не зафиксирован. При этом он входит в значение и других конструкторов, например: *Aldi-Studium – gut und billig* ‘Альди-образование – хорошо и дешево’.

Другой семантический компонент, не зафиксированный в дефиниции конструкции, но являющийся основой значения конструкторов, – быстрый темп обслуживания в дискаунтере: *Das Aldi-Tempo strapaziert das Gemüt einer älteren Frau. Sie ist verwirrt. Es geht ihr zu schnell. Beim Einpacken der Aldi-Waren in ihre karierte Kunstledertasche sorgt sie für einen Stau. Das verunsichert sie noch mehr.* ‘Темп Альди напрягает пожилую женщину. Она сбита с толку. Для нее это слишком быстро. Упаковывая товары Альди в клетчатую сумку из искусственной кожи, она создает пробку. Это еще больше смущает ее’. С одной стороны, быстрота в обслуживании клиентов – позитивная оценка, с другой – реакцию покупательницы назвать положительной невозможно. Подобные противоречия – неотъемлемая часть образа дискаунтера *Aldi* в концептуальной системе членов немецкоговорящего социума.

Негативные ассоциации, входящие в данную концептуальную структуру, получают объективацию в ряде других контекстов и конструкторов, например: *Aldi-Zug* ‘поезд, который имеет какие-либо **технические неполадки** или **сбои в работе**’; *Aldi-Hochschule* ‘высшее учебное заведение, расположенное в старом здании, в котором **давно не производилось никаких ремонтных работ**’.

Более сложный концепт стоит за конструктором *Aldi-Kirche* ‘Альди-церковь’. С одной стороны, в полном соответствии с дефиницией значения конструкции это – церковь, предлагающая скромные услуги по низким

ценам, например: экономные варианты крестин, свадеб, погребений без органа, хорового сопровождения, без украшения алтаря цветами и под. С другой стороны, стремясь привлечь прихожан, особенно молодых, она старается учитывать изменяющиеся потребности общества, предлагая новые услуги типа *Martin-Luther-Fußball-Cup* ‘кубок по футболу в честь Мартина Лютера’, *Teilzeit-City-Theologen* ‘городской теолог по совместительству’, *Internet-Seelsorge* ‘духовная помощь по Интернету, забывая при этом о своей основной функции’.

Еще большую роль играют негативные ассоциации, связанные с дискаунтером *Aldi*, при формировании значения конструкта *Aldi-Kind*, который не вошел в иллюстративный материал конструкции *Aldi*[...] в словаре, но является высокочастотным. *Aldi-Kind* – это ребенок из не очень благополучной семьи, который носит дешевые вещи, а не фирменные, что для детей и молодежи очень важно, поэтому становится изгоем и даже подвергается травле (в противоположность *Armani-Kind* ‘Армани-ребенку’). Этот же негативный компонент привел к появлению у данного конструкта еще одного значения в контексте дискуссии об искусственном оплодотворении и о формировании в обществе отношения к ребенку как к продукту, который можно заказать за определенную цену: *Armani-Kind* ‘Армани-ребенок’ – ребенок, которого могут заказать богатые родители, *Aldi-Kind* ‘Альди-ребенок’ – ребенок, которого могут позволить себе бедные родители.

Необходимо также отметить, что исследуемые конструкты демонстрируют многозначность, которая развивается за очень короткий период, что является ярким свидетельством динамики современного немецкого языка, например:

– *Aldi-Gen* 1) желание работать в дискаунтерах *Aldi*; 2) качества, которые ценит руководство: честность, открытость, уважение, надежность; 3) склонность покупать дешевые продукты питания, которые при этом должны иметь хорошее качество;

– *Aldi-Zug* 1) стратегический ход продаж, подразумевающий наличие специальных предложений каждую неделю; 2) поезд, построенный из дешевых материалов и без больших затрат; 3) поезд, который имеет какие-л. технические неполадки или сбои в работе.

Приведенные примеры свидетельствуют, что концептуальная структура, стоящая за лексемой *Aldi*, включает как объективный опыт, так и противоречивые ассоциации и оценки разных членов немецкоязычного социума – как позитивные, так и негативные. Словарная дефиниция конструкции *Aldi*[...] отражает лишь небольшую часть этой структуры, остальные же (в первую очередь, оценочные) компоненты получают экспликацию и объективацию в значении различных конструктов.

Конструкция [...]–*Aldi*, где лексическая единица *Aldi* выступает вторым (правым) компонентом, имеет значение *Unternehmen, das – dem Lebensmitteldiscounter Aldi ähnlich – ein preiswertes und im Angebot reduziertes Sortiment anbietet* ‘предприятие, которое – подобно продоволь-

ственному дискаунтеру Aldi – предлагает **дешевый** и **ограниченный** ассортимент’, т.е. здесь зафиксированы те же компоненты концептуальной структуры, что и в дефиниции конструкции Aldi- [...], например: *Arznei-Aldi, Back-Aldi, Banken-Aldi, Baumarkt-Aldi, Buch-Aldi, Elektronik-Aldi, Festnetz-Aldi, Finanz-Aldi, Fitness-Aldi, Klamotten-Aldi, Krankenhaus-Aldi, Möbel-Aldi, Reise-Aldi, Schuh-Aldi, Telefon-Aldi*. Примеры демонстрируют расширение основной категориальной семы «продовольственный дискаунтер» и включение в категорию новых объектов (торговых (текстильный / строительный / мебельный / обувной магазин, булочная, магазин электроники), аптек, банков, больниц, тренажерных залов, турбюро, телефонных операторов и др.), а также услуг, в первую очередь, на основании признака «**дешевые** товары или услуги».

Однако и здесь анализ контекстов употребления конструкторов [...]Aldi позволяет выявить другие компоненты концептуальной структуры, связанной с данным дискаунтером:

– с одной стороны, хорошее качество предлагаемых товаров (*Schuh-Aldi wird er oft genannt, weil er sich bemüht, über die enorme Quantität <...>* ‘Его часто называют обувным Альди, потому что он пытается благодаря **особому качеству** <...>’); с другой стороны, невысокое их качество (<...> *denn Deichmann will nicht nur der Schuh-Aldi, sondern auch ein Anbieter hochwertiger Marken sein* ‘<...> т.к. Дайхман (обувной дискаунтер) не хочет быть просто обувным Альди, он хочет предлагать высококачественную обувь’);

– ограниченный сервис и незначительная роль консультаций в обслуживании клиентов (*Tiefstpreise für rezeptfreie Arzneien, bei eingeschränktem Service und geringerem Wert auf Beratung* ‘очень низкие цены на лекарства без рецепта врача при ограниченном сервисе и незначительной роли консультаций’);

– стремительное развитие дискаунтера и превращение его в культовый объект (*Aber ein Kultlabel wie Aldi ist Deichmann noch lange nicht* ‘Но до культового объекта, как Альди, Дайхману далеко’);

– искусство выживания, даже достижения успеха, в экономически трудное время и др.

Таким образом, значение словообразовательных конструкций Aldi- [...] и [...]Aldi формируется на базе основных компонентов концептуальной структуры, связанной с соответствующим продовольственным дискаунтером – **дешево, без особых претензий, с ограниченным ассортиментом**. Следует отметить субъективный, оценочный характер данных семантических компонентов. Однако значения многих конструкторов базируются не / не только на этих компонентах, а извлекают из совокупной концептуальной структуры ALDI множество других, например: **качество предлагаемых товаров, качество обслуживания** и др. Поскольку все это – субъективные оценочные компоненты, то совокупная, разделенная членами языкового сообщества концептуальная структура полна противоречий, которые проявляются в значении конструкторов.

Кроме этого, можно констатировать, что конструкции Aldi-[...] и [...]-Aldi представляют собой своего рода фрейминг, инструмент в языковом сознании говорящих на немецком языке, который дает им возможность представить в определенном свете или ракурсе явление, наименование которого помещается в открытый слот. Это своего рода формы, в которые отливается какое-либо содержание, чтобы придать ему определенную интерпретацию или оценку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фурашова, Н. В.* Неологизмы как источник знаний о новой культурной реальности и их роль в образовательном процессе (на материале немецкого языка) / *Н. В. Фурашова* // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 апреля 2015 г.). / отв. ред. Д. А. Крячков; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. – В 2 т. – Т. 1. – М. : МГИМО-Университет, 2015. – С. 661–666.
2. *Фурашова, Н. В.* О креативном использовании своих и чужих ресурсов в век неологизации (на материале немецкого языка) / *Н. В. Фурашова* // Изв. Смоленск. гос. ун-та. – № 1 (29), 2015. – С. 168–176.
3. COSMAS II. Institut für deutsche Sprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2eb/faces/investigation/archive.xhtml>. – Дата доступа : 02.02.2019
4. Neologismenwörterbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.owid.de/>. – Дата доступа : 04.05.2018.

The article presents the results of the study of two new constructions – [...]-Aldi and Aldi-[...] in which, behind the component of Aldi, the status of a semi-affix is recognized. The material for the analysis was selected from one of reputable corpuses of German; the semantic analysis was based on the contexts taken from this corpus. On the examples, it is shown how the component of Aldi and, respectively, the constructions [...]-Aldi and Aldi-[...], create the generalized word-formation value; but, most importantly – how separate realizations of these constructions, i.e. constructs, explicate a (contradictory) meaning of cumulative conceptual structures of ALDI, which reveals regularities of formation of their values. In general, the constructions [...]-Aldi and Aldi-[...] acquire the status of a certain tool in language consciousness of the speakers of German.

Поступила в редакцию 17.06.2019

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Н. А. Кохнович

ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ СТАТУТА ВКЛ 1588 г. ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
БЕЛОРУССКОЙ ШЛЯХТЫ О ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВЕ

В статье рассматривается функционирование ядерных лексем семантического поля «Честь» в тексте Статута ВКЛ 1588 г. Выделяются и описываются семемы 'высокое звание', 'репутация', 'почтение', 'целомудрие' и 'добродетель'. Устанавливается, что в Статуте 1588 г., описывающем исключительно шляхетскую картину мира, поле «Честь» структурировалось вокруг семемы 'высокий статус', при этом для данного поля характерна слитность «внешней» и «внутренней» семантики чести, а также вариативность и взаимозаменяемость ядерных лексем.

Честь как ценность, особый знак или система знаков, как элемент языковой картины мира неоднократно становилась объектом изучения филологов. Об актуальности этнолингвистических исследований лексики, относящейся к семантическому полю чести, свидетельствует издание в 2017 г. 5-го тома «Аксиологического лексикона славян и их соседей» с подзаголовком «HONOR» [1]. В белорусской лингвистике и шире – гуманитаристике – по-прежнему малоизученным остается развитие и изменение как семантического поля чести, так и системы представлений, стоящих за соответствующими фактами языка. *Объектом* настоящего исследования является семантическое поле чести в старобелорусском языке XVI в., а именно в варианте языка, представленном в Статуте ВКЛ 1588 г., а *предметом* исследования – ядерные компоненты интересующего нас семантического поля и основные структурные связи, образуемые ими.

Под семантическим полем (далее СП) мы понимаем «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [2, с. 99]. В данной статье мы опираемся на *методику* люблинской школы этнолингвистики Е. Бартминьского (далее ЛШ), применяемую в «Аксиологическом словаре», в частности, на этапе работы над текстами; при этом мы несколько модифицируем ее, принимая во внимание критику этой методологии, высказанную в рамках конферентии EUROJOS, а также некоторые положения Московской семантической школы (далее МСШ). В связи с этим мы стремимся описать семему как единицу плана содержания, что закономерно влечет за собой необходимость рассмотрения целого ряда близких по значению слов (*честь, почтливость, учтивость* и др.) в их структурных связях: синонимии, антонимии, гиперонимии и др., – установленных на основании выбранного корпуса текстов (в нашем случае это

текст Статута ВКЛ 1588 г.). Среди прочего мы рассматриваем также устойчивые подчинительные и сочинительные конструкции – коллокации и коллекции: последний термин определяется в рамках ЛШ как «собрание в повседневном, не научном понимании, т.е. ряд выступающих совместно предметов (событий, признаков), связываемых друг с другом по традиции либо на основании какой-то одной точки зрения» [3, с. 80]. В своем описании СП чести мы также выделяем некоторые специфические для данного поля семантические отношения – фасеты по ЛШ или специфические семантические корреляции по МСШ: условия утраты чести; условия повышения чести; реже – следствия чести.

Язык Статута ВКЛ 1588 г. становился объектом детального исследования в работах Ю. Ф. Мацкевич, М. М. Закарьян, Н. А. Новика, В. П. Мякишева и др. Однако ни разу СП чести вместе со стоящими за ним представлениями не попадало в фокус исследователей к качеству отдельной проблемы. Вместе с тем Статут ВКЛ в редакции 1588 г. дает богатый материал для такого анализа – более 100 контекстов, свыше десятка лексем: *честь, почтливость, учтивость, зацность, слава, мниманье*; названия действия, связанных с ущербом для чести – *ображенье, наганенье, приганенье* и др.

В статье 1967 г. «Об оппозиции “честь” – “слава” в светских текстах киевского периода» Ю. М. Лотман пишет: «Это был иерархический мир феодализма. Он принципиально охватывал не всех людей своего времени, а определенную – избранную – часть. Остальные находились вне классификации и как бы не существовали» [4, с. 112–113]. Это наблюдение применимо и к нашему материалу: именно шляхетское сословие было инициатором разработки Статута 1529 г. и его дальнейших редакций [5, с. 29–30]. Привилей на исключительное право Льва Сапеги издавать Статут ВКЛ 1588 г. – своеобразное предисловие к изданию – ясно называет адресата Статута: «славных и зацных панов» [6, с. 43]. Статуты ВКЛ, заложившие основу для дальнейшей эволюции прав человека, еще не позволяют говорить о чести и достоинстве как внесословных ценностях: всякий раз, когда речь идет о чести, имеется в виду исключительно честь пана, шляхтича.

Жанрово-стилистическая специфика Статута как текста заключается в его принадлежности к официально-деловому стилю, предполагающему точность терминов и клишированность формулировок. Однако, несмотря на то, что в Статуте 1588 г. присутствует ряд устойчивых формул с постоянным лексическим наполнением и синтаксическим строением [7, с. 67], имеет место и омонимия юридических терминов [8, с. 218]. Следует отметить и вариативность в плане выражения, в частности, взаимозаменяемость лексем *честь, поч(с)тливость и уч(с)тливость*: *честь тратить / почтливость тратить / учтивость шляхетскую тратить; судити о почтливость / отсуженье ч(с)ти; доткливыи почтливости и доброй славе /*

доткливыи славе и учтивости и т.д. Как известно, подобная вариативность является нормальной для старобелорусской лексики в целом (напр., см. [9, с. 59]).

В качестве основных единиц описания нами были выделены семемы, образующие основу семантического поля «честь» в языке Статута ВКЛ 1588 г., а именно ‘высокое звание’ и ‘репутация’. Также мы рассмотрим менее рельефно представленные ‘почтение’, ‘целомудрие’ и ‘добродетель’.

Как говорилось выше, наличие чести определялось принадлежностью к шляхте, если не равнялось этому статусу. В Статуте данная семема реализуется прежде всего в контекстах утраты, о чем свидетельствуют коллокации: *ити / дотыкати о честь; честь тратити; при чти зоставати; судити о почтивость / отсуженье ч(с)ти; ч(с)ти подвышенье; обвиненье почтивости* и др. Выражается данное значение при помощи синонимичных лексем *честь* и *поч(с)тивость* (29 и 25 словоупотреблений), в единичных случаях также словами *уч(с)тивость* и *зацность*. Нередко употребление дублетов в одном контексте: «Теж уставуем, хто бы кольвек с подданных наших утекл с паньства нашего до земли неприятельское умыслом злым на здраду а ку шкоде нам, господару, и речы посполитой, такой **честь** тратить. А дети ачкольвек для того выступу отца своего **почтивости** свое не тратять, але от имень отца своего отпадывають» (1.6 – здесь и далее в круглых скобках указываются раздел и артикул Статута 1588 г.).

На уровне текста Статута 1588 г. не удается выявить гипероним для названных лексем. Они выступают в коллекции со словами *горло* (‘жизнь’) и / или *именье* (‘имущество’), образуя, по всей видимости, триаду важнейших **прав** и **ценностей** шляхты, ср. вариации: *честь и/або/ани горло, почтивость и горло; именье и честь; при чсти, так и при именьях; почтивость, и вси именья, и маетность*. Отдельно стоит представить коллекции типа [*се карати*] *отсуженьем маетности, почтивостью, везеньем и выволаньем* – здесь лишение чести выступает наряду со смертной казнью, лишением имущества, реже – экстрадицией. В единичном случае лексема *честь* выступает рядом с выражением *стан* и имеет значение ценности, поддающейся преумножению, а поскольку единственным лицом, имеющим право присуждать или отсуждать честь, называется Великий Князь (3.26), то условием повышения статуса является служение Князю (1.7).

Основным условием утраты чести как высокого звания является нанесение субъекту, более высокому по рангу, ущерба, такого как предательство (*здрада, змова, стикненье, бунт* и т.п.), убийство (*забитье*) и даже оскорбление, если речь идет о Великом Князе (*ображенье маестату господарского*). Эта закономерность объясняет наказание в виде лишения чести за такие разные преступления, как пособничество в государственной измене (1.3), самовольная отлучка с поля боя без разрешения гетмана (2.10), убийство ребенком своих родителей (11.7) или убийство мужа застигнутым

им любовником (14.30). Основным отягчающим обстоятельством, т.е. дополнительным условием утраты чести, является неповиновение (например, случаи убийства на суде, рассмотренные в артикулах 4.7, 4.62, 4.63, или случаи бегства с места преступления в артикулах 1.9, 1.13 и др.), хотя возможны и другие, связанные с нарушением моральных норм – например, совершение убийства *зрадливим потаемным обычаем* (11.17). Таким образом, представление о социальной норме, лежащее в основе понятия чести, опиралось как на сословную иерархию, так и на общие этические принципы.

Выделение семемы ‘репутация’ представляется возможным главным образом благодаря выражениям с компонентом *слава* либо *мниманье*, который часто идет в паре со словом *почтивость* (реже – *учтивость* и ни разу – *честь*): *речи, почтивости и доброй славе доткливые; словы доткливыми славе и почтивости его зсоромотил; обовезавши словы такими, которые се почтивости и доброе славы дотычуть; слов яких, доткливых славе и учтивости; учтивости и доброму мниманью его то шкодити не маеть* и др. – здесь честь также предстает как ценность, находящаяся под угрозой.

Важно отметить, что это не континуанты древнерусского *честь и слава*, описанного Лотманом, а скорее кальки с латинского *honor et bona existimatio (a. fama)*, имеющиеся также в польском языке XVI века [10, s. 258]. Выступают ли в этих парах синонимы – или названия нетождественных ценностей? Сравним название и первую строку одной из статей закона: «Артыкул 26. Иж в позвех наших земских не маеть ништо ни на кого речей неучтивых и образливых доброй славе писати. // Теж уставуем, иж в позвех наших земских, которие их берутъ, не мають писати речей доткливых почтивости» (4.26), – очевидно, что здесь лексемы *почтивость* и *добрая слава* употреблены синонимически и относятся к одному и тому же субъекту.

Основным условием утраты чести как ‘репутации’ было оскорбление, (сущ. *примовка, обвиненье почтивости, ображенье, приганенье, уближенье*). Стоит отметить, что СП ‘оскорбление’ в Статуте и в целом в старобелорусском языке исключительно богатое и нуждается в отдельном исследовании.

При широкой представленности семемы ‘почтение’ в языке эпохи, для соответствующих лексем Статута не представляется возможным выделить сколько-нибудь регулярные синтагматические и парадигматические связи. В Статуте 1588 г. найдем весьма небольшое количество словоупотреблений, причем бóльшая их часть приходится не на существительные, а на глаголы: *почитати, учтити, заховати в достоинствах и учтивостях*, напр.: «...будь теж сторону, при них будущую, листы, мандаты, позвы ести

примусил и тым нас, господара, и зверхности наше не учстил» (1.24). Встречается выражение *везенье учстивое* (то же, что *везенье лжейшое*), а также наречие *учстиве*, напр.: «челядник, служывши ему, отстал от него учстиве», хотя значение последней лексемы в некоторых контекстах может быть истолковано через семемы ‘добродетель’ либо ‘целомудрие’: «Братья теж або стриеве и которые кольвек близкие, маючи сестры в опеце своей, покуль их замуж выдадут, мають их учстиве на всем ховати, держачи при них невесту старую статечную. А естли бы учстиве ховати не хотели, тогды таковые девки могут на части своей, с которое им выправа быти маеть, сами седети...» (5.9).

Собственно значение ‘целомудрие’, фиксируемое историческими словарями белорусского языка для лексемы *почтивость* (см., напр., [11, с. 140]) и сохранившееся вплоть до XX века за лексемой *чэсць*, в текстах Статута встречается редко и, как правило, имеет иной план выражения: *уч(с)тивость, чыстость, встыд*. Чаше встречаются антонимы: *вшетечность, вшетеченьство, спросность*; для описания неподобающего поведения используются также прил. *неучстивый, збытечный*, нар. *неучстиве, нерядне, вшетечне* и др.; сюда же следует отнести оскорбления *неучстивое матки / нечистого ложа (сын)*. Соответственно *вшетеченьство* является основным условием утраты чести. Одним из следствий утраты чести-целомудрия является потеря наследства (8.7). Субъектом чести в данном значении может быть только женщина; однако не всегда, когда речь идет о чести женщины, имеется в виду только ‘целомудрие’: «А где бы теж хто примовил которой учстивой белой голове шляхтянце, называючы ее вшетечницею, жебы у стане своем неучстиве се ховати мела, тогды таковым же правом, яко вышей в том артыкуле написано о том, сужоно и карано быти маеть» (3.28), – здесь речь идет одновременно и о целомудрии, и о принадлежности к высокому сословию.

Спорным является включение в старобелорусское СП «честь» такой семемы, как ‘добродетель’. Так, анализ языка Статута 1588 г. не дает оснований отнести лексему *цнота* к названному СП. При этом семантика моральности, порядочности угадывается в некоторых словоупотреблениях лексем *учстивый, учстивость, учстиве* (напр., *О спокойном и учстивом захованью при дворе нашем господарском; всякая учстивость и поважность, поволанью хрестияньскому належачая, была захована; учстиве се ховати*). В Привилее об утверждении Статута, подписанном 28 января 1588 года, появляется собирательное понятие *почстивое*: «...яко бы се [чоловек] за тым, што ест почстивого, завжды удавал, а што непочстивого, абы се того выстерегал». В Посвящении Статута Сигизмунду III возникает образ *чоловека почстивого*, широко представленный в польской культуре этой эпохи: «...в каждой речы посполитой човеку почстивому ничего не маеть

быти дорожшого над вольность»; «и прото люди почстивые не только маетности, але и горл своих против кождому неприятелю выносить не жалуютъ»; развитие темы находим в тексте одного из законов (3.27). Все это, а также единичные словоупотребления наподобие *порядок и скромность з учтивостью пристойною* и стандартные формулы присяги: *под верою под почстивостью и сумненем нашим; под обовязком присеги, под верою, честию и сумненьем нашим* – подтверждают существование связи между представлениями о чести и о таких понятиях, как совесть, вера, порядок, долг.

Исследователь С. М. Толстая писала о «внешней» и «внутренней» чести [12, с. 224], и выделенные в данной статье семемы ‘высокое звание’, ‘репутация’ и ‘почтение’ мы можем отнести к первому типу значений, а ‘целомудрие’ и ‘добродетель’ – ко второму. Очевидно, что язык Статутов отражает период формирования языка, когда развились уже оба типа значений, при этом более актуальной по-прежнему оставалась «внешняя» честь. С. М. Толстая указывала также на контексты «диффузного характера», которые могут охватывать сразу несколько аспектов (напр., *обесчестить девушку, затрагивать честь*) [12, с. 225]. Это замечание в наивысшей степени применимо к рассматриваемому нами материалу: вспомним такие спорные контексты, как *дотыкати почстивости и доброе славы; шкодити почстивости; учтивеве ховати; учтивая белая голова; под верою, честию и сумненьем нашим* и др. По всей видимости, для исследуемой нами эпохи характерна некоторая слитность представлений о чести как правовом статусе шляхтича и о чести как его самоощущении в соотношении с мнениями и утверждениями других людей. Поступки человека отождествлялись с мнением о нем, а мнение воспринималось как эквивалент подлинной ценности. Эта гипотеза подтверждается также формулировками законов, по которым на *наганенье* и *приганенье* необходимо было реагировать, доказывая свою принадлежность к шляхте (3.21), а также самим фактом многочисленных судебных разбирательств, связанных с оскорблениями и ведущих к разработке соответствующих статей закона.

Проведенный анализ текста Статута ВКЛ 1588 г. позволяет сделать ряд выводов:

1) как тексты позднефеодальной эпохи Статуты ВКЛ отражают перспективу и точку зрения шляхты; соответственно, реконструируемое здесь для старобелорусского языка семантическое поле чести отражает лишь шляхетский профиль данного концепта;

2) поле структурировалось вокруг ядерной семемы ‘высокий статус’; прочие семемы – ‘репутация’, ‘почтение’, ‘целомудрие’, ‘добродетель’ – представлены фрагментарно и являлись менее актуальными для текста официально-делового стиля и, возможно, для эпохи в целом;

3) СП чести была свойственна вариативность в плане выражения: ядерные лексемы *честь*, *почтливость* и *учтивость* во многих случаях были взаимозаменяемыми, различия в их сочетаемости зависели прежде всего от актуализации той или иной семемы в контексте;

4) уже в старобелорусском языке возникает представление о чести как внутреннем нравственном регуляторе; при этом рассматриваемое поле характеризуется определенной слитностью представлений о реальном статусе, внутреннем чувстве и о внешней угрозе этому статусу и чувству.

Данная статья представляет собой лишь первый шаг по изучению СП чести в старобелорусском языке; безусловно, должны быть сделаны дальнейшие шаги: описание других репрезентативных источников; установление этимологии важнейших устойчивых конструкций; анализ антонимического поля «оскорбление» и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / pod red. J. Bartmińskiego. T. 5: Honor–Lublin : UMCS, 2017. – 431 s.
2. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
3. Bartmiński, J. Założenia teoretyczne słownika / J. Bartmiński // Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny / J. Adamowski [et al.]. – Wrocław, 1980.
4. Лотман, Ю. М. Об оппозиции «честь» – «слава» в светских текстах киевского периода // Ю. М. Лотман. Избранные статьи. В 3-х т. / Таллин, 1992. – Т. II. – С. 111–126.
5. Дамарад, А. А. Эвалюцыя правоў шляхты Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. / А. А. Дамарад // Труды БГТУ (Научный журнал). – 2010. – Т. 18. – № 5. – С. 28–32.
6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Бел. сав. энцыкл. – Мінск. : Бел. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. – 570 с.
7. Паляшчук, Н. В. Кампазіцыя і змест заканадаўчых артыкулаў Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588: лінгвастылістычны аспект / Н. В. Паляшчук // Матэрыялы IX Міжнародных кнігазнаўчых чытанняў «Статут Вялікага Княства Літоўскага ў гісторыі культуры Беларусі» (Мінск, 18–19 красавіка 2013 г.) / Нацыянальная бібліятэка Беларусі; складальнікі: Т. А. Сапега, А. А. Суша. – Мінск, 2013. – С. 64–69.
8. Клімаў, І. П. Юрыдычная тэрміналогія ў Статуце ВКЛ 1588 г.: праблема вывучэння і апісання / І. П. Клімаў. – С. 212–220.
9. Лексіка старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы XIV – сярэдзіны XVI ст. / І. У. Будзько [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – 558 с.

10. Słownik polszczyzny XVI wieku / M. R. Mayenowa, K. Wilczewska. – Tom 25: Po–Podnożny. – Wrocław, 1997. – 501 s.
11. Падручны гістарычны слоўнік субстантыўнай лексікі. У 2 т. / склад І. У. Будзько [і інш.]; пад рэд. А. М. Булыкі. – Т. 2: П–Я. – Мінск, 2013. – 515 с.
12. Толстая, С. М. Русская ЧЕСТЬ и польский HONOR / С. М. Толстая // Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / pod red. J. Bartmińskiego. – Т. 5: Honor–Lublin : UMCS, 2017. – С. 223–236.

The article deals with the functioning of the core lexemes of the semantic field “honor” in the 1588 text of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania. The sememes ‘high status’, ‘reputation’, ‘respect’, ‘chastity’, and ‘virtue’ have been distinguished and described. It is established that in the Statute of 1588, which describes exclusively the gentry’s picture of the world, the semantic field of “honor” was structured around the ‘high status’ sememe and characterized by the fusion of the “external” and “internal” semantics of honor, as well as the variability and interchangeability of core lexemes.

Поступила в редакцию 01.07.2019

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А. А. Любчанка

РАСКРЫЦЦЁ ПРАБЛЕМЫ ЭКЗІСТЭНЦЫЯЛЬНАЙ АДЗІНОТЫ
Ў КАНТЭКСЦЕ АДКАЗНАСЦІ ЗА ЎЛАСНЫ ВЫБАР
(на прыкладзе рамана В. Казько «Неруш»)

У артыкуле на матэрыяле рамана В. Казько «Неруш» даследуецца праблема экзистэнцыяльнай адзіноты ў кантэксце адказнасці за ўласны выбар. У філасофскай парадыгме экзистэнцыялізму аналізуецца вобраз і матывацыя ўчынкаў галоўнага героя, уздзеянне на яго другарадных персанажаў. Звяртаецца ўвага на ролю сімвалічных вобразаў у раскрыцці праблематыкі рамана і асэнсаванне ў творы шэрагу іншых экзистэнцыяльных праблем: абсурднасці быцця, экзистэнцыяльнай закінутасці, выбару ў памежнай сітуацыі, адчужанасці.

Праблема экзистэнцыяльнай адзіноты з'яўляецца адной з маладаследаваных у літаратуразнаўстве, бо звычайна пры разглядзе экзистэнцыяльных пытанняў найбольшая ўвага звяртаецца выключна на праблему выбару і адказнасць за яго. *Мэта* нашага даследавання – раскрыццё праблемы экзистэнцыяльнай адзіноты ў кантэксце адказнасці за ўласны выбар. Матэрыялам для даследавання паслужыў раман В. Казько «Неруш».

Творчасць В. Казько з-за сваёй філасофскай глыбіні і тэматычнай разнастайнасці неаднаразова становілася прадметам літаратуразнаўчых прац. Вывучэннем набыткаў празаіка займаюцца А. А. Васілевіч, Г. М. Друк, М. А. Тычына, Т. М. Тарасава, Г. В. Навасельцава і інш. Даследчыкаў цікавяць філасофскія ідэі В. Казько, сімволіка і міфалагізм яго твораў, аўтабіяграфічнасць, а таксама актуальныя праблемы рэчаіснасці, якія па-мастацку асэнсоўвае аўтар. Метадалогія нашага даследавання была выпрацавана на аснове сістэматызацыі навуковых работ папярэднікаў.

Віктар Казько – выбітны беларускі пісьменнік, які нарадзіўся на Палессі, з якім непарыўна звязана і яго творчасць. На працягу жыцця ён быў вымушаны шмат вандраваць: палескія дзіцячыя дамы, Сібір, Мінск. Перажыванні, звязаныя з перыпетыямі біяграфіі пісьменніка, так ці інакш знайшлі адлюстраванне ў яго прозе. Напрыклад, перажытая ў дзіцячыя гады вайна стала асновай для рамана «Суд у Слабадзе», а сібірскі перыяд увасобіўся ў «Бунце незапатрабаванага праху». Аўтабіяграфічнасць, уласцівая многім творам В. Казько, яскрава праяўляецца і ў рамане «Неруш», які цалкам прысвечаны роднай зямлі празаіка – Палессю. «Ужо з першых старонак, – зазначае М. У. Канцавая, – выяўляюцца рэгіянальныя асаблівасці яго твораў, непаўторны і самабытны свет палешукоў, іх светаўспрымання» [1, с. 120]. Праз зварот да побыту палешукоў В. Казько ўздымае ў творы актуальныя пытанні сучаснасці, у ліку якіх экалагічныя праблемы і заняпад духоўнасці ў грамадстве. Багаты жыццёвы вопыт, а таксама веданне палешукоў і Палесся

знутры дапамаглі стварыць непаўторныя рэалістычныя вобразы, праз якія раскрываюцца ўся глыбіня і супярэчлівасць экзістэнцыяльных перажыванняў чалавека, што сутыкнуўся з выбарам паміж матэрыяльным светам з яго спажывецкімі тэндэнцыямі і светам духоўным; паміж тэхнічным развіццём і захаваннем чысціні навакольнага асяроддзя для будучых пакаленняў. Як адзначае У. В. Гніламёдаў, «маральнай асаблівасцю нашай літаратуры было тое, што яна заўсёды судакраналася з народным лёсам, з усім тым, з чым гэты лёс быў звязаны» [2, с. 102]. В. Казько заўсёды адпавядаў гэтай асаблівасці: лёс народа і яго будучыня ўжо доўгі час з'яўляюцца рухавіком творчасці пісьменніка.

На думку А. І. Бельскага, «нацыянальны свет у шырокім разуменні – прыроднае асяроддзе (краявіды, раслінны свет, фаўна, кліматычныя ўмовы і інш.), духоўны і культурны змест існавання, звязаны з пэўным уладкаваннем побыту, традыцыямі этнасу – пэўнай чалавечай супольнасці або нацыі» [3, с. 11]. Экалагічная катастрофа – пагроза для нацыянальнага свету не толькі з пункта гледжання разбурэння гармоніі ў прыродзе, але і з пазіцый духоўнасці. Да праблем з экалогіяй вядуць дзеянні маральна спустошанага чалавека, які па сутнасці страціў духоўны і культурны сэнс існавання. «Неруш» – раман-прадбачанне, своеасаблівая беларуская антыўтопія, якая пакідае шмат пытанняў аб тым, што далей будзе з чалавецтвам, калі яно працягне такімі ж тэмпамі руйнаваць усё жывое вакол сябе. Наяўнасць апакаліптычных матываў у рамане адзначае даследчыца Г. В. Навасельцава: «Пісьменнік асэнсоўвае меліярацыю не толькі як знішчальную прыродную з'яву, але і як пачатак знішчэння чалавекам самога сябе» [4, с. 96].

Назва рамана мае сімвалічнае значэнне. Само па сабе слова *неруш* абазначае месца, куды не ступала нага чалавека, штосьці некранутае, чыстае, спрадвечнае. У кантэксте твора слова набывае іншую семантыку: «Не-руш!» гучыць заклікам да чалавека не забруджваць наваколле. Такім чынам, назва рамана адлюстроўвае адну з асноўных праблем: праблему негатыўнага ўздзеяння чалавека на прыроду. Карысная на першы погляд меліярацыя балот вылілася ў сапраўдную трагедыю для палескай вёскі Княжбор і яе жыхароў. Наступствы такога кшталту экалагічных катастроф яшчэ шмат год будуць уплываць на жыццё людзей у пацярпелым рэгіёне. Так адбылося і ў Княжборы. Сімвалам сур'ёзных наступстваў працы меліяратараў стаў момант, калі галоўны герой рамана Мацвей Роўда выпадкова вырваў у лесе грыбніцу, маці ўсіх грыбоў. «Э, хлопча, што ж ты натварыў? – Дзед Дзям'ян з жахам і асуджаннем глядзеў на Мацвея. – Шчаслівы ты і няшчасны. Цяпер тры гады можаш не хадзіць у лес» [5, с. 57], – папракаў Мацвея яго дзед. А грыбніца, як і палеская зямля пасля меліярацыі, «плакала, галасіла, як горкае дзіця, што згубіла маці» [Там жа, с. 58]. У гэту хвіліну «Мацвей і сам не заўважыў, як выраніў слязу па гэтае жывое і галаснае, сляза ўпала, закіпела і як выпарылася, растала, нібыта і не падала» [Там жа].

Эпізод з вырванай грыбніцай стаў адлюстраваннем экзістэнцыяльных пакут Мацвея Роўды, які нарадзіўся ў вёсцы Княжбор і праз шмат год

вярнуўся ў свой родны край, каб асушыць яго балоты. Душэўны боль галоўнага героя падкрэсліваецца аўтарам у самым пачатку рамана, калі «Мацвей Роўда адчуваў, што і сам ён вымяг. Усё было жорстка, крохка і хістка ў ім» [5, с. 12]. У гэты момант ён бачыў драматычную сцэну: буслы выганялі са сваёй чарады іншага бусла (ці антона, як называюць гэтых птушак на Палессі). Выгнаны бусел быў няўдалым, слабым, таму чарада вырашыла пакінуць яго, каб не згубіць у дарозе. Птушкі зрабілі такі экзістэнцыяльны выбар, на які чалавек наўрад ці рашыўся б. У рамане «Неруш» палешукі не раз параўноўваюцца з бусламі: «Вераць свайму суседу-буслу, прыглядаюцца да яго жыцця, прадугадліва будуць сваё жыццё...» [5, с. 18]. Па гэтай прычыне вобраз нікому не патрэбнага самотнага бусла можна лічыць адпаведнікам вобраза Мацвея Роўды. Сваімі знішчальнымі для прыроды дзеяннямі ён стаў лішнім на сваёй малой радзіме. Бусел-выгнаннік – сімвал экзістэнцыяльнай адзіноты, якую спазнаў галоўны герой. Дадзеную паралель пацвярджаюць словы аўтара: «Адзін толькі бусел застаўся на зямлі. Бусел і Мацвей Роўда на пустой дарозе» [5, с. 20].

Раман «Неруш» мае непаслядоўную структуру апавяду, таму сцэна, якая распачынае твор, адносіцца да часу, калі Мацвей ужо здзейсніў сваё галоўнае злачынства: паспрыяў асушэнню балот і гэтым асудзіў Княжбор на доўгія пакуты. Галоўны герой стаў чужым для сваіх, разбуральнікам усяго, чым жылі княжборцы: «...бусел выгнаны з чарады за тое, што быў нядужым, Мацвея аднавяскоўцы праклінаюць за тое, што не змог зберагчы сваю зямлю» [4, с. 97]. Мацвей хацеў для сябе і для сваіх землякоў лепшага, багатага на ўраджаі жыцця, але, здаецца, карысная справа прывяла за сабой сапраўдную бяду: спякоту, сухавеі, а потым яшчэ і паводку. Прага Мацвея да такіх радыкальных змен тлумачыцца галодным (як і ў многіх людзей таго часу) дзяцінствам. Знаходзячыся ў складзе меліярацыйнай групы, ён атрымаў сапраўдную магчымасць «палепшыць» жыццё палешукоў. Даследчык А. У. Жардзецкая слушна зазначае: «Жыццё паставіла перад ім выбар – балоты ці хлеб» [6]. Нягледзячы на тое, што Мацвей у выніку абраў другое, экзістэнцыяльны выбар (рашэнне ўзяцца за меліярацыйную працу) не даўся яму лёгка. Душэўныя перажыванні героя праяўляліся яшчэ перад асушэннем, яму было шкада сваёй роднай вёскі. Пяшчотнаму стаўленню Мацвея да Палесся і прыроды ў цэлым з самага дзяцінства вучыў яго дзед Дзям’ян. Менавіта таму галоўны герой адчуваў экзістэнцыяльную адказнасць за будучыню свайго рэгіёна. З роднай вёскай Мацвея звязвалі і ўспаміны пра бацькоў, якія загінулі, а таксама думкі пра каханую дзяўчыну.

На Палессі Мацвей адчуваў сваю прывязанасць да малой радзімы, а ў адрыве ад яе ён пачынаў усё больш цягнуцца да свайго новага жыцця: «Уступаючы гасціннасці, безжурботнасці чужога краю, на хвіліну, тыдзень, месяц забываўся аб няпростасці, патаемнасці свайго Палесся, грэючыся пад чужым сонцам» [5, с. 75]. Гэтым тлумачыцца дваістасць яго поглядаў: з аднаго боку, гэта чалавек, які шануе Палессе з яго прыроднымі скарбамі, а з іншага – сучасны гарадскі жыхар, падуласны прагрэсіўным, але не заўсёды

ўдалым і канструктыўным ідэям. Сімвалам унутраных пошукаў і супярэчлівасцей галоўнага героя стала яго спроба наўмысна пераўтварыцца з вяскоўца ў гарадскога жыхара для таго, каб збегчы ад унутраных перажыванняў: «І ён аддаўся гораду, здаўся яму, спадзеючыся на яго літасць і наблажлівасць на схоне дня. І Мацвей адчуў, што яму амаль што хораша» [5, с. 76]. Галоўнаму герою сапраўды было хораша не да канца, бо яго пакуты не заканчваліся: «Ён усё яшчэ нічога не вырашыў і не мог наважыцца на якое-небудзь рашэнне. Жаданні і сумненні раздзіралі яго на часткі» [5, с. 80]. Разам з тым ён не верыў, што яго ў якасці меліяратара змогуць прыняць аднавяскоўцы. У рэшце рэшт жаданне ісці за тэндэнцыямі сучаснасці пераважыла. Спалучэнне ў Мацвеі двух супрацьлеглых пунктаў гледжання, якія аб'ядналі ў адным чалавеку сапраўднага палешука і дзеяча-меліяратара, паспрыяла фарміраванню той пазіцыі, якой ён кіраваўся падчас прыняцця лёсавызначальнага рашэння. Гэта не апраўдвае галоўнага героя, але дазваляе зразумець, чым кіраваўся Мацвей Роўда, робячы цяжкі экзістэнцыяльны выбар.

Нельга сцвярджаць, што Мацвей рабіў гэты выбар поўнасцю самастойна. Вялікае і пераважна негатыўнае ўздзеянне на героя аказаў яго калега і кіраўнік Алег Віктаравіч Шахрай. У адрозненне ад Мацвея, ён змог пазбегнуць адказнасці за свае ўчынкі, своечасова заняўшы больш высокую пасаду. Менавіта Шахрай навязаў Мацвею ідэю аб неабходнасці тэхнічных пераўтварэнняў як адзінага і неабходнага варыянту далейшага развіцця вёскі. Слухаючы двух аўтарытэтных для сябе людзей, дзед Дзям'яна і Шахрая, Мацвей блытаўся, і яго экзістэнцыяльны выбар стаў яшчэ больш складаным: «Узаемастасункі галоўнага героя з гэтымі палярнымі вобразамі прадвызначаюць дваіснасць яго светапогляду, што абумоўлівае ўнутраны канфлікт і драматызацыю рамання дзеяння» [4, с. 96]. У выніку можна сцвярджаць, што пазіцыя Шахрая стала прыярытэтнай для Мацвея, хаця той не раз выражаў сваё стаўленне да балот і прыроды ўвогуле: «Гэта можна толькі ненавідзець» [4, с. 62].

Павага да Шахрая і сяброўства з ім абумовілі экзістэнцыяльны выбар Мацвея – узяць на сябе адказнасць і стаць сапраўдным меліяратарам. «Усё новае бялітасна да старога» – вось пазіцыя Шахрая. Ён прывіваў яе свайму пратэжэ і кіраваўся ёй ва ўласных дзеяннях. Алег Віктаравіч ні разу не пашкадаваў аб сваіх учынках. Пасля таго, як на Княжбор абрушылася кара прыроды, ён нават не хацеў слухаць Мацвея. Шахрай, падняўшыся па кар'ернай лесвіцы, успрыняў галоўнага героя як чарговага карыслівага «сябра», які сам вінаваты ў сваіх нястачах: «А што Шахраю нейкі там старшыня калгаса, хаця ён і хадзіў з тым старшынёю ў адным хамуце, цягнуў адзін воз. Толькі калі тое было. Цяпер жа хамут у яго другі і карэннікі другія, а такіх, як Мацвей, сотні» [5, с. 40]. Шахраю было прасцей не зважаць на праблемы меліярацыі, бо ён быў у баку ад усіх наступстваў і ведаў пра небяспеку асушэнняў, але дзейнічаў у адрыве ад канкрэтных трагічных выпадкаў. Ён кірвала вялікая ідэя, важнейшая за лёсы невялічкіх вёсак і іх

жыхароў. Такі погляд Шахрая можна параўнаць з пазіцыяй вайсковага кіраўніка, згодна з якой жыццё аднаго чалавека, а можа і некалькіх тысяч – нішто ў параўнанні з паспяховым вынікам баявых дзеянняў. Алег Віктаравіч упэўнены ў сваіх дзеяннях, у ім увасабляецца бязлітасная і бяздумная прага да выканання задачы, пастаўленай вышэйшай уладай: «Меліяратары працуюць, робяць сваю справу. Ты першы завьў, заенчыў, яны маўчаць, грамадскасць, вучоныя – усе ў адну дудку: бедная прырода, бедная прырода, прырода-маці, а хлеб, што мы далі, жаруць. І ты з гэтага хору едакоў. Крыху вымачыла, крыху прымарозіла, крыху высушыла, пылам цябе ахапіла – ты ўжо і сканаў. А галоўны бой яшчэ наперадзе» [5, с. 41].

«Як далей пераканаўча паказвае пісьменнік, для тых, хто не беражэ жывое, вартасці пазбаўляецца і чалавечае жыццё» [4, с. 96]. Жыццё княжборцаў не цікавіла Шахрая, захопленыя глабальнымі мэтамі. Мацвей жа адчуваў экзістэнцыяльную адказнасць за кожнага, бо ведаў аднавяскоўцаў паасобку, не ставіўся да іх, як да безаблічнай грамады. Гэта значна ўзмацняла яго боль і пачуццё экзістэнцыяльнай адзіноты. Ён стаў непатрэбны не ўсяму грамадству, а кожнаму канкрэтнаму чалавеку. Перш за ўсё гэта датычыцца дзеда Дзям’яна, які расчараваўся ў сваім унуку. У той жа час жыхары вёскі Княжбор не ідэалізуюцца: некаторыя з іх яшчэ да прыходу меліяратараў адмоўна ўплывалі на прыроду, высякаючы дуброву. Пісьменнік аддае шмат увагі асобным гісторыям княжборцаў, каб паказаць, што грамадства складаецца з індывідуальнасцей і кожны ў экзістэнцыяльнай памежнай сітуацыі паводзіць сябе па-свойму. Такім чынам, персаналізацыя канкрэтнага героя мае важнае значэнне пры раскрыцці ўсеагульнай трагедыі.

У рамане «Неруш» персаналізуюцца і міфалагізуюцца сілы прыроды. Можна сцвярджаць, што прырода і прыродныя сілы з’яўляюцца асобнымі героямі рамана, якія істотна ўплываюць на падзеі ў ім. Жалезны чалавек, Галоска-галасніца, балотны бугай выступаюць у рамане сімваламі неўтаймананай, неспакойнай сілы, якая пакутуе, якая прадбачыць і папярэджвае сваёй прысутнасцю пра нешта нядобрае. Жалезны чалавек, напрыклад, з’яўляецца ў начным Княжборы, чым палюхае жыхароў і папярэджвае пра трагедыю, якой не пазбегнуць, калі не змяніць сваё стаўленне да прыроды. Гэтыя істоты не нясуць негатыву, яны суправаджаюць, а часам і ахоўваюць княжборцаў, сімвалізуюць сувязь вяскоўцаў і прыроды. Але гэта сувязь руйнуецца разбуральнай дзейнасцю чалавека, з-за якой будучыня становіцца нявызначанай і небяспечнай.

Такім чынам, тая экзістэнцыяльная адзінота, якую спазнаў галоўны герой рамана «Неруш», была абумоўлена яго ўласнымі ўчынкамі. Ад яго адварнуліся ўсе: аднавяскоўцы разам з дзядулем, прырода і увесь свет наогул. З-за сваёй дзейнасці Мацвей апынуўся ў абставінах, калі сітуацыя ўжо выйшла з-пад кантролю і ён ні на што не мог уплываць. Прыродная катастрофа ў выніку меліярацыі – памежнае становішча, у якім герой пазбавіўся права экзістэнцыяльнага выбару і мог разлічваць толькі на знешнія сілы. Бязвыхаднасць і бессэнсоўнасць любых дзеянняў Мацвея

ў пачатку і канцы рамана яднаюць яго з абсурдным чалавекам, які не мае дакладных арыенціраў у жыцці, які згубіў сэнс ва ўсім і павінен дзейнічаць толькі па прычыне сваёй экзістэнцыяльнай закінутасці. Вобраз Мацвея Роўды – гэта папярэджанне ўсім сучаснікам, напамін пра экзістэнцыяльную адказнасць у часы ўсё большай эксплуатацыі прыродных рэсурсаў, пра тое, што любы чалавек можа страціць сваё чалавечае аблічча, згубіцца ў гэтым свеце, пайсці па шляху самазнішчэння.

ЛІТАРАТУРА

1. *Канцавая, М. У.* Рэгіянальныя асаблівасці рамана Віктара Казько «Неруш» / М. У. Канцавая // *Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна.* – 2015. – № 2 (46). – С. 119–123.
2. *Гніламёдаў, У. В.* Літаратура і сучаснасць / У. В. Гніламёдаў // *Доклады Национальной академии наук Беларуси.* – 2015. – № 5 (59). – С. 102–106.
3. *Бельскі, А. І.* Беларуская літаратура ХХ стагоддзя: гісторыя і сучаснасць: у дапамогу наст. і студ. / А. І. Бельскі. – Мінск : Аверсэв, 2005. – 441 с.
4. *Навасельцава, Г. В.* Жанравая эвалюцыя рамана-антыўтопіі ў беларускай літаратуры (на прыкладзе твораў «Неруш» Віктара Казько і «П’яўка» Юрыя Станкевіча) / Г. В. Навасельцава // *Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки.* – 2016. – № 10. – С. 95–99.
5. *Казько, В.* Неруш : раман / В. Казько. – Мінск : Мастац. літ., 1983. – 430 с.
6. *Жардзецкая, А. У.* Чалавек – гісторыя – час у творах В. Казько / А. У. Жардзецкая // *Русская и белорусская литературы на рубеже ХХ–ХХІ веков. К 70-летию кафедры русской литературы : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. проф. С. Я. Гончаровой-Грабовской.* – 2010. – Ч. 1 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://elib.bspu.by/handle/doc/11733>. – Дата доступу : 25.05.2019.

The article discusses the problem of existential loneliness followed by responsibility for one's own choice, on the basis of the novel *Nerush* by V. Kazko. The image of the main character, his actions and motivation, the influence of minor characters on the protagonist are analyzed in detail in the philosophical paradigm of existentialism. The author draws attention to the role of symbolic images in the the novel's problematics, understanding other problems of existentialism: the absurdity of being, existential abandonment, choice in the marginal situation, and alienation.

Поступила в редакцию 13.06.2019

Л. В. Первушина

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА ДОЙНЫ ГАЛИЧ БАРР

В статье рассматриваются художественные эксперименты в творчестве Дойны Галич Барр (1932–2010) – известной современной американской писательницы сербского происхождения. Выявляется жанровое своеобразие ее произведений, подчеркиваются изменчивость, гибкость и динамичность жанра романа, его способность модифицироваться

и синтезировать другие жанровые виды и искусства. Выявляются функции жанра как репрезентация специфического мышления писательницы, рассматривается гибридизация жанров, отражающих реальность путем моделирования различных жанровых видов и форм.

Духовная атмосфера эпохи постмодернизма последних трех десятилетий XX – начала XXI века, вызванная глубокими переменами в социально-политической, экономической и историко-культурной жизни во многом определила основные направления развития эстетической мысли и оказала влияние на творческие концепции современных писателей США. Важной особенностью литературного процесса последних десятилетий XX века является его разнообразие, динамичность, многогранность и быстрая смена эстетических настроений. По мнению известного исследователя М. Тлостановой, «последние десятилетия обнаружили, что в США на сегодняшний день не существует какой-либо доминирующей традиции» [1, с. 23], а художественные поиски выходят за рамки установленных ранее классификаций и жестких схем. В художественной территории отражаются цивилизационные сдвиги, при которых «глубоким и значительным переменам подвергается состояние всех разноуровневых и разноприродных сфер бытия в XX столетии...» [2, с. 8]. Согласно исследованиям О. А. Кривцун, «разноприродные художественные течения развиваются не последовательно, а параллельно и при этом воспринимаются как равноправные. Все их многоголосие создает стереоскопический, всеобъемлющий собирательный портрет человека XX века» [3, с. 411]. Современная эпоха с его смысловой множественностью не только воплощает в жизнь обновленные представления о мире и человеке, но и, как считает известный литературовед И. С. Скоропнова, характеризуется «потребностью в расширении средств эстетического воздействия на читателя, которое формирует новые параметры человеческого сознания» [4, с. 55]. Философская и эстетическая основа творчества предполагает плюрализм идей, форм, стилей, различных способов выражения авторских интенций, а идейно-художественные искания современных писателей характеризуются поисками выразительных и изобразительных средств, экспериментами с жанрами, повествованием, а также образами и символами в произведениях.

Как известно, для репрезентации литературного текста в культуре необходимо облечь его содержание в определенную форму, так как «любое произведение реально существует лишь в качестве явления определенного жанра, а также стиля» [5, с. 265]. Так как жанр «является производным историей, исторических сдвигов» [6, с. 4], он находится под влиянием исторических событий, а эволюционные процессы, происходящие в культуре и литературе, вызывают изменение традиционной жанровой системы, что объясняет жанровое своеобразие и оригинальность произведений, создаваемых в различные литературные эпохи. Таким образом, различные жанры имеют особенность трансформироваться в связи с изменением исторической ситуации и эстетическими требованиями времени.

Среди различных жанров современный роман остается ведущим и наиболее продуктивным, так как он «чаще всего ориентирован на решение универсальных вопросов бытия» [7, с. 196] и является пространством кросс-культурных пересечений, полилога искусств, территорией взаимодействия различных традиций и тенденций. Известно, что в течение последних десятилетий XX века – начале XXI вв. «возможности романа возрастают за счет обращения к элементам иных жанров, а процесс эволюции романа предстает как динамика его «взаимодействия» с другими жанрами» [8, с. 9].

Одной из наиболее значимых и влиятельных фигур литературного процесса конца XX – начала XXI веков считается Дойна Галич Барр (1932–2010) – известная американская писательница сербского происхождения. Она является мастером повествования, автором ряда всемирно признанных романов. Все грани таланта творческой личности – автора, художницы, музыканта, мыслителя, общественного деятеля и врача-невролога – представлены в ее высокохудожественных произведениях, наполненных глубоким психологизмом, отражающих острые проблемы современности и основные узлы противоречий бытия. Взлет творческой активности писательницы приходится на XXI столетие. Все ее произведения: «Ангелы без лиц» (*Angels Without Faces*, 2004), «Сизый голубь» (*The Blue Pigeon*, 2005), «Колокола и ветер» (*Bells and Wind*, 2006), «Город удовольствий» (*The City of Pleasure*, 2008), «Дом разбитых зеркал» (*The House of Broken Mirrors*, 2008) и др. выходят в свет в достаточно короткий срок, с 2004 по 2011 год.

Именно жанр романа стал для Д. Галич Барр наиболее продуктивно работающим литературным инструментом. Его гибкость, динамичность, открытость литературным влияниям и восприимчивость к изменениям, возможность неограниченного расширения и включения в себя других жанров и видов искусств способствовали созданию *новаторских в жанровом отношении произведений*. Жанр романа, прежде всего, является *способом мышления* писательницы, отражает ее мировоззренческие и эстетические установки, эволюцию идейно-творческих поисков. Поскольку роман отражает бытие во всей его полноте, динамике и изменчивости, он – «не просто жанр, но и целый способ литературного мышления, и он не встает в один ряд с другими жанрами, а перестраивает их и включает в себя» [9, с. 329]. Он рассматривается как универсальный жанр литературы, «в котором развертывается все богатство стилистических решений» [10 с. 126], так как подчиняется законам постоянного внутреннего развития и не может быть внутренне завершенным. Таким образом, его гибкая, эластичная форма, подверженная влиянию меняющихся цивилизационных, исторических и культурных факторов, на современном этапе становится чрезвычайно многообразной, что позволяет отразить различные этапы развития общественного сознания и палитру разнообразных чувств внутреннего мира человека. Стремление романа к постоянному развитию и всеобъемлющему охвату событий дает возможность включить в ткань его текста сложные

идейно-художественные концепции, выявить этно-национальную специфику и особенности личности писательницы. Так как на современном этапе «трансформировалась сама концепция человека, тот угол зрения, под которым его стали рассматривать художники слова» [11, с. 547], то роман становится важным средством восстановления исторической памяти и обобщения жизненного опыта автора, постигаемого в сложной системе культурно-исторических координат.

В творчестве Д. Галич Барр представлен многовекторный жанровый синтез, который свидетельствует о гибридизации повествований, а также имеют место разносторонние модификации/трансформации жанра романа. Среди многих дефиниций жанровых изменений, на наш взгляд, продуктивными являются следующие: *синтез эстетический, гибридизация, трансформация/модификация*.

Синтез эстетический представляет собой «не равномерное взаимодействие разных творческих и стилевых начал, а качественное их изменение и рождение какого-то нового стиля. Синтетическими называются те произведения, которые создаются путем соединения разнообразных, иногда даже противостоящих друг другу аспектов и элементов литературных направлений и стилей, т.е. имеется и «синтез» на уровне разных художественных систем, и «синтез» на уровне жанров и стилей» [12, с. 65].

Исследователь С. Шарифова рассматривает процессы «жанрового смешения, смещения жанра и замещения жанра» и использует термин «смешение жанров», говоря о процессе достижения жанрового синтеза. Под жанровым смешением или жанровой контаминацией понимается «объединение в одном художественном произведении элементов двух или более жанров, при котором «жанровые признаки» одного остаются доминирующими. ...Жанровое смешение выступает и как инструмент создания нового жанра (например, появление романа), и как инструмент эволюции самого жанра, обогащения его содержания и появления в нем различных типов» [8, с. 10].

По мнению теоретика, существуют три основные формы жанрового смешения. «Во-первых, речь идет о вкраплении в роман элементов других родов – в этом случае имеет место быть *межродовое смешение*. К межродовому жанровому смешению можно условно отнести и вкрапление в роман элементов нехудожественной прозы. Во-вторых, в роман вкрапливаются элементы других жанров прозы. В этом случае имеет место *внутриродовое смешение*. Межродовое жанровое смешение в романе может приводить к смешению низших и высших жанров. В-третьих, *внутрижанровое смешение*, которое охватывает сочетание признаков различных типов романа» [8, с. 12] (выделено нами. – Л. П.). «Смещение» жанра носит ограниченный характер и не предполагает в качестве результата формирование нового жанра. Появление новых жанров сопряжено с процессами жанрового «замещения».

Г и б р и д и з а ц и я представляет собой сложный процесс включения различных жанров, жанровых моделей или искусств в художественную ткань произведения. Так, «литературное произведение, жанр которого определяется как *гибридный*, совмещает в себе черты двух или более жанровых образцов. Феномен гибридации жанров относится к современности, базируется на постмодернистской традиции переосмысления и обработки существующего литературного материала с целью создания нового, оригинального произведения, на стадии завершенности претендующего на целостность и самостоятельность» [13, с. 462]. Цель гибридации – «создание уникального органичного сплава из неорганичных друг другу субстанций. Чем меньше схожего и перекрестного у совмещаемых конструкций, тем контрастнее и интереснее игра смыслов в итоговом гибридном произведении» [13, с. 462]. Таким образом, гибридация предполагает расширение границ романа, его скрещивание и объединение с другими жанрами, жанровыми видами и видами искусств.

Т р а н с ф о р м а ц и я / м о д и ф и к а ц и я жанра рассматривается как процесс возникновения неожиданных авторских моделей в результате свободного игрового обращения с уже существующими жанрами.

Полижанровая эстетика Д. Галич Барр характеризуется интеллектуальной игрой с разнообразными жанрами и жанровыми видами. Писательница представляет ряд художественных произведений экспериментального плана, отличающихся ярким жанровым разнообразием. Так, роман «*Город удовольствий*» характеризуется присутствием сатирического, психологического, социально-критического, эмигрантского, любовного, политического, детективного векторов. Произведение «*Дом разбитых зеркал*» ретроспективно восстанавливает классическое наследие прошлого и является реконструкцией и деконструкцией жизни знаменитой художницы и скульптора Камиль Клодель. В жанровом отношении это сложный роман о художнике, о трагической судьбе творческой личности (*Künstlerroman*), включающий галлюцинаторно-провидческие озарения, исследование психологических глубин внутреннего мира личности через сложно организованное исповедальное повествование и психоаналитические построения. Перу Д. Галич Барр принадлежит и автобиографический роман с монтажной техникой «*Ангелы без ликов*», который можно охарактеризовать как сагу, повествование о нескольких поколениях одной семьи, подвергшейся вынужденной эмиграции по идеологическим причинам в США. Роман «*Сизый голубь*» также с открытым, очевидным автобиографизмом воспринимается как историографический роман, роман-исследование процессов эмиграции и метароман о сложностях творческого процесса создания литературного произведения. Повествование романа «*Колокола и ветер*» находится под влиянием виртуальной реальности (построение образа-художника на основе воспроизводимых записей музыки) и представляет собой исповедь художницы, репрезентация образа которой осуществляется в гибридном жанре музыкальной сьюиты [14, с. 10–23].

Гибридизация повествований Д. Галич Барр наблюдается при введении в романы «*Ангелы без ликов*», «*Сизый голубь*» и «*Колокола и ветер*» документально-художественных жанров (исповеди, дневники, письма), которые «играют в романах существеннейшую конструктивную роль и обладают своими словесно-смысловыми формами овладения различными сторонами действительности» [15, с. 75].

В поисках новых средств художественной выразительности автор *трансформирует* жанр романа, расширяет его изначальную форму, что располагает к включению разнообразных дополнительных жанровых векторов, демонстрируя синтетический характер повествования. В результате углубления психологической составляющей в романе «*Дом разбитых зеркал*» трансформация психологического компонента ведет к появлению произведения с галлюцинаторно-провидческими озарениями. К смелым литературным трансформациям можно также отнести роман с кинематографической техникой и стоп-кадрами – «*Ангелы без ликов*», а также своеобразный роман-путешествие «*Сизый голубь*».

Открытая автобиографическая основа романов Д. Галич Барр также подвергается модификации: традиционные жанры мемуаров и автобиографии в ее творчестве преодолевают границы своих построений и становятся автобиографическими романами; их также можно характеризовать как невымышленные художественные автобиографии (Романы «*Сизый голубь*» и «*Ангелы без ликов*»). Оба романа в разных жанровых ракурсах воспроизводят опыт жизни героини в разных странах. Мировоззренческие идеи и эстетические принципы героини подчеркивают ценностные установки самой писательницы, что позволяет говорить об открытом, внешнем автобиографизме. Постепенно романы наполняются деталями и расширяются до описания нескольких поколений этой семьи. В детализированных повествованиях содержится обширная информация о родных, близких, коллегах, друзьях, живущих на разных континентах, а пространственно-временная связь достигается переключками культур, кросс-культурными взаимодействиями, воспроизведением традиций, обрядов и обычаев многих народов разных стран мира.

Значимым литературным приемом в интеллектуальной игре с читателем становится *модификация* жанра-утопии «*Город удовольствий*» и превращение его в антиутопию – роман, содержащий глубокую психологическую составляющую, острую сатирическую направленность и критику современного высоко технологического общества, управляемого идеологией массовой культуры и потребительскими интересами. А репрезентация известных исторических фактов на фоне углубленного психологизма трансформирует жанр исторического романа в историографический роман с глубоким исследованием внутреннего мира личности, выявлением сознательных и бессознательных импульсов травмированной души людей, подвергшихся принудительной эмиграции по политическим и идеологическим причинам (романы «*Сизый голубь*» и «*Ангелы без ликов*»).

Жанровая гибридизация в романах Д. Галич Барр также проявляется в заимствовании и инкорпорировании материала и свойств других искусств. Например, в художественном повествовании романа «*Колокола и ветер*» осуществляется пересечение музыкального и живописного экфрасисов. Интермедиальность предполагает возникновение разнообразных форм художественного синтеза, в которых комбинируются текст, зрительный образ и звук с целью обеспечения одновременного воздействия на разные органы чувств. В данном романе многочисленные интертекстуальные компоненты определяют специфику воплощения проблемно-тематического комплекса, создают определенную творческую атмосферу, наполняют повествование звучанием природы и шедевров классической музыки, звуками колоколов, символизирующих веру писательницы и ее героев в Божественное проявление творческой энергии человека.

А в романе «*Дом разбитых зеркал*» визуальная эстетика пронизывает художественную ткань произведения и проявляет себя на уровне заглавия, сюжетной линии, характеристики героев, системы образов и хронотопа. Основой повествования является *визуальная доминанта*, главным интермедиальным кодом – *скульптурный код* (в романе также присутствует и музыкальный код, но он значительно меньше), а *скульптура*, как наиболее важный тематический и образный элемент интермедиальности, становится неотъемлемой частью повествования и выполняет ряд важных функций: 1) вербальная репрезентация скульптуры (как крупной, так и малоформатной пластики) выявляет специфику творческой идентичности и субъективности великой художницы Камиллы Клодель; 2) ваяние как творчество пробуждает духовное видение бытия художницы, является ее способом эстетического освоения действительности; 3) скульптура является многофункциональным инструментом создания высокохудожественного повествования романа, в котором исследуется внутренний мир художницы, раскрывается эволюция ее творчества и трагизм ее судьбы. Так, соединение художественных приемов разных видов искусства – музыки, живописи, скульптуры и литературы усложняют повествование, наполняют его дополнительными модусами и смыслами и способствуют появлению *гибридной синтетичности* [13, с. 52–66] в романе Д. Галич Барр «*Дом разбитых зеркал*».

Таким образом, в современной художественной литературе жанровые границы становятся размытыми и нечеткими, имеют место сложные процессы перехода за пределы принятых ранее жанровых границ, слияния различных жанров и инкорпорирования разных видов искусства в художественную ткань литературного текста. Это приводит к жанровому синтезу, появлению жанровых модификаций и разнообразных пластичных гибридных форм. Переосмысливаются и обновляются традиционные жанры, расширяются их литературные возможности, а на их основе возникают новые, ранее не существовавшие жанры. Эстетические опыты Д. Галич Барр

свидетельствуют об интенсивно проходящих процессах в современной культуре, которые фиксируются в творчестве многих писателей и обнаруживают себя в различных национальных литературах. Так, «художественные и документальные, элитарные и массовые жанры разных эпох и культур, сливаясь, в процессе инбридинга порождают яркие художественные тексты и, в первую очередь, подвергаются неожиданным преобразованиям. Противоположные, казалось бы, тенденции реализуются одновременно и параллельно, высвечивая и взаимно обогащая друг друга» [16, с. 9]. Многожанровое мышление Д. Галич Барр отличается сложностью, многоуровневостью и требует совмещения различных образов мира для постижения глубины внутреннего мира человека и отражения сложных узлов противоречий современного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Толстанова, М. В.* Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М. В. Толстанова. – М. : Наследие, 2000. – 396 с.
2. *Пестерев, В. А.* Модификация романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия / В. А. Пестерев. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – 312 с.
3. *Кривцун, О. А.* Эстетика / О. А. Кривцун – М.: Аспект Пресс, 1998. – 430 с.
4. *Скоропанова, И. С.* Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И. С. Скоропанова. – СПб. : Нев. простор, 2001. – 416 с.
5. Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. ф-тов высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. – Т. 1: Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – 3-е изд., стер. – М. : Издат. центр «Академия», 2008. – 510 с.
6. *Борев, Ю. Б.* От редколлегии / Ю. Б. Борев, Н. К. Гей, А. В. Михайлов // Теория литературы: в IV т. / М. : ИМЛИ РАН, 2003. – Т. III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). – 592 с.
7. *Проскурнина, М. Б.* Постмодернистские черты в македонском романе 1980-х – начала 90-х годов / М. Б. Проскурнина // Традиции и взаимодействия в зарубежных литературах : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т ; редкол.: А. М. Зверев [и др.]. – Пермь, 1999. – С. 192–207.
8. *Шарифова, С. Ш.* Теоретические аспекты жанрового многообразия азербайджанского романа : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.08. – М. : ИМЛИ РАН, 2011. – 401 л.
9. *Михайлов, А. В.* Роман и стиль / А. В. Михайлов // Теория литературы : в 4 т. / М. : ИМЛИ РАН, 2003. – Т. 3. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). – С. 279–352.
10. *Борев, Ю. Б.* Эстетика. Теория Литературы: энцикл. словарь терминов / Ю. Б. Борев. – М. : Астрель, 2003. – 575 с.

11. *Гиленсон, Б. А.* История литературы США / Б. А. Гиленсон. – М. : Академия, 2003. – 704 с.
12. *Цзянхуа, Чжан.* Синтетизм – новое жанрово-стилевое явление современной русской прозы / Чжан Цзянхуа // Мир русского слова. – № 2. – 2011. – С. 61–68.
13. *Питкевич, П. А.* Примеры гибридизации литературных жанров в результате влияния экранной культуры / П. А. Питкевич // сб. работ 73-й науч. конф. студ. и аспирантов БГУ, 16–25 мая 2016 г., Минск : в 3 ч. Ч. 3. – Минск : БГУ, 2016. – С. 462–465.
14. *Барр, Галич Д.* Колокола и ветер / Д. Барр Галич. – М. : Вазахар, 2009. – 304 с.
15. *Бахтин, М. М.* Собрание сочинений: в 7 т. / М. М. Бахтин. – М. : Яз. слав. культур, 2012. – Т. 3 : Теория романа (1930–1961 гг.). – 880 с.
16. *Пахсарьян, Н. Т.* Предисловие / Н. Т. Пахсарьян, Е. В. Соколова // Мета-морфозы жанра в современной литературе. – М. : Центр гуманит. науч.-информ. исслед., 2015. – С. 6–10.

The article deals with the artistic experiments in the fiction of D. Galich Barr (1932-2010), an outstanding contemporary American émigré writer of Serbian descent. The process of genre modification and transformation is considered, the examples of synthetic and hybridized narration are presented, the flexibility and changeability of the genre of the novel is highlighted. The creative experiments with the genre of the novel in the fiction by D. Galich Barr are analyzed.

Поступила в редакцию 07.08.2019

А. Ю. Пятровіч

ПРАБЛЕМА ЦЯЛЕСНАСЦІ Ў ЗБОРНІКУ ПАЭЗІІ «ТРЫУМФ АХІЛА» ЛУІЗЫ ГЛЮК

У артыкуле даследуецца праблема цялеснасці ў паэтычных творах з пятага зборніка Луізы Глюк – лаўрэата Пулітцэраўскай прэміі (1992), паэта-лаўрэата ЗША (2003–2004). Праводзяцца літаратурныя паралелі з творчасцю іншых паэтаў і пісьменнікаў, раскрываюцца тэалагічныя і міфалагічныя аспекты дадзенай праблемы. Апрача таго, у артыкуле разглядаюцца псіхалагічныя і сацыяльныя фактары, якія маглі зрабіць непасрэдныя ці ўскосныя ўплыў на паэтыку абраных вершаў.

Пяты зборнік Луізы Глюк пад назвай «Трыумф Ахіла» (*The Triumph of Achilles*) пабачыў свет у 1985 г. і быў адзначаны прэстыжнай амерыканскай прэміяй Нацыянальнага кола кніжных крытыкаў. Не самы вялікі том – дваццаць шэсць вершаў, падзеленых на тры няроўныя часткі, – арганічна спалучыў у сабе творы, адкрыта ці ўскосна натхнёныя казачнымі, міфалагічнымі і біблейскімі сюжэтамі. Прысвечаны выбітнаму псіхатэрапеўту Чарльзу Кляю Дальбергу, гэты зборнік стаў манументальнай вехай на творчым шляху паэткі.

Адзін з абраных аўтарам эпіграфіаў да «Трыумфу Ахіла» ўяўляе сабой жарсны крык чалавека, што рыхтуецца да пакарання смерцю: «А калі, як некаторыя кажуць, яго пакуты былі прывідныя, тады чаму я ў вязніцы і чаму жадаю змагацца са звярамі?»¹ Св. Ігнацій Антыяхійскі (Баганосец), адзін з найбольш вядомых хрысціянскіх багасловаў і першапакутнікаў, напісаў гэта неўзабаве перад тым, як загінуў на арэне рымскага цырка разам з іншымі вернікамі. У строга тэалагічным сэнсе яго словы былі палемікай з уплывовай раннехрысціянскай ерассю, а менавіта – дакетызмам, адэпты якога не пагаджаліся з цялеснасцю ўвасаблення Хрыста. Паводле іх тэорый, духоўны Бог не мог адкрыць сябе ў прыніжаным, нявартым хвалы чалавечым целе, таму Яго ўкрыжаванне і смерць былі толькі ілюзіяй [1, с. 248]. Св. Ігнацій адкрыта выяўляў небяспечныя імплікацыі падобных ідэй: калі праўда Евангелля заставалася выключна духоўнай, калі Хрыстос не перажываў цялесных катаванняў, не магло быць і Яго цялеснага ўваскрашення, да якога імкнуліся і на якое спадзяваліся адданыя вернікі.

Безумоўна, Л. Глюк нездарма звярнула ўвагу чытача на старажытную палеміку супраць філосафаў, якія адмаўлялі каштоўнасць і шматграннасць матэрыяльнага існавання на карысць беззаганнай бесцялеснасці. Мяжа паміж боскім і чалавечым, неўміручасцю і смяротнасцю, а таксама досвед існавання, які адначасова пашырае і абмяжоўвае фізічная рэчаіснасць людскога цела – вось матывы, якія паўтараюцца ў большасці вершаў гэтага зборніка. Паэтка ўзбагачае іх, звяртаючыся як да асабістых, аўтабіяграфічных перажыванняў, так і да калектыўнага вопыту чалавецтва, заключанага ў старажытных паданнях.

Верш, які адкрывае зборнік і ў пэўнай меры задае яго настрой, носіць назву «Садовы язмін» (*Mock Orange*). Лірычная гераіня адчувае шчырую нянавісць да водару кветак, асабліва моцнага ўначы, і атаясамлівае яго з актам палавога кахання, які таксама выклікае ў яе агіду. Гераіня сцвярджае, што ў сваім пачатку гэты акт «паралізуе» цела і «прыніжае» розум, а ў фінале «падманвае», бо за кароткім зліццём непазбежна надыходзіць раз'яднанне і вяртанне спрадвечнага непакую. «In my mind tonight // I hear the question and pursuing answer // fused in one sound that mounts and mounts and then // is split into the old selves, // the tired antagonisms. Do you see? // We were made fools of. // And the scent of mock orange // drifts through the window»² [2, p. 163].

Крытычны погляд на хуткаплыннасць і марнасць цялеснага жадання, а разам з ім і кахання – гэта тэма, якая датычыцца саміх пачаткаў славеснасці. Як у старажытнаегіпецкіх літаратурных помніках («Павучанне

---

¹ Скарочаная цытата з чацвёртай главы Ліста да тралійцаў св. Ігнація Антыяхійскага. (Тут і далей пераклад наш, за выключэннем спецыяльна адзначаных выпадкаў – А. П.).

² «У сваёй душы гэтай ноччу // я чую пытанне, а за ім – адказ, // яны злітыя ў адным гуку, // што падымаецца і падымаецца, а пасля // распадаецца на старыя “я”, // на стомленыя супярэчнасці. // Бачыш? // З нас пасмяяліся. // І язмінавы водар // заплывае цераз акно»

Птахатэпа», XXVI–XV стст. да н. э.), так і ў біблейскіх кнігах Выслоўяў Саламонавых і Эклезіяста [3, с. 95] чытач знойдзе адпаведныя папярэджанні: «І знайшоў я, што горш за сьмерць – жанчына, таму што яна – сетка, і сэрца ў яе – пастка, рукі ў яе – кайданы; любасны Богу ўратуецца ад яе, а грэшніка схопіць яна»¹ (Экл. 7:26). Уільям Шэкспір, адзін са стваральнікаў заходняга канона літаратуры, выявіў гэтыя пачуцці з поўнай моцай у санеце 129: «Распушта не прыносіць духу гонар, // пакуль не задаволена яна, – // парушыць клятву, пазнаёміць з горам, // абразіць, схлусіць, высмакча да дна. // <...> Як утрапёная да мары мкнецца // і мэтай служыць для людзей сама. // У пошуках прываблівай здаецца, // у адшуканай – радасці няма»². Але ў гэтай старажытнай, шмат разоў паўторанай тэмы ёсць цікавая асаблівасць. Звычайна аўтары, якія падымаюць яе, адначасова імкнуцца да яе дэканструкцыі: да сцвярджэння, што цялеснае каханне наканаванае чалавеку, як і само жыццё на зямлі. Пасля суровай крытыкі супрацьлеглага полу Эклезіяст становіцца больш лагодным і заклікае чытача радавацца жыццю разам з каханай жонкай. Шэкспіраўскі санет 129 завяршаецца іранічным воклічам: «Ніхто ж не адмаўляецца ад раю, // цераз які у пекла ён трапляе!». Фінал «Садовага язміну» Л. Глюк на гэтым фоне падаецца даволі амбівалентным: «How can I rest? // How can I be content // when there is still // that odor in the world?»³ [2, р. 164]. З чаго вынікае непакой лірычнай гераіні: з нянавісці, якую яна выказвала раней, ці з неадольнага імкнення да чалавечай блізкасці, з жадання жыць, якое турбуе свайго носьбіта насуперак усяму? Каб зразумець гэта, неабходна звярнуцца да іншых вершаў з падобнай тэматыкай, якія ўваходзяць у склад «Трыумфу Ахіла». Найбольш паказальным тут падаецца цыкл «Марафон» (*Marathon*), змешчаны ў другой частцы зборніка: ён складаецца з дзевяці вершаў, кожны з якіх мае асобную назву і ўскосна адсылае чытача да старажытнагрэчаскага міфа пра Амура і Псіхею.

Эрых Нойман – заслужаны нямецкі філосаф і псіхолаг, адданы вучань Карла Густава Юнга – сцвярджаў у сваёй кнізе «Амур і Псіхея» (*Amor und Psyche*, 1952) наступнае: «Міф заўсёды ўяўляе сабой несвядомае адлюстраванне найважнейшых жыццёвых падзей, і міфы застаюцца для нас надзвычай важнымі яшчэ і таму, што мы бачым сапраўдны досвед чалавецтва ў гэтых вызнаннях, не прыхаваных свядомасцю. Паэзія, якая ў сваёй найвышэйшай форме натхняецца тымі ж першаснымі вобразамі, што і міф, можа выкарыстоўваць матывы і вобразы, тоесныя міфалагічным, і мы з радасцю сцвярджаем слушнасць нашай міфалагічнай інтэрпрэтацыі, калі верш гучыць той жа першаснай музыкай, якую чуваць у міфе» [4, р. 106–107]. Э. Нойман бачыць у гісторыі Псіхеі ўвасабленне архетыпа шлюбу, які,

¹ Пераклад Васіля Сёмухі.

² Пераклад Уладзіміра Дубоўкі.

³ «Як я магу адпачыць? // Як я магу супакоіцца, // калі гэты водар // яшчэ існуе на свеце?»

паводле гэтага паслядоўніка Юнга, для жанчыны ёсць не што іншае, як «лёс, пераўтварэнне і найглыбейшая таямніца жыцця» [4, с. 104]. Сапраўды, прага пераўтварэння – гэта адна з тэм, якія надзвычай выразна гучаць у «Ма-рафоне». Фінальная страфа «Апошняя ліста» (*Last Letter*), першага верша ў цыкле, прасякнутая гэтай моцнай і смутнай прагай: «I got up finally; I walked down to the pond. // I stood there, brushing the grass from my skirt, watching myself, // like a girl after her first lover // turning slowly at the bathroom mirror, naked, looking for a sign. // But nakedness in women is always a pose. // I was not transfigured. // I would never be free»¹ [2, р. 202–203].

Немагчымасць змяніцца ці нешта змяніць, незадавальненне фізічнай рэчаіснасцю жыцця, яе нявыкананымі абяцаннямі, гучаць тут гэтак жа моцна, як і ў «Садовым язьміне». У адчаі лірычная гераіня падкрэслівае застыласць і штучнасць свайго існавання. Але чым выкліканыя яе пачуцці? Паводле тэорыі Э. Ноймана, гвалт і адкрытая знявага з боку мужчыны – гэта сумная, але праўдзівая частка архетыпічнага наратыву, так званая «шлюбная смерць», праз які жанчына мусіць прайсці ў пошуках свайго аўтэнтычнага, дарослага «Я». Яе смутак і боль – усяго толькі натуральная, непазбежная частка псіхалагічнага сталення. Аднак нам падаецца, што інтэрпрэтацыя Л. Глюк ідзе далей за мізагіністычныя заўвагі Э. Ноймана пра «ваяўнічую матрыярхальную жорсткасць», якая нібыта перашкаджае сапраўднаму яднанню каханкаў нароўні з патрыярхальнай агрэсіяй, гвалтам і прымітыўным задавальненнем палавога жадання [4, р. 103, 125]. Насамрэч лірычная гераіня Л. Глюк цвёрда адмаўляецца прыняць адносіны, у якіх адзін з’яўляецца суб’ектам дзеяння, а іншы – толькі яго аб’ектам. Нібыта мімаходзь яна рэфлексуе над пасіўнай роллю жанчыны ў жыцці і мастацтве – роллю прадмета эстэтычнага назірання, якую крытыкавалі шматлікія тэарэтыкі феміністычнага літаратуразнаўства [5, с. 135–163]. Характэрным падвядзеннем навуковых разважанняў на гэтую тэму падаецца цытата з сучаснага мастацкага твора. Маргарэт Этвуд – вядомая канадская пісьменніца, палітычная актывістка і літаратурны крытык – у сваім рамане «Нявеста-разбойніца» (*The Robber Bride*, 1993) адзначыла: «Нават калі ты робіш выгляд, што не спаўняеш мужчынскую фантазію, ты насамрэч спаўняеш яе: робіш выгляд, што цябе не бачаць, што ў цябе ёсць уласнае жыццё, што ты можаш вымыць ногі і расчасаць валасы, не зважаючы на вечна прысутнага назіральніка, які падглядае праз шчыліну ў тваёй уласнай галаве, калі больш няма дзе. Ты – жанчына, у якой мужчына назірае за жанчынай. Ты – свой уласны вуаерыст» [6, р. 459].

---

¹ «Нарэшце я ўстала і сышла ўніз да сажалкі. // Там я стаяла, страсала траву са спадніцы, // глядзела на ўласны адбітак, // як дзяўчына пасля свайго першага разу, // што паволі круціцца перад люстрам, голая, і шукае знакаў. // Але галізна для жанчыны – заўсёды поза. // Я не была пераствораная. // Мне ніколі не вызваліцца».

Адсутнасць суб'ектнасці, немагчымасць зрабіць цалкам свядомы выбар – вось твая перашкоды, якія стаяць на шляху гераіні да аўтэнтычнага пераўтварэння. Чужыя дзеянні адбываюцца ў дачыненні да яе, але сама яна няздольная дзейнічаць; зноў вяртаючыся да «Садовага язіна», мы – вуаерысты супраць уласнай волі – назіраем за тым, як вусны мужчыны «запячатваюць» яе вусны, цела мужчыны «паралізуе» яе цела, але ніколі не бачым, каб лірычная гераіня рабіла нешта паводле ўласных жаданняў. Два вершы выразна дапаўняюць і раскрываюць адзін аднога, але сапраўдныя змены ідэй і настрою праяўляюць сябе толькі ў наступных творах з цыкла «Марафон».

Трэці верш гэтага цыкла, «Сустрэча» (*The Encounter*), надае паэтычную інтэрпрэтацыю аднаму з ключавых эпізодаў арыгінальнага міфа: моманту, калі Псіхея спрабуе даведацца, як насамрэч выглядае яе муж, а растоплены воск са свечкі, якой яна асвятляе цемру спальні, капае яму на твар. І тады «...у бляску толькі запаленага агню, якім яна асвятляе несвядомую цемру свайго ранейшага існавання, яна пазнае Амура. Яна кахае», – піша Э. Нойман [4, р. 125–126]. У інтэрпрэтацыі Л. Глюк гэты эпізод выглядае інакш: яго персанажы абменьваюцца ролямі, і каханак лірычнай гераіні, цалуючы яе, пакідае на яе твары след, які параўноўваецца з кропляй гарачага воску. Але не яго жэст робіцца першым крокам на шляху пераўтварэння – гэта яе адказ змяняе адносіны «Я» з «Іншым» у дыялог паміж «Я» і «Ты». Заўсёдная поза ператвараецца ў дзейны ўчынак: «Because I wanted to be burned, stamped, // to have something in the end — // I drew the gown over my head; // a red flush covered my face and shoulders. <...> // You lay beside me; your hand moved over my face // as though you had felt it also — // you must have known, then, how I wanted you»¹ [2, р. 204].

Амерыканскі тэолаг і філосаф рэлігіі Аўраам Джошуа Гешэль у адной са сваіх прац, дзе разглядаюцца праблемы людскога быцця, заўважае: «У рэшце рэшт эгаістычнае, самазакаханае мысленне не мае аніякай моцы. Аўтэнтычнае мысленне нараджаецца ў сустрэчы са светам» [7, р. 81]. Праўдзівае спатканне з іншай асобай – з боствам кахання, як сімвалічна распавядае пра гэта старажытны міф, – і ёсць сустрэча са светам, якая праз узаемнае здабыццё пачуццёвага досведу дазваляе пазбавіцца варожасці да ўсяго матэрыяльнага, перайсці ад пасіўнага існавання да актыўнага і аўтэнтычнага жыцця.

Сапраўдным гімнам гэтай аўтэнтычнасці гучыць шосты верш цыкла – «Начны спеў» (*Night Song*). Сон, як і ў антычнай міфалогіі, супастаўляецца тут са сваімі боскімі «сваякамі» – смерцю і забыццём; у кантэксце верша

---

¹ «Я хацела апёк, пячатку – // каб на мне засталася штосьці, таму // я сцягнула кашулю праз галаву; // мой твар і плечы пачырванелі. // <...> Ты паклаўся побач; ты паглядзіў мой твар, // як быццам таксама гэта адчуў – // напэўна, ты ведаў тады, як я жадала цябе».

сніць – значыць перастаць бачыць. У папярэдніх частках «Марафону» лірычная гераіня ўжо здзейсніла свой уласны рытуал пераходу і атрымала жаданне пераўвасабленне. Цяпер яна імкнецца да таго, каб захаваць сталую чуласць у дачыненні да свету і ўласнага быцця, не дазваляючы сабе апынуцца ў бездані несвядомасці: «We've been apart too long, too painfully separated. // How can you bear to dream, // to give up watching? <...> I have to tell you what I've learned, that I know now // what happens to the dreamers. // They don't feel it when they change. One day // they wake, they dress, they are old. /// Tonight I'm not afraid // to feel the revolutions. How can you want sleep // when passion gives you that peace?»¹ [2, p. 205–206].

Словы «жарсць» (*passion*) і «спакой» (*peace*) супастаўляюцца тут даволі парадаксальна, амаль ствараючы аксюмаран «жарсны спакой». Гэта падкрэслівае адрозненне стану лірычнай гераіні ад дрымотнага зацішша смерці – ад вядомага «спачывай у супакоі» (*rest in peace*), з якім традыцыйна звяртаюцца да нябожчыкаў. Чытач можа назіраць падабенства і адначасова кантраст з фіналам «Садовага язміну»: у ім гераіня таксама адмаўляецца ад сну праз пэўнае нейтаймавальнае пачуццё, але ключавым словам, якое тлумачыць яе стан, з'яўляецца там не «спакой», а «незадавальненне». Гармонія міжчалавечых адносінаў была парушаная там і напраўленая ў «Начным спеве»; нянавісць да цялеснага і страх перад ім адышлі ў нябыт. Замест іх вызнаецца адважнае прыняцце матэрыяльнай рэчаіснасці і адмова ад штучных гendarных канструктаў, якія становяцца перашкодай на шляху чалавека да аўтэнтчнага быцця.

Такім чынам, экзістэнцыяльны неспакой, які ў «Садовым язміне», «Марафоне» і іншых паэтычных творах Луізы Глюк з'яўляецца неад'емным аспектам цялеснасці, вынікае з чалавечай няздольнасці існаваць у застылым, нязменным стане. Менавіта гэтая няздольнасць робіцца прычынай смелага імкнення да зменаў. Гэта яна ў рэшце рэшт вядзе чалавека праз цёрні да зорак – праз смутак і самоту да пераўвасаблення і сапраўднага спакою, да гарманічнай еднасці са светам і іншымі людзьмі.

ЛІТАРАТУРА

1. *Вермеш, Г.* Христианство: как все начиналось / Г. Вермеш; пер. Г. Г. Ястребова. – М. : Эксмо, 2014. – 384 с.
2. *Glück, L.* Poems 1962–2012 / L. Glück. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2013. – 656 p.

---

¹ «Мы так доўга былі ў разлуцы, ў надзвычай балючым расстанні. // Як ты можаш вытрымаць гэта: сніць // і перастаць глядзець? <...> // Я павінна табе расказаць, чаму навучылася, бо цяпер я ведаю, // што здараецца з тымі, хто сніць. // Ім не адчуць пераменаў. Адночы // яны абудзяцца, апрануцца і будуць старымі. // Гэтай ноччу я не баюся // адчуць змяненні. Як ты можаш марыць пра сон, // калі жарсць адорвае гэтакім спакоем?».

3. *Синило, Г. В.* Экклесиаст и его рецепция в мировой культуре. В 2 ч. / Г. В. Синило. – Минск : БГУ, 2012. – Ч. 1: Предтечи, поэтика, религиозные интерпретации. – 220 с.
4. *Neumann, E.* Amor and Psyche: The Psychic Development of the Feminine / E. Neumann. – Abingdon-on-Thames : Routledge, 2013. – 194 p.
5. *Жеребкина, И.* «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализм. Феминизм / И. Жеребкина. – М. : Идея-Пресс, 2000. – 256 с.
6. *Atwood, M.* The Robber Bride / M. Atwood. – New York : Anchor, 1998. – 528 p.
7. *Heschel, A. J.* Who Is Man? / A. J. Heschel. – Stanford : Stanford University Press, 1965. – 128 p.

The article deals with the problem of corporality in the texts of the fifth poetry collection of Louise Glück – Pulitzer Prize winner (1993) and US Poet Laureate (2003–2004). Connections to works of other poets and writers are discovered, theological and mythological aspects of corporality are discussed at length. Close attention is paid to psychological and sociological factors that could have affected the poetics of the selected texts, whether directly or indirectly.

Поступила в редакцию 26.06.2019

НАШИ АВТОРЫ

Абреу-Фамлюк Виктория Раульевна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Аскари Арьян Сохраб – ст. преподаватель кафедры языкознания и страноведения Востока БГУ. Тел. (+375 29) 508-75-03.

Бетень Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент, проректор по учебной работе МГЛУ. Тел. 284-75-14.

Биюмена Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иноязычного речевого общения МГЛУ. Тел. 294-75-74.

Борзенец Светлана Евгеньевна – доцент кафедры речевого общения МГЛУ. Тел. 288-25-71.

Виноградов Илья Александрович – магистр филологических наук, ст. преподаватель Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины. E-mail: ilia_vinogradov@tut.by. Тел. (+375 29) 712-90-12.

Гирко Екатерина Александровна – выпускница факультета немецкого языка МГЛУ. Тел. (+375 29) 307-02-75. E-mail: katarina_girko@mail.ru.

Корбачёва Татьяна Валерьевна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. (+375 29) 364-54-13. E-mail: corbatan@rambler.ru.

Лебедевич Роксана Викторовна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. (+375 29) 174-75-46.

Лещёва Людмила Модестовна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Любчанка Алексей Александрович – магистр филологических наук, аспирант кафедры белоруской и зарубежной литературы БДПУ. Тел. (+375 29) 556-17-85.

Лю Пэн – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Ключенович Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода № 2 МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Кохнович Надежда Александровна – преподаватель кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета БГУ. Тел.: (+375 29) 309-52-45, (+375 25) 939-07-14.

Кузьменко Настасья Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английской речи МГЛУ. Тел. 288-18-02.

Курбаленко Наталия Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31. E-mail: kurbalenko@tut.by.

Первушина Любовь Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63. E-mail: lyubaper@gmail.com.

Петрович Александра Юрьевна – аспирант кафедры зарубежной литературы БГУ. Тел. 327-12-94. E-mail: alpiatr@gmail.com.

Фурашова Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Чэнь Тин – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. (+375 33) 685-83-79.

Шуманская Ольга Анатольевна – аспирант кафедры речевого общения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 294-71-14.

Янкова Виктория Дмитриевна – студент факультета немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 4 (101), 2019

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, В. М. Василевская,
О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 28.08.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 8,60. Уч.-изд. л. 9,83. Тираж 100 экз. Заказ 33.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172